

Управление культуры администрации г.Осинники
Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система»
Центральная городская библиотека

Слово о Торбокове

г.Осинники
2008

ББК 83.32Рос6-4К
С 48

Составитель: Рожнова Н.В.

Центральная городская библиотека г.Осинники благодарит Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Государственное учреждение Республики Алтай «Институт алтаистики им.С.С.Суразакова», новокузнецкий литературно-мемориальный музей Ф.М.Достоевского и краеведческий музей г.Осинники за предоставленный материал.

С 48

Слово о Торбокове / Управление культуры администрации г.Осинники; Муниципальное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система» Центральная городская библиотека; составитель Н.В.Рожнова. – Осинники. - 2008. – 186 с.

© Центральная городская библиотека г.Осинники
2008 год

От составителя

Степан Семенович Торбоков – поэт-сказитель, собиратель фольклора давно уже стал визитной карточкой Осинников. Несколько лет назад Центральная городская библиотека занялась исследованием творческого наследия шорского поэта – земляка.

Документы, собранные путем визуального просмотра краеведческих периодических изданий, а также привезенные из творческих командировок в Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Государственное учреждение Республики Алтай «Институт алтаистики им.С.С.Суразакова», и материалы, бережно сохраненные новокузнецким литературно-мемориальным музеем Ф.М.Достоевского и краеведческим музеем г.Осинники являются уникальными и представляют собой большую историко-культурную ценность. Наибольшего внимания заслуживают рукописи поэта, документы, иллюстрирующие жизненные этапы деятельности С.С.Торбокова.

Собранный воедино материал, объединенный в одну книгу под названием «Слово о Торбокове», позволит наиболее полно раскрыть жизненный и творческий путь поэта, его мировоззрение.

Книга состоит из нескольких глав.

Первая - носит название «Торбоков о себе». В нее вошли воспоминания Степана Семеновича и его рассказ о себе, напечатанные в газете «Красная Шория».

Глава вторая включает в себя статьи о Торбокове. Здесь мы поместили воспоминания людей, которые были знакомы с поэтом лично, статьи о жизни и творчестве Степана Семеновича, в свое время опубликованные в различных печатных изданиях, а также Слово об отце, написанное его сыном Валерием Степановичем.

Третья глава посвящена изучению творческого наследия поэта. Это фундаментальные исследования неопубликованных записей шорских эпических сказаний в хакасском архиве С.С.Торбокова, сделанные ученым-исследователем Функом Дмитрием Анатольевичем, Тугужековой Валентиной Николаевной,

а так же работы преподавателей кафедры шорского языка и литературы КузГПА – Ф.Г.Чиспияковой и И.В.Шенцовой.

Следующая часть книги включает стихи, написанные осинниковскими поэтами, посвященные выдающемуся земляку.

В отдельную главу выделены письма С.С.Торбокову. В нее включены только те из них, которые мы смогли разобрать и авторы, которых известны. Это письма сына, деловая переписка с институтами и издательствами.

Небольшую часть книги занимает глава, содержащая фотодокументы из краеведческого музея г.Осинники и литературно-мемориального музея Ф.М.Достоевского. В ней представлены фотографии из семейного альбома и фото документов, принадлежащих Торбокову.

Работая над этой книгой, наша библиотека ставит перед собой цель познакомить подрастающее поколение и жителей города в целом с биографией нашего земляка, национального поэта, хранителя шорской культуры. А эти ценности имеют непреходящее значение, потому что они лежат в основе таких понятий, как патриотизм, любовь к своей малой Родине, к своему родному городу. Ведь в судьбе С.Торбокова как в капле воды отразилась судьба его народа, судьба Горной Шории.

Глава I

С.С.Торбоков о себе

О Шории пою

Наш корреспондент попросил Степана Семеновича рассказать о себе. И вот из села Тайлеп, Нивокузнецкого района, Кемеровской, области пришел ответ.

Родился в конце 1900 года 24-го декабря в улусе Осинники (ныне город Осинники). В 1913 году окончил церковно-приходскую школу. В 1914 году попытался поступить в Бийское катихизаторское училище, но не выдержал вступительный экзамен, а в гимназию сыну охотника-шорца не было доступа.

Еще в детские годы я очень увлеченно слушал исполнение под аккомпанемент кай-комуси сказмтеля-поэта Ивана Константиновича Тельбезакова (Куштай Иванги). Дословно запоминал каждое сказание. А когда подрос, сам стал исполнять героический эпос. Во время колчаковщины хотел идти в партизаны, но передовые шорцы того времени — партизаны Федор Николаевич Токмашев и Александр Ильич Пебызаков — посоветовали ходить с кайкомусом в народ и петь героический эпос с тем, чтобы героические сказанья были похожи на партизан. Народ меня, как юного сказателя, слушал с огромным вниманием. После изгнания колчаковщины, стал работать в родном селе наркомом и уполномоченным сельсовета, и стал разъяснять односельчанам советское законодательство и помогать людям управлять своим хозяйством.

Стихи начал писать еще в юные годы, но они были неуклюжие и исключительно, — любовные. В 1930 году меня послали в г.Красноярск на учительские курсы. Прослушав эти месячные курсы, я был направлен учителем в Тенешскую школу Горной Шории.

Проработав в этой школе два года, был переведен в Тайлепскую школу преподавателем географии и биологии. Сразу

почувствовав недостаток знаний, стал работать, учиться. Таким образом, работая, учился 15 лет. В 1943 году окончил при Томском государственном университете заочное отделение пединститута, получил диплом с правом преподавания географии в средней школе. Еще в юные годы очень высоко ценил героический эпос нашего народ. Когда ушел с работы не заслуженный отдых, с целью сохранить от забвения замечательное поэтическое народное творчество — героические сказания - стал записывать на родном языке и построочно переводить на русский язык. Таким образом, записал и перевел около 60 сказаний,

Отец мой, Семен Леонтьевич, слыл знатным охотником-следопытом, а поэтому с ним вместе зимой на лыжах, в погоне за хищным зверем, прошел почти весь Кузнецкий Ала-Тау, летом ходили за кедровым орехом в Горношорскую тайгу.

Молчат, призвдумались горы,
Но снова, в который уже раз,
Я слышу глухие укоры:
«Зачем позабыл ты про нас?»
Родные мои, не корите,
Не мог я забыть вас, не мог,
Хоть нет уже силы и прыти,
Взобратся на дальний отрог.
Ни много, ни вами забыто,
Что было минувшей порой,
Резвым ногам следопыта,
Был соболь доступен любой.
Не сетуйте други – не надо...
Два раза не быть молодым,
Мы рады цветению сада,
Где жить поколениям другим.

С.Торбоков
(газете «Красная Шория».
– 1974.- 5 декабря)

Шория Степана Торбокова

В декабре 2005 года шорскому поэту Степану Торбокову исполнилось бы 105 лет. Внештатный корреспондент Анатолий Ильич Попов предложил вниманию читателей «Красной Шории» воспоминания Степана Торбокова. Они взяты из личной переписки А.И.Попова с поэтом, происходившей в семидесятые годы прошлого века.

Помню, в детстве, играя на берегу речки Кандалепки, в долине которой расположен нынешний город Осинники, мы с ребятами частенько находили округлые, похожие на лепешки, тронутые ржавчиной камни. Тогда я не знал ещё, что не камни это вовсе, а обкатанные водой шлаки древних плавильных печей.

Это была живая встреча с кузнечным искусством предков, которые несколько столетий назад добывали железо и выплавляли из него наконечники стрел, мотыги, топоры, ножи и всевозможную хозяйственную утварь.

Когда подрос, я стал расспрашивать стариков, внимательно прислушиваться к легендам и преданиям, извлекая, из них крупицы подлинной истины о моём народе. С тех пор история шорцев стала неотъемлемой частью всей моей жизни.

1926 году постановлением советского правительства был организован национальный Горно-Шорский район с коренным населением кузнецкими татарами (вероятно, название произошло от древнего ремесла предков), или шорцами (по названию самого большого рода «Шор»). Прежде шорцы жили родами - чо́на-ми. Северную часть Шории поделили между собою Божиян-чону, Абалар-чону, Табжео-чону. Южную - Калар-чону, Кзай-чону, Таят-чону и другие. Несколько родов-чо́нов облюбовали себе низовья реки Мрассу.

Во главе каждого чо́на стоял паштык (управляющий). Это был избираемый на сходе мужчина не моложе 18 лет. Женщины к выборам не допускались. Немалый интерес представляет процедура выборов. Каждый из собравшихся, подходя к кандидату на должность паштыка, дотрагивался до него рукой, одобряя таким

образом выбор, хватал за правую руку и сильно хлопал по плечу. Кандидат как бы старался убежать от таких «ласк», но его, весело хо-хсѣа, держали несколько парней. И тогда, будто бы уступая воле народа, избранный смирялся и принимал на себя обязанности паштыка. Вероятно, отсюда и пошло слово «тударча» - «держатъ», а не «выбирать». И в дни выборов у нас говорят: «советке тударча» - «держатъ советскую власть».

Разумеется, при выдвижении кандидатов на должность паштыка разгоралась настоящая борьба между байской верхушкой и бедняцко-средняцкой частью населения, и чаще всего избирался середняк, чтобы никому не было обидно. Так, на моей памяти избирались паштыками Бетбаяковского чона середняки Павел Малышев и Егор Таптычаков. Это были последние паштыки. Столыпинская реформа, направленная на ликвидацию общинного крестьянства, положила начало распаду чонов.

Преступников судил сам народ на общем собрании-сходке. Основной нормой наказания была порка прутьями: чем тяжелее вина, тем больше прутьев. Но были случаи, когда сход приговаривал виновного к тюремному заключению или высылке из родных краёв за пределы губернии. Решение схода было окончательным. Тех, кто совершал особо тяжкие преступления – убийство, грабеж, воровство, изнасилование – судили три паштыка соседних чонов. Приговор тогда посылался на утверждение в мировой или уездный суд. И не было случая, чтобы там не утвердили решение паштыков.

И всё это было сравнительно недавно, каких-нибудь сто лет тому назад. Отдаленные же наши предки вели в основном кочевую жизнь, зимовали на горах, потому что зимой на возвышенности теплее, чем в низине. А летом спускались в долины рек. Зимой и летом жили в юртах. Зимой охотились, а летом занимались рыбной ловлей. Собирали и сушили корни кандыка, саранки, другие съедобные растения и корни.

Коренное население юга Шории с давних времен научились корчевать тайгу и обрабатывать землю. Орудиями труда были мотыги и деревянные грабли, но и этого было достаточно, чтобы собирать хорошие урожаи зерновых - ячменя, овса. Каждый

колосок бережно выдергивался с корнем, связывался в небольшие снопики, которые затем вешали на жерди для просушки.

Скотоводством шорцы почти не занимались, хотя и знали названия всех домашних животных. «Не корми ребенка молоком. Разве молоко для ребенка пища?» - говорилось в одной из шорских легенд.

Вплоть до Октябрьской революции, а в отдельных улусах даже и в годы советской власти покойников не зарывали в землю, а в гробах или просто завернутых в бересту подвешивали на крепких сучьях хвойных деревьев - кедра, сосны или пихты. Гробы выдалбливались из толстых стволов, а снаружи обтёсывались. Шорцы верили в чистого духа Ульгена и злого духа Эрлика. Ульген находился на небе, а злой дух Эрлик в подземном царстве. Ульген даровал людям жизнь и счастье, Эрлик напускал болезни и несчастья. Потому, наверное, и подвешивали покойников на деревья, чтобы они не попали в лапы Эрлика, а были бы поближе к достославному Ульгену.

При принятии христианской религии шорцы исполняли христианские обряды, но не забывали и своего Ульген-хана. В случае какого-нибудь несчастья или болезни тоже обращались в первую очередь не ко Христу, а к своему старому знакомому - шаману-каму.

Новый год отмечался шорцами весной. Я хорошо помню, как в детстве, лишь только прогремит первый гром, все жители улуса, стар и млад, выбегали на улицу, снимали шапки, платки, бросали их вверх и восторженно кричали: «Пусть мой старый год меня оставит, мой новый год в меня войдет!» Затем, через несколько дней, пока не распустятся на деревьях листья, народ приходил к священной березке-шачыла. Каждый приносил приготовленную для этого случая брагу и разноцветные ленты для украшения. Когда собирался народ со всего улуса, один из стариков - знаток - брал в правую руку поварешку, в левую - туесок с брагой, подходил к березе, становился лицом к востоку и окроплял дерево брагой, а затем, обращаясь к священной березке от имени всех жителей улуса, начинал моление:

-Зелёная голова зашевелилась,
Жизнь к нам вновь вернулась,

Горные двери открылись,
Горы и воды согрелись.

Старик-знарок пел, а остальные, затаив дыхание, с благоговением вслушивались в таинственные слова молитвы. Ведь он молил природу даровать людям в новом году счастья и здоровья, лучшую жизнь, удачную охоту и хороший урожай хлебов.

Названия месяцев у шорцев связаны с явлениями природы и хозяйственной деятельностью человека. Так, январь - кичич кырлаш, морозный; февраль - вьюжный; март - перевалочный (в мартовское новолуние глухари переваливают из одной долины реки в другую через горные хребты или гривы); апрель - бурундучий месяц (зверек выходит из норки на поверхность и начинает добывать себе пищу); май - ложный; июнь - прополочный; июль - покосный; август - месяц молний; сентябрь - жатвы; октябрь - тока; ноябрь - охоты; декабрь - старший месяц.

Ни о каких числах и неделях шорцы не знали. Охотники, уходя в тайгу на промысел, говорили домашним: вернемся в таком-то месяце, когда луна будет столько-то дней на ущербе, и наказывали к этому времени приготовиться к их встрече.

На охоту уходили в полнолуние или в новолуние, и считалось, что тогда охота будет удачней. Даже лес для жилья старались заготовить в новолуние или полнолуние, полагая, что он будет крепче и долговечнее.

До столыпинской реформы шорцы платили так нарываемый албан - государственный налог пушниной. Каждый мужчина, достигший 18-ти лет, должен был сдать шкуру крупного колонка или лучшего горностая; или от шести охотников в государственную казну полагалось отдать шкуру соболя либо крупной выдры. Оплата албана отмечалась на отёсанной палочке рубчиком, так как грамотных людей почти не было.

Я помню, что на девять чонов был лишь один грамотный писарь и в каждом улусе его встречали как самого дорогого и почетного гостя. День сбора албана назначался паштыком и обязательно летом - в июле-августе, когда заканчивался сенокос, а время для уборки урожая ещё не подошло. И хотя людям

приходилось бесплатно отдавать с таким трудом и риском добытые шкурки, всё же этот день отмечался торжественно: рассчитался с долгом, теперь гуляй на здоровье. На собранные с каждой семьи деньги покупался большой жирный бык или корова. Животное тут же забивали и варили в казанах мясо. Из толстых плах составлялся огромный круг. На самое почетное место первыми садились старики и старухи, затем охотники и плательщики албана, а уж потом только все остальные.

Специально для этого случая избранные девушки и юноши разносили порезанное на мелкие кусочки мясо, а мужчинам-охотникам кроме того подносили кости с крупными кусками мякоти.

После пиршества пожилые люди пели песни, а молодежь состязалась в борьбе и беге. Девушки плясали в кругу, а дети играли в лапту.

На таких вот празднествах холостые мужчины присматривали себе невест. Кстати, жениться шорцу было не просто. Родителям невесты требовалось уплатить калым: одного коня (якобы за голову девушки), одного или двух бычков и не менее ста рублей в придачу. Недешево обходилась и сама свадьба. Из-за такого обычая немало бедняков и батраков на всю жизнь оставались холостыми или женились на вдовах, за которых калым не полагался. Выплата калыма была запрещена советским правительством в 1928 году, однако и по сей день в отдельных улусах можно наблюдать случаи выплаты калыма, настолько крепка традиция предков.

В заключение коротких этих заметок мне хотелось бы остановиться на некоторых географических названиях, связанных с историей шорского народа. Слово «кандалеп» происходит от шорского «кантогул», что в буквальном переводе означает «кровь проливалась». В предании говорится, что на этом месте был когда-то жесточайший бой с джунгарами, и вода речки густо смешалась с человеческой кровью. Есть ещё другая речка Кандалепка, на которой расположено село Кандалеп. В детстве, помнится, старики не разрешали из неё пить воду и даже поить лошадей - до сих пор, дескать, течет здесь кровь предков, погибших в бою с джунгарскими ханами-поработителями.

И совершенно не прав исследователь прошлого века Василий Вербицкий, утверждавший в своей работе «Алтайские инородцы», что бой происходил не с джунгарскими ханами, а с русскими казаками. Переходящие из поколения в поколение легенды и предания убедительно доказывают, что шорцы приняли русских казаков, как друзей, и не только боев, но и каких-либо вооруженных стычек между ними не происходило. Об этом говорит хотя бы такой пример. Все нации - тувинцы, хакасы, алтайцы, кумандинцы и другие - русского человека называют «орус-кижи», «орус-человек», а шорцы - «казак-кижи», «казак-человек». Это неопровержимо доказывает, что наши предки впервые встретились именно с казаками как с представителями русского народа и были с ними в самых дружеских отношениях.

Русский народ помог шорцам перейти от полудикого, кочевого образа жизни к настоящей оседлости. Научил строить избы вместо юрт и хозяйствовать на родной земле, поделился своей мудростью, фольклором. До сих пор шорцы очень любят слушать русские сказки и сказания, потому что в них есть немало общего с нашими легендами и преданиями.

С. Торбоков,
шорский поэт
(газета «Красная шория». –
2006.- 29 января)

Глава II

Слово о С.С.Торбокове

Великий кайчи

Автор трёх поэтических сборников, страстный просветитель, собиратель шорского национального фольклора Степан Семёнович Торбоков по праву считается зачинателем шорской литературы.

Он был первой ласточкой припозднивше «шорской весны». И судьба его весьма характерна, если посмотреть на нее сквозь призму духовной жизни народа, долгие годы влачившего жалкое этническое существование. Ровеснику века, С. С. Торбокову пришлось испытать и долю угнетенного, и радость созданной песни, и увидеть новую жизнь во всей ее широте, глубине и яркости. В его жизни, как в капле воды, отразилась судьба его народа. До революции народ исконных охотников, умелых рыбаков, искусных кузнецов и землепашцев не знал счастья: Шорию разоряли набеги джунгар, непомерный произвол царской власти и местных баев. Сын бедняка, он родился в семье охотника 21 декабря 1900 г. в селе Тагдагал (ныне г. Осинники), и нужда рано заставила его взяться за труд, не по возрасту тяжелый. Мальчиком исходил он вместе с отцом родные леса и горы, неделями не бывая в родном улусе. И уже тогда задавал он себе вопрос: отчего так тяжело живется бедноте? В 1913 году окончил церковно-приходскую школу, а в следующем попытался поступить в Бийское катехизаторское училище, но не выдержал вступительных экзаменов, а в гимназию сыну охотника-шорца дорога была закрыта. И снова возвращается он в свой улус, к таежному промыслу.

Его бабушка Пахтан слыла шаманкой, знала множество заклинаний и заговоров и, кружась вокруг костра, била в бубен колотушкой, заклинала то доброго божества Ульгения, то повелителя злых духов Эрлика. Эти таинственные призывы Торбоков запомнил с самого детства. Но еще сильнее бабкиного камлания привлекала впечатлительного мальчика игра на народном инструменте - кай-комусе. Из этого, немного

похожего на русскую балалайку, но о двух витых волосяных струнах инструмента извлекали кайчи свои обворожительные мелодии. Хотелось взять кай-комус и сложить свою песню. И он пел: родная природа, тайга в утреннем тумане, серебристые древние горы сквозили в этих первых балладах, будучи при этом его первыми слушателями и учителями. А однажды, возвратясь с охоты и укачивая маленького братика, Степан спел ему колыбельную собственного сочинения. Так начиналось постижение языка и литературы.

И так бы и шла жизнь охотника Степана, так бы тихо и незаметно оборвалась бы она на лесной тропе, но пришла в Шорию революция. Как вспоминаете. С. Торбоков: «Во время колчаковщины хотел идти в партизаны, но передовые шорцы того времени - партизаны Федор Николаевич Токмашев и Александр Ильич Пебызаков посоветовали ходить с кай-комусом в народ и петь героический эпос, с тем чтобы героические сказания были похожи на партизан...». И со всей страстью молодости пел кайчи о храбрых богатырях, зажигая пожар в душах слушателей. Еще шла Гражданская война, а Торбоков уже мечтал о новой судьбе: прогонят баев и ханов, наступит Советская власть, он выучится на учителя и будет учить детей своего маленького народа. Но этой мечте суждено было исполниться не сразу. «После изгнания колчаковщины, - вспоминает сам С. С. Торбоков, - стал работать в родном селе нардомом (Дом культуры - по современной терминологии. - Е. Д.) и уполномоченным сельсовета и стал разъяснять односельчанам советское законодательство и помогать людям управлять своим хозяйством». Он организовал в Шории потребительскую кооперацию, учил грамоте, решал важные вопросы, не расставаясь при этом с кай-комусом - через песню короче путь к сердцу народа. Тогда и стал он записывать его песни и песни, сочиненные самим, отличавшиеся своеобразной композицией, удивительными метафорами и ассоциативными сравнениями:

...Мой скакун теперь -
струна витая.
И пойдет со звоном иноходь
крутая.

Если заря взошла,
На небо посмотрю.
Милая, если пришла,
Песню ей подарю...

(«Песня парня»)

В двадцать семь лет он поступает на курсы ликвидации неграмотности в г. Мыски и, вернувшись, открывает ликбез у себя в улусе, где целиком отдается этой работе. Так был сделан шаг к заветной мечте стать учителем. И вот в 1930 году его посылают на трехмесячные учительские курсы в г. Красноярск, по окончании которых С. С. Торбоков становится учителем в Тенеше. «Никто в селе и понятия не имел о школе. Добился, чтобы под нее отвели дом сбежавшего бая. Привез немного учебников на русском языке и тетрадей. Книжки выдавал по одной на группу учеников, а тетрадей едва хватило до середины зимы. Писали на газетах, а однажды организовал поход в лес за берестой. Пригодилась», - так вспоминал он начало своей учительской работы. Через два года он был переведен в Тайлепскую школу учителем географии и биологии. Вскоре там его назначают заведующим и он не только учит детей, но и с радостью выполняет такую, казалось бы, рутинную работу, как ремонт помещения, заготовка дров, и прочие хозяйственные школьные дела. Он ездит в командировки в г. Сталинск (ныне Новокузнецк), продолжает агитировать за колхоз. Руководит художественной самодеятельностью, сам пишет инсценировки для кружка, под кай-комус исполняет свои песни. Жизнь его полна и интересна, но, чувствуя нехватку знаний, Торбоков поступает на заочное отделение Томского университета, которое заканчивает в 1943 году с правом преподавания географии в средней школе.

В лихолетье Великой Отечественной войны поэт подчеркивает в своем творчестве единение с братскими народами, стремится стать их голосом и выразителем их чаяний. В это время он создает сугубо патриотические песни, обращаясь к народному эпосу:

Встал Темир перед народом.

Я, сказал он, предлагаю
Дать сейчас отпор джунгарам,

Чтоб они не зарывались.

Мы свои комусы снимем,
Опояшемся мечами
И научимся сражаться,
Бить джунгар поможем русским.

(Эпос «Алтын аар»)

Настает время взглянуть на мир глазами беспристрастного критика, стать судьей данного времени. Творчество, рожденное под влиянием Великой Отечественной войны, отличается пафосом воздействия на окружающий мир, оптимистической убежденностью в своей правоте, призывно-лозунговыми нотами:

Скажи, Мустаг, на родине моей
Не перевелся род богатырей?
Нам можно руку дружбы протянуть,
Но подходить с мечом ко мне не смей...

(«Мустаг»)

Велико богатство шорских народных песен. В них звучит то безудержная удаль и сила, то глубокая печаль, то раскрывается широта души, словно летящей поверх скалистых гор и седой тайги. В руках умелого кайчи, собирателя мудрых пословиц, сказок и загадок, древних легенд все это сокровище доходит до нас. Степан Торбоков сумел донести до наших дней записи на родном языке. Все глубже и глубже изучая фольклор, он записывает его латинизированным шрифтом на шорском, тут же делая подстрочные переводы на русский язык. Десятки героических сказаний - каев, более пятидесяти эпических произведений, песен, каждая из которых состояла из семи тысяч стихотворных строк, можно сказать, всему этому он посвятил свою жизнь, тонко передавая красоту, и напевность, и необычайное музыкальное очарование.

В поисках нравственно-психологической опоры в духовном мире простонародья он ориентирует свое творчество и на сказки. «Парень-сирота», «Охотник Панюгеш», «Волшебная шапка», «Пчелка», «Чок-Анчы»... все они отличаются предельной простотой слога. Будучи блестящим знатоком шорского языка, воспроизводя его с изысканным мастерством, С. С.

Торбоков никогда не перегружает высказываний своих персонажей диалектными словами и затейливыми речениями. Его сказки вместе с реалистической точностью деталей проникнуты романтическим и глубоко сочувствующим отношением к простому народу, болью за его трудную судьбу и восхищением его духовной силой. Их герои не только живут и страдают, задумываются над смыслом жизни, но и ненавидят, бунтуют против несправедливости и добиваясь все-таки равновесия в мире. Таковы сказки Степана Торбокова, где высмеиваются общественные пороки и прославляются морально-этические качества национального характера. Писал он и басни. «Пес и лошадь», «Спор», «Медвежонок» - используя эзопов язык, автор освещает в них вечные проблемы бытия, человеческие пороки и добродетели.

В 50-е годы он устанавливает связи с НИИ языка, истории и литературы, представив свои собрания, одновременно знакомясь с поэтом Ильей Авраменко. Эта встреча окрылила его и в то же время заставила заняться поэзией более серьезно. Стихи Степана Торбокова в переводах поэтов Михаила Небогатова и Геннадия Сысолятина появляются на страницах местных газет, журналов «Сибирские огни» и «Огни Кузбасса». Особенно плодотворным было сотрудничество с Г.Сысолятиным: хорошо знающий Хакасию, Горный Алтай и Горную Шорию, тонко чувствующий языковой колорит торбоковской поэзии, Сысолятин на свой вкус и выбор переводит его самые значительные и интересные произведения. В 1960 году выходит два сборника: «Белая береза» - первая книга стихов - и детский сборник «Пихточка». В 1967-м книга «Струны кай-комуса».

На пенсии С. С. Торбоков писал воспоминания по истории Осинников, что хранятся сейчас в тамошнем краеведческом музее, выступал со статьями в районных газетах. Его произведения переводили на языки народов СССР. Судьба его по своему неповторима. Сын бедняка-шорца, охотник-промысловик, свидетель революции, Гражданской и Великой Отечественной войн, собиратель эпоса, фольклорный сказитель, учитель, публицист и образованнейший человек своего времени, Степан Торбоков умер в глубокой старости, до конца выполнив

свое предназначение. Он сделал все, что мог, в годы безвременья, застоя, когда из жизни шорцев исчезли последние черты национальной самобытности. Родственники рассказывают, что из всех работ по хозяйству он предпочитал пчеловодство. За этим занятием в июне 1980 года и застигла его внезапная смерть...

...Упадет столетняя сосна,
Но оставит прежде семена.
До черты дойдет и жизнь певца,
Но бессмертна песня -

нет конца!

(«Упадет береза, отшумев...»)

Прекрасны его стихи о природе, глубочайшим психологизмом проникнуты стихотворения о любви, о дружбе. Пламенное сердце Торбокова, само способное сильно любить, чутко реагирует на душевные струны любящего человека. И это помогает раскрывать сложнейшие душевные переживания.

...Ханская дочь, покажись мне на миг.

Вправду ль тонка ты,
как стройный тростник?

Вправду ль вздыхаешь
над быстрой водой?

- Нет, это шепчет тальник
молодой...

(«Ханская дочь»)

...И когда закрываешь любой из сборников сочинений С. С. Торбокова, еще долго остается в тебе что-то невыразимо хорошее. Гуманизм, искренность, душевная мудрость - то самое, чему у него можно учиться.

Е. Демакова,
научный сотрудник
Музея этнографии
и природы Горной Шории.

Коллекция С.С.Торбокова в фондах новокузнецкого литературно-мемориального музея Ф.М.Достоевского.

Музеи литературного профиля созданы для того, чтобы сохранять мемориальные комплексы, увековечивать память великих писателей, изучать их творчество и воспитывать своими специфическими средствами современного гармонически развитого человека.

Музей Ф.М. Достоевского единственный на юге Кузбасса литературный музей и, в связи с этим, фонды комплектуются не только материалами по жизни и творчеству великого писателя, но и материалами по литературному краеведению. Это дает возможность изучать и сохранять литературное наследие нашего края.

Одним из наиболее ярких представителей литературы шорского народа является поэт, кайчи Степан Семенович Торбоков.

Коллекция материалов по жизни и творчеству С.С. Торбокова занимает одно из важных мест в фондах нашего музея по значимости и числу единиц хранения. Достигнуто это благодаря поисковой работе сотрудников музея Ф.М. Достоевского и энтузиазму бывшего преподавателя средней школы села Тайлеп Шатиловой Татьяне Анатольевне. В 1999 году в фонд музея поступило 210 предметов из семейного архива Торбокова, которые были переданы его сыном Валерием Степановичем Торбоковым. Это мебель, предметы быта, утварь, фотографии, книги и документы, графические работы, рукописи и статьи, среди которых стихи Степана Семеновича, записи шорских народных сказок:

«Ак Салгын» («Седой Салгын»),
«Волшебная сказка»,
«Чок Анчи» («Бедный охотник»),
«Анчи Астан» («Охотник Астан»),
«Бедняк и 3 брата-богача»,
«Пчелка» и др.

А также шорские народные загадки в переводе Торбокова.

Данные материалы уникальны и представляют собой большую историко-культурную ценность. Наибольший интерес для

нас представляют рукописи поэта, документы, иллюстрирующие жизненные этапы его деятельности. Изучая их, мы можем сделать вывод об огромном вкладе Торбокова в развитие шорского народа, его культуры.

С.С.Торбоков родился на заре прошлого века - в конце 1900 года, 24 декабря, в Улусе Тагдыг-аал (ныне город Осинники Кемеровской области), в семье охотника.

Степан Семенович Торбоков свыше пятидесяти лет исполнял каем-пением, под аккомпанемент кай комуса, двухструнного музыкального инструмента, шорские эпические песни героического содержания, свыше шестидесяти лет он был носителем шорского эпоса, так как перенимать тексты произведений эпоса начал с десяти лет. И все песни, услышанные им в раннем детстве, донес до наших дней. Он сохранил в памяти десятки тысяч стихотворных строк шорских эпических песен.

Он постоянно исполнял эпические песни односельчанам, жителям сел долины реки Кондома, в Северной Шории, иногда и в Южной Шории. Его активное исполнение пришлось на 1920-1930-е годы, на те годы, когда были в силе все исполнительские традиции шорского эпоса, когда была естественная среда певца, когда народ довольствовался достоянием искусства своего народа, когда в Горной Шории не было той высокой цивилизации, которую имеем в настоящем и самое главное, когда народный эпос находился в новом расцвете, не просто активно бытовал, а развивался. Следовательно, он исполнял высокохудожественные произведения народного эпоса.

Исполнением своих произведений он учил молодежь образно мыслить, отличать добро от зла, видеть прекрасное, знакомил с героическим прошлым шорского народа. Другими словами Степан Семенович занимались эстетическим воспитанием. Как кайчи он продолжал сеять доброе, вечное и прекрасное.

Однако, принимая активное участие в строительстве новой жизни, он острее, чем многие другие его современники, чувствовал время и те изменения, которые происходили в жизни народа.

С.С. Торбоков, увидев, что заметно ослабел интерес молодежи к героическому эпосу, взялся за перо. С 1956г., на протяжении почти 30 лет, оставив педагогическую деятельность, он стал записывать все произведения шорского эпоса известные ему; затем - построчно переводить на русский язык свои записи. Он никогда не писал под диктовку, благодаря чему сохранялась подлинность устной речи. Работу по сбору и записи шорского эпоса и других жанров фольклора, выполненную С.С. Торбоковым трудно оценить должным образом. Без преувеличения можно сказать, что Торбоков как собиратель фольклора - явление уникальное в истории фольклористики. Все собиратели фольклора были учеными, или в той или иной степени имели отношение к науке, к научным учреждениям. С.С. Торбоков занимался собиранием, побуждаемый чувством долга перед народом и потомками. Мы не знаем сказителя, который бы сам же пел и сам же записывал им исполненные произведения.

С. Торбоков записал наиболее полные варианты шорского героического эпоса (например, такие поэмы, как "Каан Кес", "Кулер Куш", "Ай Мос", "Алтын Сом", "Кок Адай" и др.). Все записи имеют научную ценность. В них сохранена вся специфика шорского эпоса и исполнительские приемы певца.

Кроме произведений эпоса Степаном Семёновичем записано много сказок, легенд, загадок, пословиц и поговорок. Была проделана огромная собирательская работа.

Все одаренные кайчи в силу своего образного мышления являются талантливыми поэтами, так как они мыслят образами, создают новые поэтические средства языка, овладевают мастерством рассказчика, певца и музыканта. Поэтический талант Степана Торбокова проявился тогда же, когда он начал исполнять шорские эпические песни, он начал искать наиболее полные варианты отдельных героических поэм. Это было уже творческой работой поэта.

Однако стихи стал печатать поздно, когда за спиной была уже большая жизнь. Он написал свыше 300 стихотворений и это особый предмет исследования.

Так уж распорядилась судьба, что поэт не имел

возможности публиковаться на родном языке. Его активное личное творчество выпало на годы забвения шорского языка. С.С. Торбоков вынужден был делать русские подстрочники своих стихотворений.

Творчество этого самобытного шорского поэта было высоко оценено учеными многих сибирских вузов и Москвы. Собранная в литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского коллекция С.С. Торбокова является ценным материалом и обширным полем для современных исследователей истории и культуры шорского народа.

Караваева Н.В.,
Главный хранитель
литературно-мемориального музея
Ф.М.Достоевского
г.Новокузнецк

О кайчи, поэте С.С.Торбокове

Музей Ф.М.Достоевского – единственный на юге Кузбасса литературный музей, и его научные сотрудники занимаются не только сбором материала по жизни и творчеству великого писателя, но и сохранением литературного наследия нашего края. Ярким представителем литературы шорского народа является поэт, кайчи (сказитель) Степан Семёнович Торбоков.

Фонд писателя занимает одно из представительных мест по числу хранящихся экспонатов. Благодаря поисковой работе сотрудников музея Ф.М.Достоевского и энтузиазму бывшего преподавателя средней школы с.Тайлеп Тамары Анатольевны Шатиловой, с 1999 г. в фондах музея хранятся 210 подлинников из семейного архива семьи Торбокова, переданные его сыном. Это мебель и предметы быта, утварь, книги и документы, рукописи и статьи, фотографии, графические работы. Материалы уникальны и представляют собой большую историко-культурную ценность. Наибольший интерес для нас представляют рукописи поэта, документы, иллюстрирующие жизненные этапы его деятельности.

Собранный музеем фонд С.С.Торбокова является ценным материалом для создания выставок в школах и других учебных

заведениях, где учащиеся на примере самобытного шорского поэта могут узнать много нового о культуре коренного населения Кузбасса.

Караваяева Н.В.,
Главный хранитель
литературно-мемориального музея
Ф.М.Достоевского
г.Новокузнецк

Обзор документов из коллекции С.Торбокова в фондах литературно – мемориального музея Ф.М. Достоевского.

Важным разделом коллекции Новокузнецкого литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского являются материалы по литературному краеведению. Научные сотрудники единственного литературного музея на юге Кузбасса помимо решения профильных задач считают своим долгом изучение и сохранение литературного наследия края.

Коллекция материалов по жизни и творчеству С.С. Торбокова (1900-1980), одного из наиболее ярких представителей литературы шорского народа, занимает одно из важных мест в фондах нашего музея. В музей эти предметы были переданы сыном С.С. Торбокова Валерием Степановичем Торбоковым в 1999г. Это мебель, предметы быта, фотографии, книги, документы, графические работы, рукописи и статьи, среди которых стихи Степана Семеновича, записи шорских народных сказок, народных загадок в его переводе.

Материалы эти уникальны и представляют собой большую историко-культурную ценность.

Большое место в коллекции занимают документы семьи С.Торбокова. Среди них: диплом об окончании географического факультета педагогического института заочного обучения при Томском государственном университете им. В.В. Куйбышева в 1943 году по специальности: география; военный и профсоюзный билет, пенсионная книжка Степана Семеновича, членская книжка его и супруги Анастасии Алексеевны, ее свидетельство о

рождении, свидетельство о браке; классификационный билет спортсмена сына Валерия о присвоении ему третьего разряда по шахматам и свидетельство о смерти С.С. Торбокова.

Но среди официальных (общественных) документов есть документы бытового характера, которые имеют большой исследовательский интерес. Они рассказывают не только о Торбокове – поэте, кайчи, но и о Торбокове – человеке, с житейскими заботами, о бытовом, хозяйственном и жизненном укладе его семьи.

С этой точки зрения обратимся к некоторым, на наш взгляд, интересным материалам. Перед нами документ за 1979 год из Новокузнецкого райисполкома, в котором сообщается, С. Торбоков поставлен на очередь для приобретения автомобиля в личное пользование и получит его в 1979 году. К этому официальному документу на листке перекидного календаря за 26 декабря Степан Семенович прикладывает свою смету о материальных возможностях семьи, так и называет ее – «План добычи средств на покупку легковой автомашины и другие нужды». Далее расписывает возможный доход за шесть месяцев (с декабря по май), доход от продажи меда и коровы и тут же, рядышком, в столбиках предстоящие расходы: покупка мяса, лука, молока, семечек, дров, поросся, пальто, хлеба и так далее, и все это с математическими расчетами.

Документов, подтверждающих покупку автомобиля у нас нет.

Среди прочих документов есть справка, выданная на основании по хозяйственной книги за 1974 год о составе семьи Степана Семеновича Торбокова и о том, что он действительно проживает в поселке Тайлеп, а также, копия врачебной справки о том, что С. Торбоков страдает кардиосклерозом и митральным пороком сердца, и по состоянию здоровья ему рекомендуется ограниченное хождение на недалекое расстояние, и не выполнение физического труда.

Конечно, Степан Семенович не мог выполнить предписание врача о не выполнении физического труда, так как в доме было большое хозяйство: 3 коровы и 6 телочек – это подтверждает наличие еще одного документа «Свидетельство о добровольном

страховании животных» 1979 года, кроме всего С. Торбоков вел обширную переписку.

Из писем, принадлежащих С. Торбокову, которые находятся в фондах музея Ф.М. Достоевского можно выделить: 1) письма сына Валерия Торбокова к родителям; 2) письма Степана Семеновича к Михаилу Небогатову и его семье; 3) письма, касающиеся общественной деятельности С. Торбокова. Из воспоминаний сына Валерия «Слово об отце» Степан Семенович неоднократно избирался заседателем в Кузедеевский народный суд. В одном из писем он с негодованием обличает расхитителей кооперативно-колхозной собственности в селе Кузедеево, в другом – Степан Семенович, используя свой авторитет и известность, предлагает похлопотать, чтобы восстановить доброе имя оступившемуся, но хорошему человеку, своему бывшему ученику.

Большая часть писем – это переписка (иногда не полная) с одним из московских литературных музеев о закупе рукописей С. Торбокова, переписка с издателями о публикации своих материалов в газетах и сборниках.

Наибольший интерес для исследователей представляют записи произведений шорского героического эпоса, история изучения которого насчитывает уже полтора столетия. Ибо эпос – это лицо народа, его духовная ценность, по которой судят об истинной культуре любого этноса.

А.И. Чудояков указывает, что С.С. Торбоков «записал...более 50 сказаний»¹.

По данным Д.А. Функа, исследователя эпических текстов Сибири, 8 рукописей эпических сказаний Степана Семеновича хранятся в архиве Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории г. Абакан (далее – ХакНИИЯЛИ); 9 – в государственном литературном музее г. Москва (часть переписки С.С. Торбокова с Гослит. музеем находится в фондах Новокузнецкого музея Ф.М. Достоевского); 24

¹ Чудояков, А.И. Традиции шорского эпоса и сказания Павла Кадьякова // Шорские героические сказания. - М.; Новосибирск, 1998. - С.13.

– в историческом архиве Республики Алтай; 4 произведения - в частных коллекциях; 1 рукопись сказания – в фондах литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского; где хранятся остальные рукописи – неизвестно. В связи с тем, что материалы эти разбросаны и до сих пор не собраны, трудно подвергнуть их точному учету.

Среди небольшой части писем есть интересный документ: «Заявление в институт гуманитарных исследований (ХакНИИЯЛИ) о приобретении записей шорского фольклора» и ниже С.С. Торбоков дает перечень шестнадцати сказаний. Часть из предложенных произведений были позже приобретены институтом, а одно сказание, указанное в списке к приобретению, сегодня хранится в фондах музея Ф.М. Достоевского (ПП-100), оно было передано сыном Торбокова Валерием. Это шорское героическое сказание «Кок – Торчук» (Синий соловей). На обложке ниже названия написано: «Сказитель С. Торбоков. Запись и перевод С. Торбокова, начато 18/1 – 62 года, закончено 16/III – 62 года, размер 6,3 п. л.». Запись сделана в девяти школьных сброшюрованных между собой тетрадках. Текст данного сказания с четкой стиховой разбивкой: на левой страничке идет текст на шорском языке, на правой – смысловой перевод на русский язык. На каждой полной странице помещается по 41 строке, на некоторых страницах дополнения и перевод вынесены «на поля». Всего 107 листов текста. Электронный вариант сказания был передан специалистам на кафедре шорского языка и литературы КузГПА для научной обработки.

Также в вышеуказанном списке к приобретению институтом было сказание «Кубай – Салгын» (Барахтающийся ветер). Сегодня оно находится в частной коллекции. В фондах музея лишь его пересказ, написанный С.Торбоковым на 12 листах ученической тетрадки.

Нужно отметить, к сожалению, работы Степана Семеновича написаны порой очень неразборчивым почерком и нуждаются в расшифровке, может быть, это одна из причин по которой они не часто являются предметом специального исследования. При этом нельзя сказать, чтобы никто из ученых или поэтов не обращался к самозаписям шорских эпических сказаний С.С. Торбокова.

Дать полный обзор творческому наследию Степана Семеновича Торбокова, которое хранится в литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского очень сложно. Это предмет будущих больших исследований для тех, кому дорога культура и история шорского народа.

Как написал С. Торбоков одному из сотрудников института: « Пусть не смущает Вас большое количество записей. Пока мы – старики живы, берите у нас все, что мы можем».

Литература

1. Коллекция рукописей С.С. Торбокова в фондах Новокузнецкого литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского. ОФ. ш.7, п.4. (548/100).
2. Торбоков С. Шория всюду со мной. - Кемерово, 2006.
3. Чудояков, А.И. Традиции шорского эпоса и сказания Павла Кадыякова // Шорские героические сказания. - М.; Новосибирск, 1998. - С.13.
4. Чудояков, А.И. Этюды шорского эпоса. - Кемерово, 1995.

Каравасева Н.В.,
Главный хранитель
литературно-мемориального музея
Ф.М.Достоевского
г.Новокузнецк

Звезда над Тагтагалом

Впервые о С. С. Торбокове я услышала от Г. А. Афониной, бывшей в 70-80-е годы ответственным работником Новокузнецкого сельского райкома партии.

- Поедем с нами Тайлеп, - пригласила меня Галина Анатольевна, - на юбилей шорского поэта Торбокова.

Но я, сославшись на занятость, не поехала, по молодости не вникнув глубоко в суть дела, не понимая значимости этого человека. Чуть позже, с годами, я осознала, какую непоправимую ошибку тогда совершила. Увидеть, услышать живого Торбокова сейчас бы я сочла за счастье.

Шли годы. Проработав несколько лет в Новокузнецком районе, волею судьбы вновь оказалась в родном городе Осинники. В конце 80-х - начале 90-х годов в Кемеровской области пошло на подъем национальное движение. В 1990 году в Новокузнецком государственном педагогическом институте была создана кафедра шорского языка и литературы, которую возглавил первый шорский профессор А. И. Чудояков. Где-то в 1993-94 годах Андрей Ильич был на одном из мероприятий в нашем городском краеведческом музее и с укором, вернее, с грустью заметил, что нет в нашем музее портрета и вообще стенда, посвященного С.С. Торбокову, а ведь он родился на нашей земле - в улусе Тагдагал. Вскоре Андрей Ильич после тяжелой операции умер. Гражданская панихида проходила в здании педагогического института, тогда мы с активом дали слово у гроба нашего духовного учителя продолжить его дело по возрождению, сохранению языка, традиций и культуры шорского народа.

Вскоре к нам приехала русская учительница Татьяна Анатольевна Шатилова - тогда она преподавала в тайлепской сельской школе. Сколько у нее было идей, задумок, планов! Как она нас всколыхнула! Как я ей благодарна за этот душевный порыв - тогда я делала только первые шаги в национальном движении. Помню, 95-летие со дня рождения С. С. Торбокова мы отмечали в тайлепской сельской школе. Сюда съехалась шорская общественность со всей области. Мы зимой пытались проехать к могиле поэта, однако снега намело столько, что нам не помог и трактор. И вот, спустя несколько лет, накануне 105-летнего юбилея поэта, который отмечался в прошлом году 10 декабря, мы с директором Осинниковского городского краеведческого музея Т. Е. Бобылевой, научным сотрудником Л. А. Эрфурт побывали на скромной могиле поэта с простым памятником. Но для меня самым главным было в те минуты ощущение: мы нашли могилу любимого поэта, побывали на ней, мысленно попросили проще-

ния за то, что поздно пришли, за то, что при жизни не смогли воздать ему почести по заслугам. Поэтому хочу обратиться к главе Новокузнецкого района С. Н. Кавардакову, к председателю областной Ассоциации шорского народа М.П. Тунекову с просьбой - к лету поставить на могиле С. С. Торбокова приличный памятник и, если хватит сил и средств у всех нас, восстановить дом поэта, в котором он жил в последние годы и который, к сожалению, сильно обветшал.

Встретились мы в Тайлепе со старожилками села - двумя женщинами, которые помнят Степана Семеновича еще в те годы, когда он работал учителем географии в школе, как любил играть на кай-комусе. Наши собеседницы вспомнили, как они впервые приехали в село, как их тепло здесь встретили, как они ночами напролет слушали великого кайчи.

Степан Семенович родился в 1900 году. Видимо, кто-то из горожан помнит, знает этот дом, скорее всего он еще цел; мы будем рады, если вы нам об этом сообщите. В целом есть задумки по увековечению памяти поэта, но об этом - в следующей заметке.

Мероприятия, связанные со 105-й годовщиной С.С.Торбокова, пройдут в библиотеках города, в краеведческом музее, выставочном зале с участием преподавателей кафедры шорского языка и литературы Новокузнецкой педагогической академии, студентов шорского отделения, шорского ансамбля «Тагтагал», многочисленных друзей общества «Шория». С каждым годом эти мероприятия становятся все более интересными и выразительными. Хочется отметить тех, кто стоял у истоков возрождения памяти С.С.Торбокова, всех, кто сейчас работает, ищет и творит - это М.М.Маслов, Н.Н.Вацко, О.А.Феофанова, Т.А.Шитилова, Л.Б.Смирнова, О.А.Упорова, Т.Е.Бобылева, Т.Д.Алексеева, члены шорского ансамбля «Тагтагал», преподаватели шорского языка и литературы КГПА, поэты города, коллеги из Мысков, Междуреченска, Новокузнецка, Новокузнецкого района, Таштагола, Ассоциация шорского народа, Департамент культуры и национальной политики администрации Кемеровской области.

Комзычакова В.,

Кайчи

10 декабря 2000 года исполняется 100 лет со дня рождения известного шорского поэта, сказителя-кайчи Степана Семеновича Торбокова.

Степан Семенович Торбоков родился в семье шорца-охотника в селе Тагдагал (ныне г. Осинники). Степан рано полюбил охотничье ремесло: уходил с отцом в тайгу на несколько месяцев. Тайга стала для него вторым домом, а он в ней - хорошим хозяином. Охотничьими тропами ходил Степан вдоль Томи, Мрассу, Кондомы, охотясь на соболей, коз, маралов.

По возвращении домой охотников встречали шумно, устраивали праздник - той. Степан любил эти вечера, сам был хорошим певцом и исполнителем народного эпоса. Пел он и свои песни, родившиеся в его сердце где-нибудь на привале у костра.

Очень привлекали будущего поэта игра на шорском народном инструменте кай-комусе. Именно из звучания этого инструмента родилась первая колыбельная, сочиненная Степаном для маленького братишки. Песню эту стали петь все матери Тагдагала.

Еще до революции Степан окончил церковноприходскую школу. После Гражданской войны он стал уполномоченным сельского Совета, организовал в Шории потребительскую кооперацию, заведовал народным домом. В 1927 году С. С. Торбоков поступил на курсы ликвидаторов неграмотности в Мысках. Возвратись домой, открывает курсы ликбеза у себя в улусе. После окончания учительских курсов в Красноярске Степан начинает работать учителем в улусе Тенеш. В 37 лет он поступает на географический факультет Томского университета и заканчивает его в 1943 году заочно.

Затем в течение четверти века С. С. Торбоков учительствовал в школах сел Кинерки, Рябиновка, Тайлеп, где работал учителем,

завучем, директором. Все эти годы он пишет стихи, собирает и записывает песни, легенды, сказки шорского народа.

Стихи поэта без всяких публикаций находили дорогу к сердцу людей. Из уст в уста передавали их из одного улуса в другой. В начале сороковых годов впервые стихи Степана Семеновича Торбокова были переведены на русский язык хакасским поэтом А. Кильчичаковым, опубликованы в газете. В пятидесятые годы собиратель шорского фольклора начинает сотрудничать и переписываться с литераторами Новосибирска и Горного Алтая. В 60-е годы он знакомится с переводчиком своих стихов, поэтом из Абакана Г. Сысолятиным. Позднее переводом его стихов занимались известные в Кузбассе поэты М. Небогатов, В. Махалов.

В 60-е годы выходят в свет три сборника стихов С. С. Торбокова: «Белая береза» (1960), «Пихточка» (1960), «Струны кай-комуса» (1967). Множество стихов Степана Торбокова печатались в газетах «Сельская жизнь», «Сельская правда», «Комсомолец Кузбасса», «Кузбасс», «Красная Шория», «Маяк коммунизма» и др. В 1995 г. издательство Новокузнецкого института усовершенствования учителей выпустило небольшую книгу С. С. Торбокова под названием «Моя Горная Шория». Поэта, сказочника, собирателя шорского фольклора чтят и помнят его современники. А кто хоть однажды соприкоснулся с его творчеством, будет нести в своем сердце светлый восторг от простых и душевных стихов поэта. Хочется, чтобы память о нем не угасла в наших сердцах.

Комзычакова В.,
Зав. отделом по национальным
вопросам администрации
г.Осинники, председатель общества
"Шория".

* * *

Тщетное это занятие - передать в словах неписаную красоту сибирского заснеженного края! Даже мы, привыкшие к таежным просторам, испытавшие трескучие морозы, повывавшие глухие деревни, обомлели перед очаровательной сказкой в селе Тайлеп. Дома, утопающие в сверкающих на солнце сугробах; убегающий за

горы горизонт, верхушки сосен, утонувшие в небесной бездне... Все так, как много десятилетий назад, когда жив, еще был большой поэт малочисленного шорского народа Степан Торбоков. Природа щедро делилась красотой со всеми. Но только он воспринимал ее иначе, и ложились на бумагу волшебные строчки.

Он был учителем - всего села! Давным-давно. Его помнят по сей день. Его любят. Его чтут. Здесь школа, в которой он работал. Здесь дом, в котором он жил. Пустой поныне дом, за которым приглядывает местный старожил.

Много, очень много рукописей, фотографий, писем поэта так и лежат нетронутыми много лет – со дня смерти поэта. Учитель истории из Тайлепа Т.А.Шатилова с учениками собрала их, как могла, оформила в стенды ко дню приезда гостей. Гости было много – из Таштагола, Мысков, Новокузнецка. Осинников. Были люди, которые помнят Степана Семеновича, его ученики. Были те, кто проводит большую работу по изучению и сохранению творческого наследия поэта. В их числе, прежде всего, хочется назвать преподавателей Новокузнецкого института усовершенствования учителей и, в частности, Татьяну Александровну Меняйлову, которая исключительно оригинально иллюстрирует книги шорской тематики.

Благодаря стараниям этих специалистов и многих других, к знаменательному событию вышла новая книга С. Торбокова под заглавием «Моя Горная Шория», куда вошли стихи, сказания, сказки, загадки, которая и была вручена на встрече почитателям поэта.

Не только в книгах должно остаться имя Торбокова. Его нужно сохранить, насколько это возможным будет - в немногочисленных предметах быта, которые окружали кайчи до последней минуты, вместе с домом, который требует ремонта. Без особого пригляда, кстати, даже без памятника - его последнее пристанище, до которого по глубокому снегу нам так и не удалось пробраться.

Заместитель главы Новокузнецкой районной администрации Е. Н. Толмачев пообещал «поизучать этот вопрос и принять конкретное решение». Хочется верить,

что и осинниковцы не останутся в стороне - ведь на их земле родился такой самородок. Может быть, кто-то его еще помнит, может, у кого-то имеются рукописи или сувениры, подаренные кайчи, - будем рады, если поделитесь с городским краеведческим музеем.

А напоследок мы искренне благодарим начальника СУ-6 В. Ф. Могилевцева за предоставленный для нашей делегации автобус, ведь ездили в Тайлеп с ансамблем "Тагдагал".

Комзычакова В.,
Зав. отделом по национальным
вопросам администрации
г.Осинники, председатель общества
"Шория".

Слово о Степане Торбокове

Вряд ли в Кузбассе найдется кто-нибудь из образованного старшего поколения, кому было бы неизвестно имя Степана Торбокова — нашего замечательного поэта-земляка, выдающегося представителя шорского народа. Когда-то он имел довольно широкую известность. Можно даже сказать, он был своим, кузбасским, Расулом Гамзатовым.

В 50—70-е годы прошлого века поэтические произведения Степана Торбокова нередко печатались в областных журналах и сборниках, областных и городских газетах, вышло несколько его поэтических книг.

Степан Торбоков имел своего благодарного читателя, его слово трогало, находило отклик, он просто и вместе с тем глубоко переживал и воспевал изначальное родство человека и природы, побуждал к любви и милосердию, пробуждал чувство сострадания.

Для жителя индустриального Кузбасса такое энергоемкое слово его было особенно значимо.

Но было бы неверно видеть в поэте противника промышленности и прогресса. Как раз напротив, — он был активным поборником улучшения и совершенствования мира, искренне

радовался и приветствовал изменения жизни в своей родной Горной Шории и в Кузбассе. Всё это можно видеть в его стихах, например:

Лишь вчера тут сырело болото, гниль,
А сегодня — город во всей красе.
По уму и по сердцу преобразил
Человек, чтобы было уютно всем.
Создают нам машины завтрашний день,
Недра родины вскрыв, берут плоды.

Но он хотел, чтобы человек, внедряясь в природу, т. е. в изначальное сообщество зверей, птиц, деревьев, воды, ветра, солнца и звезд, всегда помнил, что сам он есть когда-то отделившаяся, но тем не менее все еще неотъемлемая часть этой самой природы, причем часть не самая большая и не самая сильная, но, что чрезвычайно важно, — могущая быть мудрой и сострадательной.

В 80-е мгlistые годы, сразу после смерти Степана Торбокова, нас всех увлекло в дали, отнюдь не поэтические. Поэта стали постепенно забывать. Везде, только не на его малой родине - в городе Осинники и не в среде шорского народа. В 90-е годы появилась группа энтузиастов из числа осинниковцев, которая поставила перед собой задачу возродить славное имя Степана Торбокова. У них нашлись образованные шорцы - единомышленники из других городов. Они сообща выпустили сборную книгу произведений поэта, широко отметили его 95-летие, организовали ставшие традиционными Торбоковские чтения, потом было 100-летие и так дальше. Имя поэта снова стало наслуху, его произведения снова начали читать.

Имя Степана Торбокова снова является настоящей визитной карточкой города Осинники. Поэтому слова «Торбоков» и «Осинники» стали синонимичными по отношению друг к другу. И это такая синонимия, которая делает честь городу!

Не каждый город Кузбасса имеет такого земляка. Да и не каждый город, если у него все-таки был подобный земляк, стремится упрочивать его славу и поддерживать память о нем, взяв на себя заботу о его наследии и публикуя его прекрасные произведения.

Но этого нельзя сказать про город Осинники. Данная книга - лишнее тому подтверждение. Осинниковцы не на словах, а на деле

помнят и гордятся своим поэтом Степаном Торбоковым! А значит, и весь Кузбасс будет помнить его и гордиться им, ведь, как известно, память и гордость - не абстрактные понятия, а результат конкретных инициатив и дел.

Степан Семенович Торбоков родился в 1900 году в том месте, которое много позже стало именоваться городом Осинники. А во время его рождения это был аймак (район), состоявший из нескольких шорских аалов (деревень) во главе с улусом (селом) Тагдагал (параллельное название - Осиновка). Родным селением поэта был аал с поэтическим названием Тайлеп.

Поэтическим в этом аале было не только название. Аал являлся одним из центров бытования традиционного шорского сказительства, т. е. в этом аале испокон веков жили потомственные кайчи — мастера-исполнители героических сказаний. Кайчи в поэтической форме повествовали о тюркских древних героях и их деяниях, исполняя свои сказания не только ритмизованным рассказыванием, но и параллельно (в первую очередь) - горловым пением (называется «кай») под собственный аккомпанемент кай-комуса — двухструнного инструмента типа кобзы. Сохранились имена некоторых выдающихся тайлепских кайчы: Н. К. и Г. С. Тельбезековы, Г. С. Торбоков и др.

Традиционное шорское сказительство в тех местах, кроме Тайлепа, еще бытовало в селе Кинерки, тамошние выдающиеся кайчы: братья К. М. и А. М. Атконовы, С. Б. Шалбыгашев, С. Т. Тайбычаков.

Эти два села и были центрами бытования так называемой кондомской традиции шорского сказительства. Кроме кондомской, в Шории существовала еще мрасская традиция, ее центры - улусы Чувашка, Казасс, Усть-Мрасс, Красный Яр и Карай.

Таким образом, Степан Торбоков вырос в удивительной атмосфере народной поэзии. Более того, от своих прямых предков по линии отца он унаследовал талант кайчи, т. е. обладал великолепной памятью, мог после первого или второго слушанья какого-нибудь кайчи запомнить, а потом хранить в памяти десятки сказаний, каждое из которых вмещает в себя несколько тысяч строк-стихов; великолепно пел горлом и виртуозно подыгрывал себе на кай-комусе.

Талант кайчи у него проявился очень рано, мальчиком он прошел, как было принято, период ученичества у кайчи Н. К. Тельбезекова, очень быстро стал мастером. Спустя многие годы исполнительства у него появился свой ученик, по свидетельству А. И. Чудоякова, им был Т. С. Камзачаков.

В соответствии с кондомской традицией кая-сказительства Степан Торбоков пел с сильным сжатием гортани, но тихим голосом и в чуть замедленном темпе.

Всю свою жизнь он успешно исполнял героические сказания, их в его репертуаре было более 50.

Шорский народ знает его и помнит, как одного из великих своих кайчи. Его имя стоит в одном ряду с именами великих шорских кайчи: Морошки (Н. А. Напазакова), Акмета (А. И. Абокаева), Аккоке (П. Н. Амзорова) и Пабела (П. И. Кыдыякова).

Шорский кайчи часто был не просто исполнителем издревле существовавших героических сказаний, но и как бы соавтором этих произведений. Роль повествователя, отводившаяся ему в сказаниях, позволяла не просто вести слушателя по дорогам вечно живого героического прошлого народа, рассказывать, показывать, выражать переживания героев-богатырей, вызывать сопереживание у слушателя, но и позволяла все это интерпретировать по-своему, выражать события по-своему, через свое понимание того времени и тех людей-героев. В тексты сказаний иногда вносилось свое особенное, авторское (здесь - соавторское) представление, ведь шорский жанр героических сказаний был устным, а следовательно, многовариативным. Жанр предусматривал вариации «узлов» сказания (терминологически — «общие места», «эпические формулы»). Кайчи выбирал тот «узел», который соответствовал бы его нынешнему пониманию события, своему настроению на тот или иной период времени и интересу конкретной публики. Кайчи мог варьировать повествование (мотивы поступков героя), горловой голос и мелодии кай-комуса. Мог даже вносить в седые сказания что-то от современности и от себя лично (осторожно, конечно). Возможностей было много, жанр был относительно свободным: в нем неизменным оставался лишь сюжет, который мог «обрастать» вариациями мотивов и характеристик.

И еще, кайчи редко когда ограничивался одним жанром героических сказаний, он знал и исполнял и другие жанры шорского фольклора: сказки, легенды, пословицы, песни, частушки, загадки. В этих жанрах тоже было возможно соавторство.

Увлеченный возможностью соавторства, Степан Торбоков особенно преуспел в жанре народной песни-сарын. Он стал создавать свои, как бы торбоковские, песни. Первую известность принесла ему «Колыбельная», затем были многие другие. Бее созданное Степаном Торбоковым в жанре народной песни впоследствии широко распевалось народом и пополнило сокровищницу шорской народной песни-сарын. Некоторую часть таких соавторских произведений шорского фольклора (песен, пословиц, загадок и одного сказания), созданных Торбоковым, перевел Г. Сысолятин и в 1975 году издал в московском издательстве «Современник» книгу «Волосяная струна. Произведения устной поэзии горных шорцев».

Известно, что если человек действительно талантлив, то талантлив во многом. У Степана Торбокова в молодости проявился дар поэта (он как поэт — единственный из шорских кайчи, остальные довольствовались лишь возможностями соавторства). Ему стало тесно в рамках фольклорного соавторства, он жаждал полного литературного авторства. Поэтому он начал писать стихотворения, не скованные фольклорными жанровыми рамками. Именно стихотворения, которые уже не нужно было петь (хотя иногда он их пел, подыгрывая себе на кай-комусе).

К написанию собственных стихотворений Торбоков приступил в начале 50-х годов, но первые редкие опыты были еще в 30-е годы.

Кроме собственно поэтического дара, к данной работе его подвигли следующие обстоятельства:

1. Шорский язык и шорская культура, в том числе фольклор, в его время были обречены. Это было вызвано репрессиями 30-х годов, когда был уничтожен, в частности, Горно-Шорский национальный район (1939 год), свелось на нет национальное образование (национальные школы в 1940 году перешли исключительно на русский язык), была закрыта газета на шорском языке (остался только русскоязычный вариант под названием «Красная Шория»), прекратилось издание книг и учебников на родном языке для школ и

педагогического техникума (который был сначала в улусе Томазак-Мыски, потом был переведен в улус Кузедеево). Репрессии коснулись в первую очередь всех грамотных шорцев, деятелей культуры, в том числе кайчи: кто-то был расстрелян, кто-то - посажен, кто-то - просто замолчал. Все национальное стало восприниматься как националистическое, подозрительное, даже - «шпионское», направленное на «отделение» национальной территории от страны. Уцелевшие от репрессий кайчи перестали петь, в том числе и Степан Торбоков, да и слушатели перестали ходить к ним, боялись. Многие уцелевшие кайчи погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Торбокова же на фронт не взяли по возрасту. Торбоков стал искать другое средство для самовыражения.

2. К этому времени Степан Торбоков успел получить образование: до революции окончил церковно-приходскую школу, участвовал в ликбезе (сперва окончил, а потом и сам вел курсы ликвидации безграмотности), получил среднее образование, окончил учительские курсы, заочно закончил в 1943 году географический факультет Томского университета, стал работать учителем, завучем и директором школы в селах Кинерки, Рябиновка, Тайлеп. Не *менее* важно, что в школе и, особенно в культурном Томске он приобщился к великой русской литературе. Вспомните:

Стих я даже писать замахнулся,

Пушкинский почувствовав ритм.

Появилась потребность проявить себя на поприще шорской литературы, вернее, поэзии, лирики. Он захотел в стихах отразить свое неслыханное время - эпоху революционных преобразований в Шории и России.

Известно, поэт (в отличие от прозаика) может писать лишь на родном языке. Время Торбоковым было упущено, так как на родном языке он уже не мог опубликоваться. Но все равно это его не остановило, он стал активно писать стихотворения и тут же делал для своих будущих переводчиков подстрочники своих произведений.

Первым переводчиком его стихотворений стал хакасский поэт-собрат А. Кильдичаков, которому подстрочник не требовался (хакасский и шорский языки — это почти один язык), потом появились другие переводчики, кому подстрочник уже стал просто

необходим, так как они не знали шорского языка (Г. Сысолятин, М. Небогатое, Б. Махалов и др.).

Стихи Степан Торбоков создавал одновременно со своей титанической деятельностью по собиранию и записыванию произведений родного фольклора. Седой фольклор позволял ему уточнять свое миропонимание, подсказывал темы и мотивы, помогал оценить масштаб революции, потрясшей его молодость.

Уверенный (конечно, не до конца), что шорский фольклор и язык скоро навсегда уйдут в небытие, Степан Торбоков решил все-таки оставить на бумаге все то фольклорное богатство, которое он помнил сам.

Но кому нужно сие богатство? Кому нужны результаты его огромного труда? Области они не нужны — шорцев как бы не существует в природе, Москве не нужны по той же причине. С. Торбоков обращается к государственным научным структурам родственных народов - алтайцев и хакасов (АлтНИИЯЛИ - Горно-Алтайский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ныне Институт алтаистики им. С. С. Суразакова, и ХакНИИЯЛИ). Те не сразу, но соглашаются за очень небольшие деньги приобрести параллельные (оригинальный и построчно переведенный на русский язык) тексты произведений шорского фольклора, аккуратно им записанные на листах ученических тетрадей, тетради аккуратно сшиты друг с другом нитками. Эти тетради с тех пор принадлежат этим институтам и хранятся в их фондах.

Таким образом С. Торбоков навсегда сохранил для истории, для своего народа и всего человечества более 50 шорских героических сказаний (опубликовано в переводах 3), несколько сказок (опубликовано в переводах 4), много песен (опубликовано в переводах 54), загадок (опубликовано 101), пословиц (опубликовано 2).

Миропонимание Степана Торбокова сложилось в 20—30-е годы XX века и коренным образом больше не менялось. Он, как на черное и белое, делил историческое время на две разноценные части: то, что было до Октября, и то, что было после Октября, т. е. было создано Октябрем. Первая часть уничижалась, вторая часть идеализировалась. Знакомая идеологическая структура!

Но Торбоков не был бы Торбоковым, если бы все-таки по-своему не связал эти два отрезка исторического времени. То есть у него это не отрезки, а части единого времени, которое характеризуется дружбой простых людей, людей труда, людей разных народов, в его случае — шорцев и русских. Просто Октябрь, по мнению Степана Торбокова, усилил существовавшую более трехсот лет дружбу народов, и это дало удивительные результаты.

Можно уверенно сказать, что Степан Торбоков - своего рода мост между шорским и русским народами, мост взаимной симпатии и взаимного уважения, мост, насущно необходимый во всякие времена. Совершенно не случайно гуманистическая тема дружбы между народами проявляется во многих его стихотворениях, ибо это была мысль, которую он постоянно переосмысливал, и воздух, которым он постоянно дышал.

Данная дружба, как считал Торбоков, имеет более чем трехсотлетнюю славную историю, и она началась с тех простых казаков, которые защитили шорцев от джунгар в XVII веке:

Был джунгарский хан нам сосед,
Его всадники нам несли
На копье вражды слезы бед -
Унижали, грабили, жгли.
И до наших дней было б так,
Если б не объявился сосед
Новый - храбрый и добрый казак
(Тогда русских так звали все).
Тот казак умирил джунгар
И включил землю шорскую в Русь.
Лучше тяжкий ясак, чем пожар,
Притеснение, аркан, кровь и гнусь.

Но особенно, как далее полагает Торбоков, эта дружба проявилась в начале XX века, когда эти народы в боях отстаивали свое право на свободу, равенство и труд и стали сообща строить новый мир, руководствуясь дружбой уже свободных тружеников:

У шорского народа с русским
Общих триста лет.
Мы вместе - в радости и грусти,
И вместе живем на земле...
Нет силы такой, чтобы

Нас развести по углам!
Наша дружба - высокой пробы!
Все идите - к нам!
И в жару, и в стужу,
В счастья и горя час.
Мы триста лет жили в дружбе,
Тем более - сейчас!

Мы, люди XXI века, конечно, несколько скептически оцениваем взгляд Торбокова на Октябрь и вообще на начало XX века, но с одним не согласиться нельзя - дружба между шорцами и русскими, основанная на взаимной симпатии и взаимном интересе, всегда была, есть и, хочется верить, будет.

И нельзя отрицать то, что начало XX века значительно улучшило Горную Шорию: из одинокой окраины она действительно превращалась в один из центров совместного труда народов, здесь появились города и стали культивироваться невиданные тогда блага (электричество, радио, различные машины, в том числе автомобили, трактора и т. п.).

Та же советская власть (у Торбокова она вместились в символы — «Октябрь», «Москва») в те годы административно объединила разрозненные шорские земли и создала доселе невиданное — Горно-Шорский национальный район, в котором простые шорцы сами стали решать свои насущные вопросы, в том числе культурные. Впервые за всю историю шорского народа стала выходить газета на родном языке, публиковались книги, учебники, каждый ребенок мог свободно учиться на своем родном языке. (Истины ради заметим, что письменность на шорском языке, в том числе и преподавание родного языка в школе, были и ранее (с 40—50-х годов XIX века), но учились в школах не все дети, а только явно способные, родственники паштыков и те, кому повезло попасться на глаза пришлому миссионеру. Речь идет о церковно-приходских школах, их в Шории было сначала одна-две, к началу XX века стало десять, одну из которых в свое время окончил сам Степан Торбоков. И однажды публиковались на шорском языке рассказы из Библии и псалмы.).

Начало же XX века внесло в национальное просвещение невиданный демократизм (школ стало более сорока, что для маленькой Шории очень даже немало).

Все это сообщается для того, чтобы мы могли понять, почему Степан Торбоков всю жизнь был очарован советской властью, т. е. Октябрем и Москвой:

Я слышал с детства о тебе, Москва,
Ты для меня - как святыня!
Я с детства мечтал
Увидеть тебя, Москва,
А посчастливилось только ныне!..
.. Радость наделяет силой.
Сносит трудности, преграды.
Уж давно она вселилась,
Октябрем зову ту радость.
За Октябрь я бился, стал я
Вечно молодым за это.

Тем более, что революционные преобразования в Шории пришлись на самые молодые его годы (человеку ведь так свойственно идеализировать время своей молодости), поскольку именно тогда он сформировался как личность (и больше в корне не менялся), а значит, это были лучшие годы его жизни.

И что с того, что свободный труд, равенство, братство оказались на деле только декларацией? Что с того, что та же советская власть со временем ликвидировала Горно-Шорский национальный район, вернув шорские земли и народ в прежнее состояние разрозненности, закрыла газету, убрала преподавание по-шорски, не стала печатать книги и учебники на шорском и вообще обрекла язык на умирание? Что с того, что благодаря той же власти сам Торбоков никогда не видел и даже не имел надежду увидеть свои замечательные стихи на родном языке напечатанными, а только — переводы?

Все равно для Торбокова время его молодости - лучшее, и советская власть — лучшая!

Такова логика формирования человеческой личности, с которой нельзя не считаться. И все, им любимое, прекрасное и высшее, отразилось в его стихах.

Можно добавить, что Степан Торбоков - своего рода мост между человеком и природой. Он в своих стихотворениях воспроизвел характерное для шорской культуры уважительное отношение к природе как к живой целостности, как к отдельному миру, который не ниже человеческого.

Более того, природа у Степана Торбокова стала настоящим героем его произведений, например, деревья, горы, ветер и т. п. Они умеют чувствовать, переживать, они имеют свою судьбу.

В свое время книжка поэта «Струны кай-комуса» потрясла меня. Первое мое впечатление было таково: сквозь слова я уловил, что поэт вполне серьезно и искренне уравнивает деревья, зверей и горы с человеком. Для него они — такое же человечество, как и сообщество людей. Относится к ним, как к живым людям, радуется встрече с ними, чувствует их душу, знает их судьбы, сопереживает им. Это было для меня неслыханно!

И узнаваемо. Я вспомнил, как мои бабушка-нанека, бабушка-авий и мама относятся к своим домашним животным. Они разговаривали с ними, словно с людьми, сопереживали им, иногда посмеивались над ними, иногда упрекали, сердились на них всерьез. А в дни, когда кололи этих животных, они затворялись в доме и тихо плакали. И как отец мой перед тем, как срубить дерево возле дома или в тайге, долго курил и шептал себе под нос какую-то молитву. То же самое он делал и на охоте, прежде чем идти за зверем.

Я понял, что у моего народа это не было блажью, чудачеством или, скажем, ненужной сентиментальностью, а было исконным шорским отношением к природе, отношением живого к живому, души к душе, одного мира к миру другому, равного к равному. Шорцы уверены, что животные умеют чувствовать, понимают человеческий язык, они — тоже люди, тоже человечество. Шорцам бывает стыдно перед животными, могут ждать от них отмщения, а также душевности, просто животные, звери сказать не могут. Охотясь, срубая деревья, шорцы искренне и серьезно просили у них прощенья, был целый ритуал.

Именно такое исконное шорское отношение к природе прослеживается в произведениях Степана Торбокова.

И это не характерное для литературы олицетворение, нечто созданное для красоты, хотя в олицетворении главный герой - тот

же самый человек, а не природа сама по себе. Здесь же природа выступает полноправным героем, а человек (в данном случае лирический герой) — лишь путешественник, общающийся, скажем, с осиной, березой и соперничающий им. В этом случае человек - не чистый лирический герой, а, скорее всего, лиро-эпический, водводящий читателя по природе и знакомящий его с ней, отображающий ее так насыщенно, что способен вызвать сопереживание у читателя.

Такой лиро-эпический герой у Степана Торбокова остался от его деятельности кайчи, лишь была усилена лирическая струя. То есть, его поэзия лиро-эпична по своей природе, она экстравертивна, направлена на внешний мир более, чем на свой внутренний. Вот отрывок из стихотворения о лютном январе: Однако красив ты, вот возвращаюсь я лесом, еловые ветки в снежных шубах сидят - как будто зайцы — вверх по дереву тесно, и на меня доверчивым взглядом глядят. Но стоит ветру верткому объявиться, холодным порывом выскочить исподтишка, как тут же зайцы наземь стали валиться и разбиваться, гибнуть в моих ногах. Погибли, видно, не все, один - настоящий - заяц помчался вдруг от ног моих юрко прочь, то будучи виден среди снега, то с ним сливаясь, и скоро исчез в поземке - призрак точь-в-точь. Мы думаем, что и человек нашего века найдет в поэзии Степана Торбокова много для себя нового, интересного и полезного, узнает что-то свое в его поэтическом мире, почувствует свою сопричастность этому удивительному миру, а также - к миру шорского фольклора.

Косточаков Г.В.
секретарь Союза писателей России,
доцент Кузбасской государственной
педагогической академии
г.Новокузнецк

Воспоминания очевидца

Давно это было, в конце пятидесятых годов прошлого столетия при городской газете «За уголь» функционировала городская литгруппа, куда входили люди разных возрастов и интересов. Именно здесь начинали свой творческий путь впоследствии профессиональные писатели Владимир Коньков и Владимир

Куропатов, поэты М. Субботин и Р. Шипилова, публиковал первые стихи А. Креков.

Первое знакомство с шорским поэтом-сказителем Степаном Торбоковым произошло так. Как-то Михаил Субботин пригласил всех желающих на внеочередное занятие литгруппы для встречи и знакомства с оригинальным, как он выразился, поэтом-писателем Горной Шории Степаном Торбоковым. При встрече Михаил представил нам выше среднего роста, кряжистого телосложения, лет более пятидесяти мужчину - шорца с добрым, как бы изнутри лучистым взглядом.

Четким, гортанным голосом, выделяя каждое слово, он начал чтение. Михаил попросил: «Автора не прерывать. Все вопросы и замечания после прочтения».

Степан Семенович читал рассказ «Той», в переводе с шорского «Свадьба». Слушали его с нескрываемым интересом. В русском тексте то и дело проскальзывали незнакомые нам шорские слова. Мы же, слушая гортанную речь, невольно ловили себя на том, как не зная шорского языка, мы легко угадывали их смысл. Они смотрелись и воспринимались нами легко и естественно, как изюминки в булочке. Особо запомнилось описание невесты во время танца:

«Её быстрые ноги в туфельках на высоких каблуках рассыпали дробь по гулкому полу, её гибкие руки-крылья словно плавные волны изгибались от предплечья до ладони, будто приподнимая танцовщицу ввысь, а смеющиеся глазки-елочки, осыпая брызгами веселья, включали улыбки присутствующих, черные волосы метались, как хвост куркулана и вся она, как небесный шалбан освещала поселок.

- Что такое куркулан? - посыпались вопросы по окончанию чтения.
- Жеребенок
- Что такое шалбан?
- Луна.

Отвечал Степан Семенович недоуменно поглядывая то на нас, то на Михаила Субботина.

- Ну так и пиши по-русски, к чему эти заморочки, - наступали неугомонные критиканы.

Мягкой обезоруживающей улыбкой, погасив кипевшие страсти, Михаил начал свою неспешную речь.

- Ведь именно в этих словах-жемчужинках проявляется самобытность автора, который знакомит нас с богатыми и неповторимыми элементами культуры своего народа. Степан Семенович - это первая ласточка, которая помогает открыть нам целый пласт духовного богатства шорцев.

Вспомните такие обороты: «быстрые ноги», «руки - крылья», «глазки-елочки», которыми автор рисует портрет молодой женщины. Ведь это поэзия в прозе. Лично я, слушая рассказ Степана Семеновича, слышу невольную музыку в душе. И так ли часто можно увидеть подобные творения на страницах современной литературы.

Вот таким было моё первое знакомство с поэтом, сказителем, человеком мудрой души - Степаном Торбоковым.

Кремнёв А.М.,
Член поэтического клуба «Кедр»
при Центральной городской
библиотеке г.Осинники

Народный учитель и кайчи

Сейчас Степану Семеновичу Торбокову уже семьдесят лет, а первый сборник его произведений «Белая береза» вышел в Кемеровском книжном издательстве в год шестидесятилетия автора.

Большая трудовая жизнь за плечами у этого человека. В его судьбе как в капле воды, отразилась судьба его народа, судьба его Шории. Тяжела была жизнь шорского народа до революции. Недаром и название этой горной страны – «Шория» - произошло от слова «шор», что значит «печаль».

Охотником был отец Степана – Семен Леонтьевич. Степан и родился в охотничьем шалаше. Мальчиком вместе с отцом исходил родные горы вдоль Томи, Мрас-Су и Кондомы, охотясь на соболей, коз и маралов. Неделями не бывали они с отцом в родном улусе, а когда возвращались с удачной охоты, то в родном аиле начинался той – праздник. Отец обращался тогда к добрым духам-покровителям, благодарил за добычу. Бабушка Степана, Пахтан,

слыла шаманкой. Она знала много заклинаний и молитв и камлала, то есть колдовала, кружась вокруг костра, била в бубен и заклинала то Ульгена – повелителя добрых духов, то Эрлика – повелителя злых, черных духов.

Но еще сильнее, чем камлание, привлекала Степана игра на народном инструменте кай-комусе. Кай-комус немного похож на русскую балалайку. Из двух витых струн кай-комуса кайчи извлекал свои нескончаемые мелодии. Иван Тельзебеков мог всю ночь напролет петь под кай-комус сказания о подвигах древних шорских богатырей, а другой кайчи, Николай Набзаков, сочинял народные песни сам и сам же придумывал к ним несложные мелодии. В его песнях высмеивались жадные баи, хитрые купцы, попы. Песни кайчи запоминались. Хотелось взять самому кай-комус и сложить свою песню. И он пел. Но еще больше смышленому пареньку хотелось учиться. Степан кончил церковно-приходскую школу.

Семен Торбоков уходит на целую зиму промышлять в тайгу, а ранней весной, принеся на себе полную сюртку пушнины, отец отправляет четырнадцатилетнего Степана в Бийск, чтобы сын продолжал там образование. Но для сына бедного шорца-охотника дорога в гимназию или в реальное училище была закрыта. Оставался один путь – тайга, охота. Легки и быстры были его резвые ноги, зорок охотничий глаз, тверда и крепка рука, державшая охотничье ружье. Не было тайн в тайге для молодого охотника Степана Тогбокова. Бескрайняя тайга в синей утренней дымке открывалась его взору с высоких вершин. А выше их были островерхий Тегри-тижи и Абаканские Белки. Когда смотрел молодой охотник на родные горы, хотелось ему взять комус и спеть обо всем, что на душе.

Так бы и шла жизнь охотника Степана, также незаметно и тихо оборвалась бы она когда-нибудь на охотничьей тропе, но пришла в Шорию революция. И охотнику Степану пришлось много помогать ее окончательному утверждению в Шории. Колчаковщина восстановила дореволюционные порядки. Вернулись баи-кровопийцы. Шорская беднота уходила в партизаны. А Степан, которого уже знали как молодого кайчи, ходил из улуса в улус, пел песни о счастливой доле своего народа,

которая ожидает его, если он вместе с русскими прогонит Колчака хана. Степан и сам хотел пойти в партизаны, но большевик Александр Побызиков посоветовал ему продолжать начатое важное дело: песней поднимать народ на борьбу. И со всей страстью молодости пел кайчи Степан о храбрых богатырях, на которых должны быть похожи партизаны.

Еще шла гражданская война, а кайчи Торбоков мечтал о новой судьбе: прогонят ханов и баев, вернется Советская власть, он выучится на учителя и будет учить детей своего маленького народа.

Но этой мечте было суждено исполниться не сразу. Степан Торбоков стал служить Советской власти не в качестве учителя, а в качестве уполномоченного сельского Совета. Он один из столь малочисленных грамотных людей в Шории учил шорцев хозяйничать на своей земле, разъяснял советские законы, пересказывал статьи великого друга народов В.И.Ленина. Степан организовал в Шории потребительскую кооперацию, а потом стал заведовать нардомом. Здесь ему приходилось не только разъяснять политику молодой Советской власти, но и учить грамоте, решать важные вопросы, давать житейские советы.

Не расставался он и с кай-комусом: через песню короче путь к сердцу народа. Тогда Степан и стал записывать песни своего народа и сочиненные им самим.

А очередной задачей Советской власти была всеобщая грамотность в стране. И Степан в 1927 году поступает учиться на курсы ликвидаторов неграмотности в Мысках. Вернувшись, он открывает курсы у себя в улусе и целиком отдается этой работе. Уже сделан шаг к заветной мечте стать учителем.

Но лишь три года спустя, после окончания учительских курсов в Красноярске Степан Семенович начинает работать учителем в улусе Тенеш.

Степан Семенович не только учит, но и агитирует вступать в колхоз, руководит художественной самодеятельностью, сам пишет инсценировки для кружка, под кай-комус исполняет импровизации. Жизнь его полна и интересна. Но он чувствует нехватку знаний и поступает на заочное отделение геофака Томского университета. Он работает в Тайлепе учителем биологии

и географии. И по сей день живет в этом улусе учитель и кайчи Торбоков. Выросли целые поколения людей, выученных им. Это они изменили жизнь родного края, а учитель-кайчи создал песни об этой новой жизни.

В годы Великой Отечественной войны С.Торбоков создает глубоко патриотические песни. Он обращается к шорскому героическому эпосу.

Постепенно С.Торбоков все глубже и глубже изучает фольклор своего народа и записывает сказки, легенды, сказания латинизированным шрифтом на шорском, тут же делает подстрочные переводы на русский язык.

В 50-е годы Степан Семенович завязывает связи с научно-исследовательскими институтами языка, литературы и истории и знакомит их со своими собраниями. К этому же времени относится и знакомство С.торбокова с поэтом Ильей Авраменко. Встреча с ним окрылила С.Торбокова, заставила еще более серьезно заняться творчеством. Его стихи в переводах поэтов Михаила Небогатова и Геннадия Сысолятина появляются на страницах местных газет, журнала «Сибирские огни». Очень плодотворно было знакомство Степана Торбокова с Геннадием Сысолятиным. Хорошо знающий Хакасию, Горный Алтай и Горную Шорию, Сысолятин-переводчик тонко чувствует и передает языковой и национальный колорит поэзии Степана Торбокова. Вкус переводчика проявляется также в выборе самых интересных, значительных и поэтических произведений поэта-шорца.

Без автора
(газета «Маяк Коммунизма»)

Легенды, рожденные около гор

...Стихи шорского поэта Степана Семеновича Торбокова, учителя, охотника и кайчи, хорошо известны в Кузбассе. Выходили в Кемеровском книжном издательстве его поэтические сборники, стихи печатались в сибирских газетах. Переводы в основном были сделаны Геннадием Сысолятиным и Михаилом Небогатовым.

В творчестве С.Торбокова соединилось прошлое и настоящее шорского народа. Для стихов поэта, близких к устной

шорской поэзии, характерно образное осмысление мироздания; в них слышатся могучие отголоски первотворчества, образного сотворения мира.

На твои, Алатау, вершины
Я на белом взбирался коне.
А спускался в родные долины –
Сам седло приносил на спине.

И на сером коне, в бездорожье,
Я на синий взбирался таскыл.
А когда возвращался к подножью, -
Сам седло на себе приносил.

Под комус припомню лишь ныне
Я о белом коне удалом.
Он остался в снегах на вершине,
И бедро его стало холмом.

Как и устная шорская поэзия, стихи Торбокова неразрывно связаны с горами. Горы даны во всей их географической, геологической, метеорологической, даже астрономической красоте. Например, о Мустанге:

И в полнолуние северный твой склон
алтайскою луной не освещен,
сибирским солнцем в полдень не согрет –
Зимой и летом цепенеет он.

О горе Эзреш:

Гора Эзреш, песчаная, сыпучая,
Гора Эзреш, лесистая, дремучая...

О горе Огудун:

И Огудун гора каменнобокая,
Ступенчатая, дикая, высокая...

Дорога сердцу шорского охотника тайга. Ей, черневой тайге Кузнецкого Алатау, Степан Семенович Торбоков посвятил проникновенные и человеческие стихи. В них – восторг перед величием природы, любование гордыми и красивыми ее созданиями, уважение к любым формам жизни, знание таежных троп и законов тайги.

Но самое главное в творчестве Торбокова – это новая Шория.

Ты веселою, беспечальнойю
Стала, родина шор-анчы.
Звезды ГРЭС, а не плошки сальные
Освещают тебя в ночи.
Позабыты дни горя и бедности.
Радуй сердце мое и взор,
Сторона небывалой щедрости,
Рыбных рек и лесистых гор...

Таежный горный пейзаж, безраздельно господствовавший в устной поэзии шорцев многие века, в поэзии Торбокова потеснен пейзажем индустриальным:

Развозят составы
повсюду родной уголек.
Бежит из мартенов
металла горячий поток.

Железные дороги, асфальт в тайге, покоренные реки, «в школах гомон звонких голосов», новостройки, гул самолетов – вот что для Торбокова становится предметом поэзии. Он певец этих коренных изменений, происходящих на его родине.

Мирстроек, открытий, свершений надо беречь от войны. Тема защиты мира – одна из важнейших в творчестве Торбокова:

Сегодня народ мой мечтает о том,
Чтоб атом не вспыхивал адским огнем,
Чтоб в мире и дружбе все люди земли
Спокойное счастье навек обрели.

О готовности бороться за мир поэт говорит от лица всего своего народа. До конца жизни он был связан с родным народом самой крепкой связью – творчеством...

Никонова Л.
(Газета «Кузнецкий рабочий»
от 5 января 1983 года)

Люблю мой край гористый и лесной!

*Над лирою время не властно,
Стареть ей судьбой не дано.
В ней сердце и живо, и
страстно,
Бессмертно с народом оно.*

Имя талантливого шорского поэта Степана Семеновича Торбокова хорошо известно нашим читателям. Его стихотворения нередко публикуются на страницах «Сельской правды», пользуются неизменным успехом не только в нашем районе, но и далеко за его пределами. Кемеровское книжное издательство выпустило три его поэтических сборника: «Белая береза», «Пихточка» и «Струны кай-комуса». Переводами стихотворений С.Торбокова занимались и сейчас занимаются известные поэты абаканец Г.Сысолятин, кемеровчане М.Небогатов и В.Махалов. Переводы стихотворений Торбокова, кроме выпущенных книг, можно прочитать и в их сборниках. Районные и городские газеты Новокузнецка, Таштагола, осинников, Междуреченска и Мысков, а также областные «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса» регулярно публикуют новые подборки стихов Торбокова. К поэту пришло заслуженное признание.

Завтра ему исполняется 75 лет. Накануне этого события мы побывали у Степана Семеновича в гостях. Многие нам поведал поэт. Сын знаменитого охотника Семена Леонтьевича, он и сам рано полюбил охотничье ремесло. Уходя с отцом в тайгу, часто на два-три месяца, молодой Торбоков был предоставлен самому себе. Тайга для него становилась вторым домом, а он в ней – хорошим, рачительным хозяином. Охотились преимущественно за соболем, промыслили и белку. А поскольку каждый заряд был на счету, били только навверняка. Но какой бы ни была богатой добыча, за нее они получали немного: скупщики приобретали пушнину фактически за бесценок.

Единственной радостью возвращения в родной улус были, пожалуй, веселые вечеринки, на которых молодежь состязалась как в физической ловкости и выносливости, так и мастерстве пения и рассказа под аккомпанемент национального струнного инструмента кай-комуса. Торбоков любил эти вечера, сам был хорошим певцом и исполнителем народного эпоса. Пел он и свои песни, родившиеся в его сердце на каком-нибудь привале у горы Тыдын под отсвет веселого костра. Песни, преимущественно любовные, были освещены богатым чувством, отличались мелодичностью. Иногда в них звучали гневные нотки, грозившие поэту большими неприятностями. К счастью царизм пал.

С приходом Советской власти коренным образом изменилась судьба трудолюбивого шорского народа, а вместе с ним и личная судьба поэта. Уже взрослым человеком Степан Семенович потянулся к знаниям. Тех нескольких лет начальной школы, которые он имел, для новой жизни было уже недостаточно. Сначала Торбоков усиленно занимался самостоятельно, а потом получил и среднее образование. В 37 лет Степан Семенович заочно поступил на географический факультет Томского университета и в военном 1943 году окончил его. Свои богатые знания он посвятил родному народу. В течение четверти века Торбоков учительствовал в школах сел Кинерков, Рябиновки и Тайлепа. Был завучем, директором. По-прежнему увлекался поэзией. Новая жизнь принесла в его поэзию новые темы и мотивы. Как пишет поэт, теперь он

«Готов стихи восторженно писать,
По Шории их с ветром рассылать».

Стихи без всяких публикаций находили дорогу к людям. Из уст в уста их передавали из одного аила в другой, из улуса в улус. Слава народного шорского поэта докатилась и до Хакассии. И тогда хакасский поэт А.Е.Кильдичаков впервые перевел их на русский язык и опубликовал в газете. Было это еще до войны. С тех пор все чаще и чаще стихи Торбокова стали доходить и до русского читателя. В них безыскусность и простота слиты с человеческой добротой и мудростью. Наблюдательность поэта,

глубокое знание народной жизни воплощены в запоминающиеся поэтические образы и метафоры, точные детали.

Все ему дорого на обновленной земле.

«Я стою на горном склоне,

Сын счастливых дней.

Светит солнце над зеленой

Шорией моей», - пишет поэт в одном из стихотворений.

Многие стихи Торбокова – о проверенной временем дружбе шорского и русского народа, о радостях нашей жизни, о вечно молодой родной природе...

Завтра в райкоме партии состоится чествование поэта. Пожелаем ему отличного здоровья, долгих лет жизни и новых стихов!

Петраш В.

Молодость и грезы поэта

Три четверти века прожито. Не каждому даются такие высоты. И дело не только в арифметическом числе лет. Главное, как прожиты эти годы, что остается после тебя людям.

Шорский поэт-сказитель Степан Семенович Торбоков с гордостью может сказать, что длинный жизненный путь пройден нетореной тропой, полной самых серьезных неожиданностей. Только в этот вечер торжества больше молчал. Говорили о нем. Да и есть что сказать о С.Торбокове, чье имя известно в Кузбассе и дальше. Его знали академик Жермунский и казахский писатель Ауэзов, он – в почетных списках института мировой литературы.

Ровеснику века, С.Торбокову, пришлось испытать долю угнетенного и радость от созданной песни, увидеть новую жизнь во всей широте и яркости.

Сын бедняка – шорца, он родился в Осинниках. Нужда заставила рано взяться за труд, не по возрасту тяжелый. Уже тогда будущий кайчи задавал себе вопросы, отчего так тяжело живется бедноте? А потом и сам себе отвечал, вернее, отвечала на это сама жизнь.

Когда Степан Семенович окреп, возмужал, стал заправским охотником-промысловиком, пешком исходил Кузнецкий Алатау, Саяны. И кто знает, может, непосредственное соприкосновение с девственной природой, ее неповторимой красотой пробудило в нем чувства творчества.

Свидетель революции, гражданской и отечественной войн, Торбоков не мог о них не писать. Не мог молчать, когда учил детей грамоте после окончания в Красноярске специальных курсов.

Собирателю шорского эпоса, сказителю, работа в школе помогала, как нельзя лучше видеть будущее, которое рождалось в повседневных буднях. А когда назначили директором школы в селе, где он сейчас живет, то забот и хлопот прибавилось. Но не ушла жажда познания мира. Уже довольно в зрелые годы он решает, что нужно учиться и при всей загруженности поступает и заканчивает географический факультет Томского университета. Это было наглядным, что дети разных национальностей при желании могут получить высшее образование.

На какой бы работе Торбоков ни находился, он всюду использовал возможности встреч со стариками, молодыми людьми, слушал их песни, записывал. С десяти лет он стал собирать песенные исполнения, меткие пословицы, поговорки. Тогда у Степана Семеновича появилось неумное стремление воспроизвести то, что создано народом.

Будучи зрелым, ему исполнилось тогда двадцать три года, Торбоков заявил о себе во всеуслышание. Первые публикации показали самому автору стихов и сказаний сильное и слабое в творчестве, которое лишь только складывается.

Известный знаток эпоса И.К.Тельбебеков внимательно относился к молодому другу С.С.Торбокову, умевшему тонко, мелодично в песнях передать красоту языка кондомских шорцев.

Можно сказать, он посвятил свою жизнь тому, чтобы записать пятьдесят эпических произведений, песен, каждая из которых состоит из семи тысяч стихотворных строк. Многие Торбоков опубликовал в газете «Красная Шория», других печатных изданиях. И приятно говорить о человеке, чей труд вкладывается в выпуски газеты, он наш постоянный внештатный корреспондент.

Музыкальность таланта, горячее стремление отдать жар своего сердца людям давало постоянно о себе знать. Степан Семенович страстно любил самодеятельность, участвовал в ней сам, писал инсценировки и ставил их на сцене. Таким образом, мы его видим и как значительного просветителя народного.

На авторском вечере, посвященном 75-летию поэта С.С.Торбокова, много проникновенных слов высказывали заведующие кафедрами Новокузнецкого пединститута А.И.Чудояков и Э.Ф.Чиспияков, преподаватель этого института Т.Ф.Рябцева, заместитель председателя Новокузнецкого райисполкома Т.В.Чергачев, секретарь райкома комсомола В.И.Перфильева, представители Горно-Алтайского института, общественности района и города.

Представители редакций газет Таштагола, Осинников, Мысков, Междуреченска, Новокузнецкой сельской газеты искренне поздравили С.С.Торбокова, пожелали ему здоровья, широкого творчества, лет до ста без старости, вручили сувениры и памятные адреса. А студенты, кроме того, прочитали много новых и прежних интересных стихов юбиляра.

Участники торжества выразили большую благодарность Новокузнецкому райкому партии, секретарю по идеологической работе З.Д.Хуторянской и другим партийным работникам за душевную и умелую организацию вечера. В самом конце вечера автор прочитал свои новые стихи.

Сергеев Б.
Новокузнецк – Таштагол
(Газета «Красная Шория»
от 1 января 1976 г.)

Свеча памяти

Зажег ее в творческой гостиной один из самых старейших представителей коренного народа, шорцев, в честь своего знаменитого соплеменника, общепризнанного поэта Степана Семеновича Торбокова.

Огонь свечи занялся враз, точно, как вспыхнуло когда-то творческое дарование самого Степана. Родиться выпало ему на нашей земле – в дремучем улусе Тах-таг-аал, что в переводе с

шорского означает улус на осиновых горах, это и определило в будущем название города – Осинники.

Но в год рождения Степана, а случилось это на стыке двух столетий – 10 декабря 1900 года, - улус представлял собой одинокое поселение, затерявшееся в глухой тайге.

На охотничью тропу вместе с отцом Степан стал рано, еще подростком. Тропа вела далеко: к истокам Кондомы, к верховьям Мрас-Су, к неукротимой Томи. Уводила надолго – под сень таинственных лесов, к огнедышащему пламени костра, к несказанной красоте закатам и очаровательным рассветам. Не охотничий азарт, а неповторимая красота природы манила его и составляла мысли в непривычном для других порядке: стройно, красиво, примечательно. Старые шорцы разумели в этом толк, и на одном из праздников протянули Степану кай-комус – всего-то де струны. Провел по ним рукой легонько, будто прилаживаясь, выбрал точку опоры для глаз на дальнем кедре, взметнулся звонким, чистым голосом.

«Колыбельная», впервые напетая у люльки младшего братишки, стала как бы гимном у шорских матерей аула.

Ночь настала. Спи, дружок,
Рябчик с ветки - бух в снежок!
Под снежком его постель,
Над сугробом стынет ель!
Ель продрогнет до зари.
Ты, костер, в лесу гори.
И охотника согрей на постели из ветвей.
Пламя красное, как медь,
Но трещит мороз-медведь.
Правый бок огонь печет,
Левый бок мороз дерет.
На заре костер погас,
В небесах моралий глаз.
...Спи, малыш, еще темно,
Смотрит ель в твое окно.
Старый выкрошился сук,
Спит там серый бурундук.

Сторожит отец силки.
Будет соболь в них черныш,
Будет рябчик. Спи, малыш.

Но много времени пройдет, прежде чем одарят Степана заветным званием кайчи, а он возложит на бумагу такие строчки:

Был у нас кайчи, певец народа,
Старые легенды говорят:
Запоет - и вторит вся природа,
Лес и горы подпевают в лад.

Первый сборник, вышедший в 1960 году, он назовет "Пихточка", второй - "Белая береза", третий - "Струны кай-комуса". В его бумагах, после смерти, найдут письмо редактора Кемеровского книжного издательства Л. Глебовой: "Ваши стихи включили в план издания на 1968 год".

В 60-е годы С. Торбокова печатают охотно и повсеместно. Его переводят В. Махалов и М. Небогатое. Но, пожалуй, более всего это удастся Г. Сысолятину.

Исследовать творчество С. Торбокова начнут намного позже, когда появятся такие изыскатели и хранители народного творчества, как, например, безвременно ушедший из жизни заведующий кафедрой шорского языка и литературы Новокузнецкого пединститута А. И. Чудояков. Творчество Торбокова отнесут к так называемой тихой поэзии. Что это такое? Послушаем преподавателя НГПИ Г. В. Косточакова:

- После Отечественной войны поэзия восхваляла индустрию – громаде заводов, величие фабрик, мощь новостроек. Степан Торбоков писал о противоположном. Вдохновение он черпал в живом и выражал только живое – природу, человека, животный мир. Он сочувствует рябинке, которая волей неведомой судьбы пустила корни на недоступной скале, жалеет березку, сок которой безжалостно пьют...

Сочувствие в его стихах переходит в любовь - бездонно-искреннюю, беспредельно преданную ко всему, что его окружает.

По окончании множества всевозможных ликбезов, курсов, школ и даже Томского университета жить Торбоков продолжает в таежном краю: в Кинерках, Тенеше, потом перебирается в Тайлеп.

- Случилось это в году 33-34-м, - рассказывает приглашенная на открытие чтений племянница кайчи, Федосья Пантелеевна Торбокова. – Мы жили рядом долго.

Степан Семенович очень любил детей. Он был учителем от бога, но даже я, племянница, боялась его (тогда принято было учителей бояться), хотя ежедневно, рука об руку, мы по четыре километра ходили пешком в Рябиновку (туда перенесли нашу школу) и столько же обратно.

У шорцев старшего брата или дядю принято называть дедом. Не нравилось это Степану Семеновичу, и он, задабривая ребятишек, кормил их медом и просил, чтобы так не называли.

Любил С. Торбоков рассказывать сказки. Записывал их с чьей-то памяти, сам сочинял - добрые, поучительные и непременно со счастливым концом: "Волшебная шапка", "Чок-анчи", "Охотник Панюгеш" и т. д. Одну из таких сказок - "Пчелка" - инсценировали студенты первого курса факультета шорского языка НГПИ, на шорском же языке и сыграли перед слушателями первых Торбоковских чтений.

Следует подчеркнуть, что и студенты, и преподаватели этого института, и бывшая учительница Тайлепской школы Т. А. Шатилова по-прежнему продолжают кропотливую работу по изучению наследия С. Торбокова. На этот раз они привезли в музей множество фотографий, писем, рукописей, документов, рассказывающих о творчестве таежного поэта, который собрал и построчно перевел более 50 произведений шорского народного эпоса.

Жил Торбоков в гармонии со своей душой и природой. Ему не нужно было ехать в лес за настроением. Достаточно было выйти на крылечко, присесть на завалинку, прислушаться. Люблю мой край, гористый и лесной, Весну и осень, летом и зимой! Причудлив он, когда ручьи текут, когда саранки пестрые цветут, Когда в зеленом сумраке лесов, Как колдовство, звучит кукушкин зов. Одно четверостишие сменялось другим - и так могло продолжаться часами. Часами его слушали односельчане.

- Он был непревзойденным исполнителем своих произведений, - рассказывает Ф. П. Торбокова. - Слушая его, люди плакали, не стесняясь.

Всем селом собирались, как правило, под выходной. Это было что-то вроде посиделок: то в одном доме, то в другом - поочередно. До 1949 года в Тайлепе электричества не было, единственным источником освещения служила керосиновая лампа. Пили чай, заваренный душицей и белоголовником. Любили пельмени, наверное, так же, как русские, только в фарш добавлялись кедровые орехи.

Торбоковы ничем, пожалуй, не отличались от других семей, живя натуральным хозяйством: держали скот, имели пасеку. Степан Семенович любил ухаживать за пчелами. Здесь, возле ульев, он сделал свой последний шаг 10 июля 1980 года, когда никого с ним не было. Сыновья Валерий с Иваном да жена Анастасия Алексеевна, урожденная Акушакова, были в это время на покосе.

На три года пережила своего мужа Анастасия Алексеевна - спокойная, мудрая женщина. Имея уже двоих детей, она училась и до войны успела окончить семь классов. Оба сына получили высшее образование: Иван окончил Томский политехнический институт, Валерий - юридический факультет университета.

...Восходят зори над тайлепским домом Торбоковых. Горят закаты. Деревья вспоминают о былом. И люди - бережно, по слову, по факту накапливают все, что относится к самобытному творчеству Степана Семеновича. Есть интересная задумка - создать в Тайлепе дом-музей Торбоковых. Может, к столетию поэта она и сбудется?

Смирнова Л.
(газета «Время и жизнь»
от 1 января 1998 г.)

Слово об отце

Мой отец Степан Семенович Торбоков являлся ровесником века, родился он в декабре 1900 года в Тагдагале (теперь город Осинники), в то время довольно крупном селе (по шорски аале), расположенном на правом берегу светлой, говорливой на перекатах и хариусной в верховьях речки с грозным названием Кандалеп, что переводится как Кровавая Речка – своеобразный лермонтовский Валерик в миниатюре. Кстати, на границе с Алтайским краем течет речка с таким же названием. По преданиям, на берегах ее наши предки пытались сдержать джунгар и

расплатились за это собственной кровью. Отец говорил, что в его памяти старшие запрещали поить лошадей из нее, так как она сдобрена кровью предков.

Дед Семен Леонтьевич даже для своего времени был неплохим охотником, сказались гены – наш прадед слыл в окрестностях легендарным лыжником, догонял чернобурую лису, однажды из любопытства погнался за росомахой – надолго ли у той хватит выносливости и замучил зверя уже в Алтайском крае, где-то под Пуштулимом. Об этом сам я слышал от земляков, сравнительно недавно ушедших в мир иной. Зимой дед находился на охоте и промысловиками или один, летом чаще жил на пасеке, что располагалась на речке Калтанчик через две горы от Тагдагала.

В двадцатых годах отец вместе с дедом, промышляя пушного зверя, исходил на лыжах все три Терси, бывал в нынешнем Тисульском районе, на Салтымаковском хребте, на Тегри Тижи (Поднебесных зубьях), в верховьях Кондомы и Томи. От отца я и узнал, что названия Берчикуль, Алатага, Боготол в Тисульском и Тяжинском районах, также как и Тайдон, Терси и многие другие шорского происхождения, названы они так охотниками, промышлявшими в тех краях соболя.

Тоскуя о своей безвозвратной охотничьей молодости, шестидесятилетний отец сказал:

...Молчат, призадумались горы,
Но сколько, в который уж раз
Я слышу глухие укоры,
Почто позабыл ты про нас...
...Хочу взглянуть на горностая,
На яркость глупую его,
Когда капкан перегрызая,
Он злой не видит ничего...

Хоть и приносила в те времена немалый доход охота, однако только ею прожить и тогда было трудно, особенно, если учесть, что у деда кроме отца – старшего было еще четверо детей, а бабка наша умерла, оставив последнюю дочь грудным ребенком, поэтому Семен Леонтьевич держал скот, занимался

хлебопашеством, и отцу с самого детства пришлось познать секреты выращивания хлеба, сенокоса, а также пришлось познать пасечное дело.

Закалка, полученная с детства на покосе, пашне, в тайге на охоте и у пчел на пасеке, позволили отцу, как и многим его сверстникам прожить до 80-ти лет, практически не зная болезней.

В Тагдагале имелась церковь, церковно-приходская школа, которую отец окончил, что позволило ему заняться дальше самообразованием, поступить и заочно закончить Томский государственный университет.

Еще до поступления в университет в 30-ых годах отец принял активное участие в ликвидации безграмотности в Горной Шории, для чего был направлен в таежный Тенеш, где начал учительствовать. Где-то в 33 году он переехал в Тайлеп, работал в Н-Кинерках, Рябиновке, с 1946 по 1965 годы был директором Тайлепской школы. С ведением буро-разведочных работ в окрестностях Тайлепа его население сильно увеличилось за счет приезжих, поэтому в школе, ставшей семилетней, было довольно много учеников. Из уроков отца по географии и биологии запомнились его примеры из фауны и флоры Горной Шории, которые, исходя вдоль и поперек свой край, знал он в совершенстве.

За четверть века учительского труда, отец заметных успехов на данном поприще не добился, наград за свой труд не имел, хоть и выучил немало учеников, не в учительском труде было призвание его, в другом.

Когда в начале тридцатых годов волна раскулачивания докатилась и до наших мест, активисты в Тагдагале порешили, что Семен Леонтьевич самая подходящая кандидатура для ссылки в Нарым. Еще бы, на добытые охотой, крестьянским трудом средства, дед построил пятистенный дом, еще до начала семидесятых годов стоявший на берегу речки Кандалеп, которой теперь больше подходит название Угольная, так как давно уже не светлые потоки текут в ней, а черные. К тому же, еще до отъезда в Тенеш отец приобрел молотилку, что явно не понравилось активистам, не очень то утруждавшим себя на пашне, покосе, лишь поэтому жившим бедняками и люто завидовавшим зажиточным.

Семейство деда почти готово было последовать известному шорцам по сплавному делу пути сначала до Томска, а затем по Оби до Колпашева и дальше в Нарымский край вместе с другими истинными косарями и хлебопашцами обживать болота.

Отцу пришлось съездить в Новосибирск и доказать там, что ни под каким углом Семена Леонтьевича рассматривать как кулака нельзя, а это было ой как трудно в те времена сделать.

В 1947 году, теперь уже за то, что сам отец в Тайлепе стал строить пятистенный дом, имел старого и смиренного коня по кличке Бурка, на котором вывозил самим заготовленные в лесу бревна, последователи идей раскулачивания тридцатых годов решили непременно сослать в ссылку нашу семью. Запевалой в этом была довольно близкая наша родственница Кланя, работавшая избачем, поэтому полагавшая, что она самая крупная кочка на ровном месте. Какие только материалы Кланя на отца не собирала, надо отдать должное, добились они снятия отца с работы директора школы, только то в конце концов отец поставил все на свои места. Правда, для этого ему в 1948 году пришлось съездить в Москву, как тогда говорили, к Сталину, добиться приема в Кремле у какого-то крупного государственного деятеля, растолковать тому, что шорцы испокон веков имели лошадей, не годится запрещать держать их и сейчас. Наличие в нашем дворе Бурки явилось козырной картой у Клани и ее сподвижников. И на работе отца восстановили, и Бурку не отняли, и дом отец достроил, а тетка Кланя по причине своей лениности как была ничем, так им и померла.

Вот в этих схватках с активистами проявилась одна из способностей отца отстаивать права, хоть никакого юридического образования он не имел, с законами почти не был знаком, однако, очень точно чувствовал справедливость, во множестве своем писал сельчанам разнообразные жалобы, ходатайства, прошения. Могу сказать, что такая адвокатская деятельность отцу определенно нравилась, не было случая, чтобы он кому-то отказал в посильной для него помощи, разумеется, ничего за это не брал. Без всякой корысти помогал, как мог землякам. Имей он хотя бы среднее юридическое образование, быть бы ему неплохим адвокатом. Это я говорю с сознанием дела. Главное было у него - сострадание к

людям, которых и защитить то было некому. А приходили к отцу сельчане с самыми различными житейскими вопросами:

- вдова солдата Великой Отечественной, в ограде которой местные власти хотят построить ларёк;
- родственник, отосланный в районной милиции ко всем чертям, с его заявлением об украденном стоге сена;
- отец парня-инвалида с детства, которому местный райсобес никак не назначит пенсию;
- бывшие колхозницы, вырвавшиеся в город, и полагавшие, что годы работы в колхозе зачтутся в трудовой стаж;
- родственники осужденных, по их мнению, слишком сурово;
- земляк, считавший, что он обижен соседом, отхватившим у него клочок от огорода.

Всех вопросов, с которыми обращались к отцу земляки, невозможно припомнить, были они самыми разными, и, надо сказать, на многие из них отец находил правильное решение и в нужном русле писал свои бумаги. С детства запомнились слова отца о том, что бумагу надо написать так, чтобы она проняли чиновника до самых печёнок. Возможно, что чиновники в те времена были более покладистыми, чем сейчас, и отец своими бумагами пронимал их очень часто и добивался нужных решений.

Неоднократно избирался он заседателем в Кузедеевский народный суд, при этом, надо сказать, не был молчаливым свидетелем процесса, согласно кивавшим головой председательствующему. Всегда, единственный в районе народный судья Чкалов М.А., приглашал отца на рассмотрение дел и он самым непосредственным образом участвовал в разрешении судебных людей, оказавшихся на скамье подсудимых.

Если мне не изменяет память, то впервые в местной районной газете появилось стихотворение отца в декабре 1952 года и называлось оно «Песня шорца». Был этот стишок очень типичным для своего времени, естественно, прославлялась в нём сталинская Советская власть, так много сделавшая для нашего народа. Говорилось, как много троп в тайге пролегло, стало в ней светло и все в таком же духе. Хоть и вышло при жизни отца несколько тонких книжек с его стихами в переводах Небогатова и

Сысолятина, сказать, что вот в этом было истинное призвание человека нельзя.

Вот тут я подошел к основному, за что, действительно, следует перед отцом снять шапку, за что его, действительно, почитали земляки, в чём проявился истинный талант, прямо скажем, очень неординарного человека. Был отец сказителем героического эпоса – кайчи. Мне не понять, как это можно было запомнить столько поэтических сказаний, таких же, не побоюсь сказать, как «Слово о полку Игореве». Многие ли из нас могут похвастать, что знают наизусть такие вещи, а ведь мы хоть как-то изучали их в школе, а филологи и в ВУЗах. Отец же из уст в уста в отрочестве перенял эпос в Тагдагале от кайчи Тельбезекова, своеобразно подхватил от него эстафету. Вот только такие кайчи, как Морошка, Акмед, Тельбезеков, Токмашов, Степан Торбоков, их близкие и дальние предшественники до последнего времени через века пронесли шорский эпос, не дав ему погибнуть. Тем более удивительное это явление, что письменности наш народ не имел, и я очень горд своим отцом, достойной выполнившим свою миссию.

С детства помню, как сельчане приходили к отцу и просили его в очередной раз сводить их в старину, мир богатырей, чудес и подвигов. Как и все кайчи, отец сопровождал сказания каем, надо сказать, очень красивой музыкой, при этом, добавляя в неё что-то своё. О размерах таких сказаний можно судить хотя бы потому, что не рассказывал, а пел он их в течение длинной зимней ночи, а то и двух ночей. Надо было видеть, как слушали земляки отца, а преподнести происходящее в сказаниях он умел. Преображался человек в такие часы во время кая, и слушатели невольно любовались им как артистом, великолепно исполнявшим свою роль. Да, это для моих земляков действительно был концерт, поэтому и проводили они ночи напролёт, слушая отца.

Были у него небольшие слабости, как и у всех, не побоюсь этого слова, великих людей. Например, ему обязательно надо было чуть покуражиться, как вроде бы не соглашаясь выступить перед земляками, хорошо знавшими об этом и охотно прощавшему ему – кумир всегда остаётся им. Ведь видно же было, что отец рад приглашению, успел уже соскучиться по аудитории, надо было

дать выход таланту. Не раз, проснувшись среди ночи, я слышал в детстве, как отец сам себе исполнял какой-нибудь отрывок из сказания. При этом он не репетировал, в этом отец не нуждался. В такие минуты я боялся кашлянуть или как-либо еще выдать, что слушаю отца, он бы сразу умолк, посчитав, что уличён в своей слабости.

Где-то в начале шестидесятых годов отец отчётливо для себя уяснил, что ему-то некому из уст в уста передать принятую им в своё время эстафету, а не выполнив свою миссию, для которой он и был рождён, уйти из жизни не мог. В этом я глубоко убеждён. Однако, он нашёл выход из данного положения и засел за свой титанический труд, на который способны только подвижники. Стал отец излагать по памяти сказания на шорском языке, тут же переводя их на русский, всё это кропотливо записывая в самодельные общие тетради, сшитые им из нескольких ученических. И так изо дня в день, за редкими исключениями, на протяжении почти 15-ти лет. Одну такую тетрадь демонстрировал по Кемеровскому телевидению лет десять тому назад доцент Новокузнецкого педагогического института Андрей Ильич Чудояков, друживший с отцом, которую он ему и передал. Ещё одна тетрадь сохранилась у нас с братом на двоих, куда девались остальные, к великому своему стыду, сказать не могу. Вроде бы он отослал их в Абакан, Горно-Алтайск, Кызыл. Кай отца перенял Терентий Камзычаков.

Умер отец 10 июля 1980 года, когда мы были на покосе. Скорее всего, он увидел вылетевший рой и хотел его посадить, о чем свидетельствовала сетка, которую пчеловоды надевают на головы при работе с пчёлами. Лежал он, крепко зажмурившись у одного из ульев, лицом к небу, куда, как он глубоко был убеждён, улетает душа человека.

Торбоков Валерий,
сын С.С.Торбокова.
Октябрь 1991 г. г. Кемерово

**«Труды Торбокова бесценны,
потомки память о поэте сохраняют»**

К концу XX века более половины коренного населения России стало русскоязычным, полностью утратив свой родной язык. Прервалась связь поколений, забыты национальные традиции, национальное «я». До недавнего времени шло интенсивное наступление массовой культуры на традиционный образ жизни, обычаи, языки, мировоззрение и духовные ценности коренных народов.

Территория, на которой живет человек – это не только место существования. Это хранилище культуры и традиций. Наш город полиэтнический, ведь он развивается как многонациональный. В связи с этим, в условиях национального возрождения одна из задач центральной городской библиотеки заключается в сохранении уникальности и самобытности каждого этноса. Город Осинники – родина коренного шорского народа, чья культура и образ жизни стали неотъемлемой частью нашего общего духовного наследия. На этой благодатной земле в 1900 году родился шорский поэт, кайчи-сказитель Степан Семенович Торбоков.

Это имя собирателя эпоса, учителя, публициста и образованнейшего человека своего времени навечно вписано в историю нашего города. Его творческое наследие – это золотой фонд шорской национальной культуры. И глубоко символичен тот факт, что день рождения города и день рождения его знаменитого коренного жителя, национального шорского поэта Степана Семёновича Торбокова отмечаются практически одновременно – в начале декабря.

С.С. Торбоков писал непрерывно, отправляя свои произведения в различные издательства. Его с удовольствием публиковали в газетах и журналах. Однако, в те годы ему очень трудно было издать сборники своих творческих произведений. Лишь в 60-е годы вышли в свет три сборника стихов поэта: «Белая берёза», «Пихточка», «Струны кай-комуса», но к большому сожалению эти издания в фондах библиотек города Осинники отсутствуют. Более того, большая часть рукописей Торбокова, имеющая уникальную, научную и культурную ценность, хранится в различных архивах, многие из них утеряны, а имя поэта стало уходить в забвение.

Сотрудники центральной городской библиотеки г. Осинники (директор Упорова О.А.) считают, что на родине поэта труд Степана Семеновича должен получить должное признание, так как в его творчестве, как в капле воды, отразилась судьба его народа, история нашего города. Поэтому, в 2006 году центральной городской библиотекой была разработана целевая Программа «Великий кайчи». По инициативе начальника управления культуры Феофановой О.А. Программа была представлена на рассмотрение в Департамент культуры и национальной политики Администрации Кемеровской области и вошла в краткосрочную региональную целевую Программу «Социально-экономическое развитие наций и народностей Кемеровской области на 2006 год».

Основная цель Программы – сохранить то, что осталось из творческого наследия Торбокова, воссоздать то, что утеряно, собрать воедино творческое наследие знаменитого шорского поэта, издать сборник его избранных произведений и сделать ежегодные областные Торбоковские чтения заметной культурной традицией нашего города. Кроме того, Программа ставит своей целью создание благоприятных условий, позволяющих лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам выражать свои способности и развивать свои культуру и язык, религию, традиции и обычаи; сохранение, использование и популяризация культурного наследия шорского народа и его ярчайшего представителя – поэта С. Торбокова; обеспечение свободного доступа к национальным культурным ценностям.

Реализация Программы «Великий кайчи» проходила по нескольким направлениям и одно из них – изыскательская научно-исследовательская работа.

Эта работа была начата с поиска стихов С. Торбокова, опубликованных в периодических изданиях, имеющихся в фонде библиотеки. Это газеты: «За уголь», «Маяк коммунизма», «Время и жизнь», журналы «Сибирские огни», «Огни Кузбасса». Но этого оказалось далеко недостаточно для осуществления конечной цели – издание сборника избранных произведений Торбокова. И постепенно сотрудники центральной городской библиотеки пришли к осознанию необходимости глубокой исследовательской работы в этом направлении. Поисковая работа привела к тому, что

мы обнаружили стихи поэта на страницах других газет: «Знамя шахтера» (г. Междуреченск), «Красная Шория» (г. Таштагол), «Сельская правда» (Новокузнецкий район), «Путь к победе» (г. Мыски), «Звезда» (Кузедеевский район).

Давно налаженные контакты с кафедрой шорского языка и литературы Кузбасской Государственной Педагогической Академией (КузГПА) дали возможность изучить научные труды преподавателей и студентов, занимающихся проблемами шорского языка и литературы. Особенно ценными оказались материалы основателя кафедры, профессора, выдающегося деятеля шорского народа А.И. Чудоякова, зав. кафедрой, доцента И.В. Шенцовой, кандидата филологических наук, доцента кафедры Г.В. Косточакова. На данном этапе исследования было обнаружено немало важных сведений, касающихся творчества Степана Торбокова, а также места хранения рукописей поэта. Специалист по шорскому языку И.В. Шенцова в статье о задачах лингвистов в области шорского языкознания писала: «Очень интересный материал – памятник одного из говоров кондомского диалекта шорского языка – содержится в работах С. Торбокова. Им написано несколько десятков героических сказаний по народным мотивам. Его записи представляют собой билингвы (страница шорского текста – страница перевода на русский язык). Часть их содержится в Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ, г. Абакан)».

К сожалению, на родине труды Торбокова оказались невостребованными, и поэт обращается к государственным научным структурам родственных народов – алтайцев и хакасов – ХакНИИЯЛИ и Горно-Алтайский институт алтаистики им. С.С. Суразакова. Сотрудники институтов не сразу, но соглашаются за очень небольшие деньги приобрести тексты, записанные на листах ученических тетрадей, сшитых друг с другом нитками. Тетради с тех пор принадлежат этим институтам и хранятся в их фондах под грифом «Хранить вечно». Получив такую информацию, мы стали налаживать контакты с руководством институтов и, получив согласие на работу в их рукописных фондах, разработчик Программы Урбан А.Г. выехала в командировку в города Абакан и Горно-Алтайск. Как выяснилось, несмотря на уникальность

собранного в ХакНИИЯЛИ материала, он никогда не был предметом специального исследования.

Работа на основе архивных изысканий в фондах вышеназванных институтов, позволила выявить богатейшие материалы, доселе неизвестные, ранее не опубликованные, в единственном экземпляре, дошедшие до нашего времени, имеющие научную и культурную ценность.

Большую помощь в ходе поисковой научно-исследовательской работы оказали Тугужекова В.Н., профессор, доктор исторических наук, директор ХакНИИЯЛИ и Чочиева А.С., заведующая рукописным фондом института, а также Екеева Н.М., кандидат исторических наук, доцент, директор Государственного учреждения Республики Алтай «Институт алтаистики имени С.С. Суразакова, Белоусова Н.В., кандидат исторических наук, доцент, учёный секретарь этого же института.

Весь материал, собранный в ходе научно-исследовательской работы в этих институтах, вошел в сборник избранных произведений С. Торбокова «Шория всюду со мной» и, по словам научных сотрудников кафедры шорского языка и литературы КузГПА, имеет большую ценность для написания дипломных работ и диссертаций студентами кафедры. Литературную обработку произведений и их перевод сделал член Союза писателей России, кандидат филологических наук, доцент Косточаков Г.В. Работа с архивным материалом позволила открыть некоторые неизвестные факты:

- обладателем Торбоковских тетрадей был абаканский поэт, переводчик стихов С. Торбокова Сысолятин Г.Ф. По словам его вдовы многое он передал в архив музея г. Минусинска. Возможно, что Торбоковские записи обнаружатся и там;
- Существует рукопись фольклориста И.В. Пухова «Беседа со сказителем Степаном Семеновичем Торбоковым», датированная 1959 годом. Содержание и местонахождение данного текста пока неизвестно;
- В Москве проживает ученый-фольклорист Г.Ф.Функ, в настоящее время, создающий базу данных эпических текстов тюрков Южной Сибири. Возможно, у него есть сведения и о материалах Торбокова;

- В середине 80-х годов журналист Л. Круглов после встречи с Торбоковым сообщил читателям, что Степан Семенович записал 420000 строк народного эпоса.²

Все эти факты открывают новые возможности для дальнейшего исследования творческого наследия поэта.

В результате большой поисковой научно-исследовательской работы цель Программы была достигнута. Сборник избранных произведений шорского национального поэта С. Торбокова «Шория всюду со мной» увидел свет и 9 декабря 2006 года на первых областных Торбоковских чтениях «Торбоковская яркая звезда» прошла его презентация. На красочно оформленной сцене выступили творческие коллективы городов Новокузнецка, Таштагола, Мыски, Междуреченска, Осинников и Новокузнецкого района. В течение всего праздника звучали стихи Торбокова, вошедшие в сборник. Выступления Косточакова Г.В., Комзычаковой В.И., Сербегешевой А.А. помогли глубже понять и осмыслить значение творчества С. Торбокова. Родственники поэта поделились своими воспоминаниями о С.С. Торбокове. На празднике также присутствовали представители администраций, шорская интеллигенция городов юга Кузбасса, научные сотрудники ХакНИИЯЛИ, преподаватели и студенты кафедры шорского языка и литературы КузГПА, представители ОАО ИПП «Кузбасс». В заключении Торбоковских чтений Глава города Осинники П.П. Дочев вручил подарочные экземпляры сборника стихов Торбокова «Шория всюду со мной» гостям праздника. Сборник был издан силами сотрудников центральной городской библиотеки г. Осинники при финансовой поддержке Департамента культуры и национальной политики Администрации Кемеровской области.

В 2007 году в конкурсе на соискание именной кузбасской премии имени С.А. Сбитнева проект «Научно-исследовательская работа по изучению творчества поэта С. Торбокова в рамках реализации целевой программы «Великий кайчи» был по достоинству оценен. Авторский коллектив центральной городской

² Д.А. Функ, В.Н. Тугужекова. Неопубликованные записи шорских эпических сказаний в Хакасском архиве С.С. Торбокова.

библиотеки под руководством директора МУК ЦБС Упоровой О.А стал лауреатом премии и обладателем диплома коллегии Администрации Кемеровской области. На полученные денежные средства была приобретена техника, использование которой позволит успешно реализовать Программу «Великий кайчи» в 2007-2008 годах.

Одним из главных направлений Программы «Великий кайчи» является популяризация творческого наследия С.С. Торбокова. Реализация данного направления осуществляется различными формами проведения массовой работы. В городской газете «Время и жизнь» открыта рубрика «Свеча памяти», в которой авторы проекта приглашают к сотрудничеству всех поклонников творчества поэта. Были объявлены конкурсы чтецов среди учащихся школ города, конкурс на лучшее стихотворение о С. Торбокове, а также конкурс на лучшую песню на стихи поэта, конкурс на лучшую иллюстрацию к сказкам Торбокова среди учащихся детской художественной школы № 18. Победители данных конкурсов примут участие во вторых Торбоковских чтениях, которые состоятся 15 декабря 2007 года в концертном зале детской музыкальной школы № 20.

Сегодня, вспоминая поэта, учась у него, мы, прежде всего, думаем о нашем будущем, о детях, для которых необходимо сохранить творческое наследие Торбокова – истинно народного шорского поэта, хранителя национальной культуры и родного языка. Поэтому, Центральная городская библиотека на базе школы № 3 организовала работу факультатива по изучению творчества поэта. На занятиях ребята получили возможность узнать много интересных фактов из жизни Степана Семеновича, познакомиться с его творчеством. Учащиеся также посетили экспозицию, посвященную поэту в городском краеведческом музее. Среди них был объявлен конкурс на лучшее сочинение о Торбокове и победители этого конкурса также примут участие во вторых областных Торбоковских чтениях.

По школам города прошли рекламные туры, в ходе которых были проведены часы поэзии «Поэзии неиссякаемый родник», литературный портрет «Сын тайги, легенд и песен».

В деловой конструктивной обстановке прошла конференция «Шорский эпос через призму творчества С.С. Торбокова», на которой присутствовали представители администрации города, преподаватели и студенты КузГПА, этнографическое объединение «Тазыхан» (г. Новокузнецк), сотрудники ЦГБ, литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского (г. Новокузнецк), сотрудники городского краеведческого музея, шорская интеллигенция города и другие.

Вечер поэзии «Он был кайчи – певец народа» прошел на базе поэтического клуба «Кедр», который существует в центральной городской библиотеке с 1997 года.

Участники проекта посетили село Тайлеп, где прошли последние годы жизни С. Торбокова. В ходе этой творческой экспедиции посетили школьный музей поэта, его могилу, побеседовали с жителями села, знавшими Степана Семёновича. Занимаясь изучением жизни и творческого наследия нашего земляка, центральная городская библиотека г. Осинники собрала достаточно обширный материал об этом замечательном человеке. Документы, собранные путем визуального просмотра краеведческих периодических изданий, а также привезенные из творческих командировок в ХакНИИЯЛИ, Государственное учреждение Республики Алтай «Институт алтаистики имени С.С. Суразакова», литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского и, конечно же, документы, бережно сохраненные краеведческим музеем г. Осинники являются уникальными и представляют собой большую историко-культурную ценность. Весь этот материал нашел отражение в биографическом сборнике под названием «Слово о Торбокове». Сотрудниками центральной городской библиотеки издан рабочий вариант будущей книги. Мы и дальше будем продолжать работу над этой книгой. А нее будут внесены изменения и дополнения, потому что есть еще материал, над которым стоит поработать.

Издание книги типографским способом мы планируем в 2008 году к следующим областным Торбоковским чтениям и 70-летию города Осинники.

Степана Семеновича Торбокова без преувеличения можно назвать явлением уникальным в мире фольклористики. Его

творческое наследие включает в себя десятки героических сказаний, легенд, песен, кроме того, он записывал басни, пословицы и поговорки, и сказки шорского народа. Особенно любил Степан Торбоков рассказывать сказки. Он записывал их с чьей-то памяти, сам сочинял – добрые, поучительные и непременно со счастливым концом. Его сказки вместе с реалистической точностью деталей проникнуты романтизмом и глубоко сочувствующим отношением к простому народу, болью за его судьбу и восхищением его духовной силой.

На днях сотрудница центральной городской библиотеки посетила ХакНИИЯЛИ (г. Абакан). Благодаря налаженным связям с научными сотрудниками данного института удалось поработать в рукописном фонде. В результате исследовательской работы было выявлено 14 шорских народных сказок, записанных Торбоковым, которые также имеют уникальную литературную ценность, так как ранее нигде не были опубликованы. На данный момент сотрудники библиотеки работают над литературной обработкой этих сказок, которые войдут в книгу «Торбоков – детям». Издание книги планируется на 2008 год. В ней будут использованы иллюстрации учащихся детской художественной школы № 18.

В феврале 2007 года взял старт литературный марафон «Торбоков не издал трудов огромных, но на родной земле оставил след». В результате этого марафона почти на всех предприятиях города, где действуют выездные библиотечные пункты, была проведена презентация книги Торбокова «Шория всюду со мной».

На сегодняшний день творческое наследие Степана Торбокова по-прежнему представляет собой большой до конца неисследованный пласт, который следует изучить, проанализировать и по мере возможности издать.

Опираясь на закон, об утверждении среднесрочной региональной, целевой Программы «Социально-экономическое развитие наций и народов в Кемеровской области на 2007-2009 годы», сотрудники центральной городской библиотеки г. Осинники продолжают работу по Программе «Великий кайчи», будут вести поиск новых путей сохранения и развития самобытной шорской культуры.

В заключении хотелось бы привести высказывание Косточакова Г.В.: «Имя Степана Торбокова снова является настоящей визитной карточкой города Осинники. Поэтому слова «Торбоков» и «Осинники» стали синонимичными по отношению друг к другу. Не каждый город Кузбасса имеет такого земляка. Да и не каждый город, если у него все-таки был подобный земляк, стремится упрочить его славу и поддержать память о нём, взяв на себя заботу о его наследии и публикуя его прекрасные произведения. Но этого нельзя сказать про г. Осинники. Осинниковцы не на словах, а на деле помнят и гордятся своим поэтом Степаном Торбоковым! А значит, и весь Кузбасс будет помнить его и гордиться им».

Взошедшая десятки лет назад творческая звезда поэта будет вечно сиять на поэтическом небосводе Кузбасса!

Урбан А. Г.
Зав. отделом ЦГБ
МУК ЦБС г. Осинники

Полюбил березку мой лесной народ

Сразу оговорюсь, что в заголовок этой публикации внесено строки из стихотворения Степана Семеновича Торбокова «Белая береза».

Но прежде, некоторые подробности о самом Торбокове. Автор этих строк познакомился с ним в самом начале шестидесятых годов прошлого столетия, когда работал в районной газете «Звезда», бывшего Кузедеевского района. Нередко к нам в редакцию приходил из Тайлепа Степан Семенович. Причем не с пустыми руками, а с целой пачкой своих рукописей со стихами. Большая часть из них потом помещалась на страницах «Звездочки», как мы иногда называли свою газету. Помнится, один из сотрудников газеты, Валентин Бармин, наш газетный поэт, особенно радовался приходам С.С. Торбокова. Он уже был известным поэтом всей Кемеровской области. Его стихи в переводе Г. Сысолятина и М. Небогатова постоянно появлялись на страницах многих изданий Кемеровской области и Красноярского

края. Что скрывать, для нас, начинающих журналистов районной газеты, Степан Семенович был непререкаемым авторитетом. Что же касается Валентина, то он прямо-таки благоговел перед именем Степана Семеновича, особенно после того, как узнал, что готовятся к изданию два сборника его стихов «Белая берёза» и «Пихточка», которые увидели свет в 1960 году. Их выходу в свет Валентин посвятил специальную публикацию «Двери его поэзии распахнулись», которую поместил на страницах «Звездочки».

Что же касается меня, то я с большим удовольствием читал и перечитывал стихи Степана Семеновича. Некоторые из них тогда настолько прочно вошли в мою память, что помнятся до сих пор. Особенно «Белая береза», появление которой в наших краях поэт связывал с приходом в Горную Шорию русских. Именно они, якобы изгнали поработителей джундаров, которые эксплуатировали местных шорцев. Вот как это выразил в своих стихах поэт:

Сгинули джундары
Под метельный вой...
Хороша берёза
Летом и зимой.
Хороша легенда
Про её приход.
Полюбил берёзу
Мой лесной народ.

Но не только стихами памятны для меня мои встречи с Торбоковым. Закончив в Красноярске учительские курсы, а затем и географический факультет Томского университета, Степан Семенович многие годы учительствовал в Кузедеевском районе. Был учителем, завучем, директором школ в тех самых селах, дела жителей которых я, как журналист, должен был освещать на страницах своей газеты. И Степан Семенович при этом помогал мне деловыми советами и консультациями. Большое ему спасибо за то содействие.

Сегодня его среди нас нет, но остались в памяти стихи, которые он писал в минуты вдохновения. Вот несколько строк из одного из них:

Был у нас кайчи –

Певец народа.
Старые легенды говорят:
«Запоёт – и вторит вся природа,
Лес и горы подпевают в лад.
...Как хотел бы я,
Стихи слагая,
Походить на славного кайчи.

Думается, что это пожелание Степана Семеновича стало реальностью в полной мере.

Цыряпкин А.,
журналист
14 ноября 2006 г.

Хранитель времени

Люблю тебя, мой край родной...
Был у нас кайчи,
Певец народа,
Старые легенды говорят:
Запоёт –
И вторит вся природа,
Лес и горы
Подпевают в лад
(«Был у нас кайчи...»)

Степан Семенович Торбоков родился 24 декабря 1900 года в улусе Тагдыг-аал (в пер. «горный поселок», ныне г.Осинники) в семье охотника. Учился Степан в родном улусе до 1912 г. в церковноприходской школе. Нужда рано заставила его взяться за труд не по возрасту тяжелый. Мальчиком исходил он вместе с отцом родные леса и горы, неделями не бывал в родном улусе и уже тогда он задавал себе вопрос: отчего так тяжело живется бедноте?

В 23 года С.Торбоков заявил о себе во всеуслышание своей лирикой. И хотя, по его мнению, стихи были плохи и неказисты, они полюбились шорскому народу, ведь в них была воспета их родная природа, их чувства и быт.

Степан Семенович обладал редчайшей памятью и благодаря этому природному дару, сохранил десятки тысяч стихотворных строк шорских эпических песен. Сын Валерий вспоминал: «С детства помню, как сельчане приходили к нему и просили его в очередной раз сводить их в старину – мир богатырей, чудес и подвигов. Отец сопровождал сказания каем, очень красивой музыкой».

В 1956 г.С.Торбоков стал записывать все известные ему произведения, переводя свои записи на русский язык. Эта работа равна гражданскому подвигу.

И когда закрываешь любой из сборников С.С.Торбокова, еще долго остается в тебе что-то невыразимо хорошее, то самое, чему у него можно учиться – гуманизм, искренность, душевная мудрость.

...Упадет столетняя сосна,
Но оставит прежде семена.
До черты дойдет и жизнь певца,
Но бессмертна песня – нет конца!
(«Упадет береза отшумев»)

Эта фотография хранится у Н.П. Сенько - руководителя кружка "Кружевница".

Наталье Петровне повезло - ей довелось видеть и слышать С.С. Торбокова. Было это ровно тридцать лет назад. Вместе с одноклассниками и учительницей истории школы 32 она побывала в посёлке Тайлеп, где жил и работал учителем Торбоков. До сих пор помнит она эту встречу, его голос, его рассказ и напевную речь под шорский народный инструмент кай-комус.

Еще шла Гражданская война, а Торбоков уже мечтал о новой судьбе: он выучится на учителя и будет учить детей своего маленького народа. Но этой мечте суждено было исполниться не сразу. В 27 лет он поступает на курсы ликвидации неграмотности в г.Мыски и, вернувшись, открывает ликбез у себя в улусе. А в 1930 году, после трехмесячных учительских курсов, С.С. Торбоков становится учителем в Тенеше. Привез немного учебников на

русском языке и тетрадей. Писать приходилось и на газетах, однажды ходили в лес за берестой.

С теплотой и любовью говорил Торбоков о берёзе. Наверно, поэтому запало в душу впечатлительной девочке стихотворение "Раненная береза".

А ещё её поразила простота и обычность деревенского быта необыкновенного писателя и поэта: на нем не было строгого пиджака, белоснежной рубашки и галстука (как у других в телевизоре), и здесь же бегали куры и поросята - "прост, как правда", - говорит Наталья Петровна.

Чернышова Е.А.,
библиотекарь детского дома
«Проталинка», г.Осинники

Кайчи

Он родился на изломе двух столетий - в декабре 1900 года. Шорский улус Тагдагал (нынче г. Осинники), утопая в ослепительной чистоты сугробах, стал малой родиной великого национального поэта Степана Торбокова. Казалось, ничто не предвещало младенцу завидной судьбы - ни забытая богом окраина государства, ни самая обыкновенная (значит, бедная и безграмотная) семья родителей, ни прочие обстоятельства.

Путь у подрастающих мальчишек был один - в тайгу. Степан рано ступил на охотничью тропу вместе с отцом. На промысел уходили надолго, неважно когда - зимой ли, летом ли. Проходили месяцы, прежде чем с богатой добычей соболей, коз и маралов возвращались мужчины к родному очагу.

Встречали их шумно, с радостью, устраивали праздник - той. Степан любил эти вечера под взлетающие в поднебесье языки пламени от костра, протяжные, полные скорби, но не лишённые надежды, народные напевы. Он и сам оказался хорошим певцом, благо в цепкой памяти напрочь оседали строчки шорского эпоса.

Дивная Томь, яростная Мрас-Су, пленительная Кондома, красавица-тайга нашептывали ему загадочные слова,

выстраивали их в ладные рифмы - хоть читай, хоть пой. И он попробовал однажды - на привале, у ночного костра, под ласкающий плеск воды и шелест осиновых листьев. Казалось, из самого сердца изливается благодать и возносится, и возносит.

Кай-комус - так называется незатейливый народный шорский инструмент, играющий на котором почитался всеми без исключения. Как редкое сокровище принял его однажды Степан, легонько тронул трепетные струны, подмигнул братишке в люльке - и заструилась, полилась колыбельная. Поди, посчитай, сколько ребятишек потом засыпало под эту благодатную мелодию, так приглянувшуюся всем матерям Тагдагала.

Как ни красивы были реки, как ни сказочна тайга, как ни увлекателен охотничий промысел, решил Степан учиться. Еще до революции окончил церковно-приходскую школу - и стал еще более почитаемым человеком.

Огненное крыло гражданской войны по существу Осиновку не захватило, однако политические преобразования двадцатых годов не обошли стороной затерявшееся в дебрях тайги село. Назначили Степана Торбокова уполномоченным сельского Совета - должность по тем временам высочайшая. Старался Торбоков. Дела шли на лад. Потребительскую кооперацию в Шории организовал, Народным домом стал заведовать.

В конце двадцатых годов центр шорского движения все больше сосредотачивался в Мысках. Здесь и были открыты курсы по обучению «ликвидаторов неграмотности» из числа коренного населения. Степан Семенович снова угодил на учительскую скамью, а успешно окончив курсы, открыл ликбез в своем улусе.

Он искренне и страстно желал обучить грамоте как можно большее число односельчан, потому что осознавал: знания - это надежная путевка в жизнь. Вместе с тем понимал, что и самому недостает знаний. И учится, учится, учится. Сначала - на учительских курсах в Красноярске, а в 37 лет поступает в Томский государственный университет и в 1943 году оканчивает его заочно.

Более трех десятков лет составляет учительский стаж Торбокова. Работал он в улусе Тенеш, в Кинерках, Рябиновке и Тайлепе. Был учителем, завучем, директором.

И все эти годы писал стихи, собирал и записывал песни, легенды, сказки шорского народа. Из уст в уста передавали их из одного улуса в другой.

В начале сороковых годов на стихи Степана Семенович обратили внимание большие поэты, начали их переводить на русский язык и публиковать в периодической печати. Первым переводчиком стихов был хакасский поэт А. Кильдичаков.

В 50-е годы собиратель шорского фольклора С.Торбоков начинает переписку и сотрудничество с литераторами из горного Алтая и Новосибирска.

В 60-е годы сосредоточили свое внимание на шорском самородке переводчики Г. Сысолятин из Абакана, М. Небогатое и В. Махалов из Кузбасса.

В эти же годы выходят в свет сразу три сборника стихов народного поэта Горной Шории: «Белая береза», «Техтака», «Струны кай-комуса». Все газеты Кузбасса печатали его стихи, с коллективами редакций многих газет он был знаком лично.

Поэта, сказочника, собирателя шорского фольклора и учителя Степана Семеновича Торбокова чтят и помнят современники. Тот, кто хоть однажды соприкоснулся к его творчеству, несет в своем сердце светлый восторг от простых и душевных стихов поэта. Память о нем не угаснет в наших сердцах.

Шатилова Т.,
преподаватель школы с.Тайлеп

К 95-летию со дня рождения С.С.Торбокова

Родился поэт в семье шорца-охотника в селе Тагдагал (Осинники). Степан рано полюбил охотничье ремесло: уходил с отцом в тайгу на несколько месяцев. Тайга стала для него вторым домом. Охотничьими тропами ходил Степан вдоль Томи, Мрас-Су, Кондомы, охотясь на соболей, белок, коз,

маралов. По возвращении домой охотников встречали шумно, устраивали праздник - той. Очень привлекала будущего поэта игра на шорском инструменте кай-комусе. Именно из звучания этого инструмента родилась первая колыбельная, сочиненная Степаном для маленького братишки.

Еще до революции Степан окончил церковно-приходскую школу. В 1927 году он поступает на курсы ликвидаторов неграмотности в Мысках. После окончания Учительских курсов в Красноярске Степан начинает работать учителем в улусе Тенеш. В 37 лет заочно поступает на географический факультет Томского университета. 15 июля 1943 года получил диплом об окончании университета с правом преподавания географии в средней школе. С 1928 по 1956 год работал школах сел Кинерки, Рябиновка, Тайлеп учителем, завучем, директором.

Учительствуя, Степан Торбоков пишет стихи, собирает и записывает сказки, песни, легенды шорского народа. Всего им записано 200 пословиц и поговорок, около 100 загадок, более 50 героических сказаний. Собранные записи отсылались в научные учреждения городов Абакан, Горно-Алтайск, Новосибирск, Кызыл. Увлекаясь работой над высокопоэтическим творчеством своего народа, с 1949 года стал писать стихи. И первое стихотворение «О прошлом и настоящем» на русском языке было опубликовано на страницах газеты «Кузбасс». В 1952 году в журнале «Сталинский Кузбасс» было напечатано стихотворение «Песня шорца» в переводе С. Соколовской. С 1959 года стал печататься в журнале «Сибирские огни», стихи публиковались в переводах Михаила Небогатова.

В 60-е годы Степан Семенович знакомится с переводчиком своих стихов поэтом из Абакана Геннадием Сысолятиным. Позднее выходят в свет три поэтических сборника поэта — «Белая береза» (1960 г.), «Пихточка» (1960 г.), «Струны кай-комуса», в которых стихи переведены на русский.

Три сборника поэта - настоящая песня народу Шории, ее красотам. Стихотворение «Шория» - настоящая увертюра ко всем стихам поэта.

Многое видит поэт: рябинку, смело поднявшуюся на утесе, гордого марала, смелого медвежонка, ворчуна волка.

Стихотворение «Белая береза» открывает одноименный сборник. Поэт в этом стихотворении размышляет об исторических судьбах русского и шорского народов. Любуется Степан Торбоков красавицей Кондомой. ее рукавами, островками. Автор просит читателя другими глазами взглянуть на величие и красоту природы Горной Шории. Много у поэта философских стихов, которые о многом заставляют задуматься. Поэта, сказочника, собирателя шорского фольклора чтят и помнят его современники и потомки. Кто хоть однажды соприкоснулся с его творчеством, будет нести в своем сердце светлый, восторг от простых и душевных стихов поэта.

Шатилова Т.,
преподаватель школы с.Тайлеп

«Сильна во мне любовь к родному краю»

К 106 годовщине со дня рождения С.С. Торбокова

Как, когда появляется любовь к родному краю? С первой ли колыбельной песни матери, спетой на родном языке, или с первой сказки, созданной твоим народом? Где тот родник, где тот солнечный лучик, что рождает в сердце твоём всепоглощающее, негасимое с годами чувство любви к Родине?

Люблю сибирскую природу.
Мне близок нрав ее прямой.
Всегда в любое время года
Она верна себе самой.
Сурово строгая, без злобы,
На все дары свои щедра
Холмам под стать ее сугробы,
Дожди ее – как из ведра.
Нагрянет стужей – дух захватит,
Снега растопит – все зальет.
Лучами знойными окатит,
Как в бронзу, тело закует.
А осень наша? Бабье лето?!
Родные, милые места –

Все точно золотом одето.
Прозрачен воздух, даль чиста.
Люблю речные перекаты,
Как переливы серебра,
В полях широкие закаты,
В тайге дремучей – жар костра.
Окатистых гор люблю величье,
Деревья крепкие в соку
И звон ключа и пенье птичье,
И одинокое «ку-ку».
И дом, где рос я, лучший в мире,
И бесконечно счастлив я,
Что крепко связана с Сибирью
Родная Шория моя!

Можно ли сказать ярче о родной земле, чем это сделал Степан Торбоков, первый признанный поэт шорского народа. Не случайно выставка в честь этого уникального человека оформлена в зале природы городского краеведческого музея. Именно природа была источником его вдохновения, его Музой. Она была его первым учителем и слушателем. У нее он черпал жизненные силы. Именно природа была главной темой его произведений.

А первое стихотворение, вернее, песню, Торбоков написал очень давно для маленького братика. И колыбельную эту стали петь все матери Таг-таг-аала, нынешнего города Осинники. Да, именно здесь, в шорском улусе, затерянном в глухой тайге, на стыке двух веков, 10 декабря 1900 года в семье бедняка-охотника Семена Торбокова родился будущий кайчи.

Степана сызмальства приучали к родовому ремеслу. Совсем мальчишкой он вместе со взрослыми ходил охотничьими тропами к истокам Кондомы, к верховьям Мрас-Су, к неукротимой Томи. Неделями не бывал дома – в любую погоду, и в летний зной, и в зимнюю стужу. А еще Степана отличала великая тяга к ученью. В 1913 году он окончил церковно-приходскую школу и попытался поступить в Бийское катехизаторское училище, однако не выдержал вступительных экзаменов. А в гимназию сыну

охотника-шорца дорога была закрыта. И он снова возвращается в свой улус, к таежному промыслу. Ходит на коз, маралов, соболей, которыми изобиловали эти края.

По возвращении домой охотников встречали шумно. Устраивали праздник – той. Степан любил эти необычные вечера, наполненные народным фольклором. Сам он был хорошим певцом и исполнителем шорских песен. Пел и песни собственного сочинения, рождавшиеся в его сердце на привале у костра. Песни звучали в сопровождении любимого музыкального инструмента – кай-комуса.

Так бы и шла жизнь охотника – в привычном, размеренном ритме. Но пришла в Шорию революция. Однако, вспоминает Степан Семенович: «Во время колчаковщины хотел идти в партизаны, но передовые шорцы того времени – партизаны Федор Николаевич Токмашев и Александр Ильич Пebyзаков посоветовали ходить с кай-комусом в народ и петь героический эпос, с тем, чтобы герои сказаний были похожи на партизан». И со всей страстью молодости пел юноша о храбрых богатырях, зажигал пожар патриотизма в душах слушателей.

Еще шла гражданская война, а Торбоков уже мечтал о будущем: прогонят баев и ханов, наступит советская власть, он получит высшее образование – станет преподавателем и будет учить детей своего маленького народа. Однако мечте не тотчас суждено было сбыться...

«После изгнания колчаковцев, - вспоминает Торбоков, - стал работать в родном селе нардомом и уполномоченным сельсовета, стал разъяснять односельчанам советское законодательство и помогать людям управлять своим хозяйством».

Он организовал в Шории потребительскую кооперацию, учил грамоте. Тогда-то и стал записывать песни своего народа и песни, сочиненные самим, отличавшиеся своеобразной композицией, удивительными метафорами:

Мой скакун теперь –
струна витая.
И пойдет со звоном
иноходь крутая.

На струне волосяной
звеню-играю,
Богатырские сказанья
распеваю.
В каждой юрте – гость
желанный
Мой кай-комус деревянный.

В 23 года Степан Торбоков заявил о себе во всеуслышание своей лирикой. И хотя, по его мнению, стихи были слабы и неказисты, они полюбились шорскому народу, ведь в них была воспета родная природа, чувства и быт населения. Его потрясающее воображение, поэтическое чутье, природный изысканный вкус и в то же время простота и лаконичность восхищают до сих пор.

Упадет береза, отшумев,
Но с весной побег
распустит листья.
Пережив сказателям напев,
В памяти народной
сохранится.

В 27 лет Степан Торбоков поступает на курсы ликвидации неграмотности в г. Мыски и, вернувшись, открывает ликбез у себя в улусе, где целиком отдается новой работе. Так был сделан первый шаг к заветной мечте – стать учителем. В 1930 году его посылают на трехмесячные учительские курсы в г. Красноярск, по окончании которых Степан Семенович становится учителем в Тенеше, а через два года он был переведен в тайлепскую школу преподавателем географии и биологии.

Вскоре там его назначают заведующим, и он не только учит детей, но и с радостью выполняет такую, казалось бы, рутинную работу, как ремонт помещения, заготовка дров. Кроме того, надо было содержать в тепле и чистоте два общежития: для девочек и мальчиков – учащихся тайлепской семилетней школы, которая была единственной школой на всю округу, а потому в ней учились дети из соседних сел. Из-за отсутствия транспорта жили в этих общежитиях. Об этом факте сообщила ученица Степана

Семеновича Дарья Григорьевна Ильина, в девичестве Кокшарова. Её родители жили тогда в Рябиновке. Степан Семенович часто приходил по вечерам к детям в общежитие, играл с ними, рассказывал сказки, загадывал загадки. Был очень доброжелательным, мягким человеком.

Дарья Григорьевна рассказывала о том, что с 1935-го по 1939-ый год директор школы преподавал шорский язык. В школе учились в основном шорцы. А так как Тайлеп входил в состав Горно-Шорского района, то наряду с русским языком и литературой, все учащиеся школы, и русские дети в том числе, изучали шорский язык. Писали латинизированным шрифтом. Своей письменности у шорцев не было.

Кроме многочисленных школьных дел, Торбоков ведет большую пропагандистскую работу – агитирует за колхоз. Руководит художественной самодеятельностью, сам пишет инсценировки для кружка, под кай-комус исполняет свои песни. Жизнь его полна и интересна. Но, чувствуя нехватку знаний, 37-летний Торбоков поступает на заочное отделение Томского университета, которое заканчивает в 1943 году с правом преподавать географию в средней школе.

В лихолетье Великой Отечественной войны поэт подчеркивает в своем творчестве тему единения с братскими народами. В это время он создает сугубо патриотические песни, обращаясь к народному эпосу:

Мы свои кай-комусы снимем,
Опояшемся мечами
И научимся сражаться,
Бить джунгар поможем русским.

Наконец, наступило мирное время. Степан Семенович продолжает работать учителем и до 1965 года руководит тайлепской школой. И сочиняет стихи и сказки, которые без всяких публикаций находили дорогу к сердцам людей. Из уст в уста передавали их из одного улуса в другой, наряду с возрожденными им сказаниями шорского эпоса. Очень ярко эта сторона жизни

шорского поэта отражена в воспоминаниях его сына – Валерия Степановича.

«За что действительно следует перед отцом снять шапку, за что его действительно почитали земляки, в чем проявился истинный талант неординарного человека, - был отец сказителем героического эпоса – кайчи. Мне не понять, как это можно было запомнить столько поэтических сказаний. Отец же в отрочестве перенял эпос в Тагдагале от кайчи Тельбезекова, своеобразно подхватил от него эстафету и отведенный ему этап прошел хорошо. Вот только такие кайчи, как Норошка, Акрид, Тельбезеков, Токмашов, Торбоков, их близкие и дальние предшественники, до последнего времени через века пронесли шорский эпос, не дав ему погибнуть. Тем более удивительное это явление, что письменности наш народ не имел, и я очень горжусь своим отцом, достойно выполнившим свою миссию.

С детства помню, как сельчане приходили к отцу и просили его в очередной раз сводить их в старину, в мир богатырей, чудес и подвигов. Как и все кайчи, отец сопровождал сказания каем, надо сказать, очень красивой музыкой, при этом добавлял в нее что-то свое. О размерах таких сказаний можно судить хотя бы по тому, что рассказывались они в течение длинной зимней ночи, а то и двух ночей. Надо было видеть, как слушали земляки отца, а преподнести происходящее в сказаниях он умел.

...Где-то в начале шестидесятых годов отец отчетливо для себя уяснил, что ему-то некому из уст в уста передать принятую им в свое время эстафету, а не выполнить свою миссию, для которой он и был рожден, уйти из жизни не мог. Однако он нашел выход из данного положения и засел за свой титанический труд, на который способны только подвижники. Стал отец излагать по памяти сказания на шорском языке, тут же переводя их на русский. Все это он кропотливо записывал в самодельных общих тетрадах, сшитых из нескольких ученических. И так изо дня в день, за редкими исключениями, на протяжении почти пятнадцати лет!»

Позднее весь этот материал – песни, легенды, сказки, - собранный Степаном Семеновичем со всех уголком Шории, по просьбе ректората был передан автором Хакасскому исследовательскому институту языка, литературы и истории.

Но все-таки главным делом всей жизни, предназначенным Торбокову, была поэзия. В начале сороковых годов впервые стихи Степана Семеновича были переведены на русский язык хакасским поэтом Кильдичаковым и опубликованы в газете.

В 50-е годы Торбоков знакомится с поэтом Ильей Авраменко. Встреча эта открыли шорского поэта, заставила еще более серьезно заниматься творчеством. Стихи Степана Торбокова в переводах поэтов Михаила Небогатова, Владимира Махалова, Геннадия Сысолятина появляются на страницах журналов «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», в газетах «Красная Шория», «Маяк коммунизма», «Комсомолец Кузбасса», «Сельская жизнь».

Особенно плодотворным было сотрудничество Степана Торбокова с Геннадием Сысолятиным. Хорошо знающий Хакасию, Горный Алтай и Горную Шорию, Сысолятин-переводчик очень тонко прочувствовал и передал языковой и национальный колорит поэзии Торбокова. Именно в его переводе вышли первые сборники шорского поэта: в 1960-м году книга стихов «Белая берёза» и детский сборник «Пихточка», а в 1967-м – книга «Струны кай-комуса».

Но ни одно произведение Торбокова не было напечатано на родном языке при жизни поэта. И как сказал преподаватель шорского языка и литературы Новокузнецкой Государственной педагогической Академии Косточаков: «Торбоков – поэт переводов без подлинников». Его произведения переводили на языки народов СССР. Когда из жизни шорцев исчезли последние черты национальной самобытности, поэт сумел донести до наших дней записи на родном языке, тут же делая подстрочные переводы на русский язык. Это были десятки героических сказаний – каев, более пятидесяти эпических произведений, песен, каждая из которых состояла из серии тысяч стихотворных строк! В них тонко переданы красота, напевность и необычайное музыкальное очарование.

В песнях звучит то безудержная удаля и сила, то глубокая печаль, то раскрывается широта души, словно летящей поверх скалистых гор и седой тайги.

Его сказки вместе с реалистической точностью деталей проникнуты романтическим и глубоко сочувствующим

отношением к простому народу, болью за его судьбу и восхищением его духовной силой.

Писал Торбоков и басни, используя эзопов язык. Автор освещает в них вечные проблемы бытия, человеческие пороки и добродетели.

Жил С.С. Торбоков в гармонии со своей душой и природой, у которой черпал жизненные силы. И умер в июле 1980 года не на больничной койке, а лежа на земле, в саду, лицом к небу, куда, как он глубоко был убежден, улетает душа человека.

Упадет столетняя сосна,
Но оставит прежде семена.
До черты дойдет и жизнь певца,
Но бессмертна песня
- нет конца.

Л. ЭРФУРТ,
главный хранитель
Городского краеведческого музея.

Глава III

Изучение творческого наследия С.С.Торбокова

Письмо в Хакасский
научно-исследовательский
институт языка, литературы
и истории

Уважаемые товарищи!

24 декабря 1975 года шорскому поэту, выдающемуся собирателю шорского фольклора, талантливому кайчи С.С.Торбокову исполняется 75 лет. Дата для нас исключительной важности.

В связи с этим необходимо уточнить все то, что им записано (произведения шорского фольклора) и написано (произведения его поэзии).

В вашем институте хранятся произведения шорского фольклора, записанные С.С.Торбоковым. Убедительнейшим образом прошу вас прислать мне список всех произведений шорского фольклора, названия, количество стихотворных строк в каждом произведении и другие сведения о записях С.С.Торбокова.

Директору напишу отдельно. Вас же прошу выполнить нашу просьбу.

С дружеским приветом А.И.Чудояков.

29.10.1974 г.

С.С.Торбоков – собиратель шорского фольклора (по материалам архива профессора А.И.Чудоякова)

Шорский поэт, просветитель, выдающийся знаток устно-поэтического творчества С.С.Торбоков был и собирателем шорского фольклора.

Примерно с 1950-х годов в среде советских фольклористов он стал известен как один из самых оригинальных собирателей фольклора шорского народа. По словам профессора А.И.Чудоякова

с его записями были знакомы такие крупные советские филологи как Жирмунский, Пропп М.А., Ауэзов, М.И.Богданова, П.Г.Богатырев, В.М.Гацак, И.В.Пухов, Е.И.Убрятова, Е.М.Мелетинский и многие другие известные ученые.

В архиве А.И.Чудоякова сохранилась запись беседы ученого-фольклориста И.В.Пухова с С.С.Торбоковым. Беседа состоялась 14-16 июня 1959 года. И.И.Пухов был в то время научным сотрудником института мировой литературы им.А.М.Горького. Из этой записи мы узнаем, что впервые героический эпос С.С.Торбоков услышал в десятилетнем возрасте, когда на похороны дедушки был приглашен известный сказитель Иван Константинович Тельбезеков, который исполнил сказание «Чубай Алтын и Чубай Аары». Это было первое сказание, которое будущий сказитель – Торбоков слушал, оно ему очень понравилось и глубоко запало в душу. Впервые с исполнением сказания С.С.Торбоков выступил в 24 года. Он спел тогда своему отцу и нескольким его гостям поэму «Араан Тайджи», которую в последствии записал. С тех пор он стал петь. Его часто приглашали и в Таштагольский и Мысковский районы. Во время поездок ему не давали покоя, приходилось мало спать, это мешало работе. На больших увеселениях ему не приходилось исполнять героический эпос и так же С.Торбоков не исполнял сказания на похоронах.

Записывать свои поэмы С.Торбоков начал в 1936 году, когда в Горную Шорию приехал некто Биходжин из Новосибирска. Узнав, что С.Торбоков знает много поэм и исполняет их, стал просить их записать для печати. Сказитель записал поэму «Канн Перген» на шорском языке без перевода. Запись отправил в Новосибирское издательство, где ее потеряли. В 1939 году приехал писатель Смердов, которому С.Торбоков записал и сдал сказку «Ах-Хан». Смердов просил продолжать записи. В 1941 году были записаны две поэмы и отвезены в Горно-Алтайск. Но их не приняли, так как они были без перевода на русский язык. Это натолкнуло сказителя на мысль заняться переводом поэм. В 1952 году С.С.Торбоков познакомился с Горно-Алтайским фольклористом С.С.Суразаковым, который посоветовал ему в дальнейшем интенсивно заняться записями фольклорных

произведений с переводом. С 1955 года началась его упорная работа над записями текстов эпоса.

Сказительному искусству С.С.Торбоков специально не учился. И в беседе с И.В.Пуховым он говорил: «Память у меня была хорошая и я быстро запоминал. На хомысе научился, приглядываясь к игре, движению пальцев и тому, как его держал Иван Константинович. Сначала не выходило, а потом стало выходить. В первое время я стыдился, играл тайком и только, когда научился хорошо играть, стал играть на людях». «Около 1925 года, - пишет И.В.Пухов, - когда в Осинники приезжала Н.П.Дыренкова и просила исполнить ей на запись ято-нибудь, он на отрез отказался, так как стыдился исполнять в обществе. Узнав, что он грамотный, она просила его что-нибудь записать, он и от этого отказался, о чем сейчас очень жалеет».

С.Торбоков перенял от И.К.Тельбезекова все мотивы игры на комусе, которые были известны этому сказителю. Он знал свыше 20 разных мотивов игры на комусе. Таким образом, С.С.Торбоков специально не учился своему искусству, а только слушал внимательно, приглядывался, подражал и тренировался многократно.

Бытовые сказки С.Торбоков записывал от разных сказочников, а потом их переводил.

Что касается героического эпоса, то он ни у кого его не записывал. А записывал только то, что было в собственном репертуаре, как исполнителя и было перенято в разное время от И.К.Тельбезекова и некоторых других лиц. Все записывалось на память.

Что касается переводов, то текст переводился «кусками»: более или менее большой кусок текста записывался, а потом переводился на русский язык. При записи, а также при переводе, С.Торбоков не пользовался черновиками, а прямо писал «на бело» - «Куда, там, черновики – ведь, тогда пришлось бы ещё столько же переписывать!» - говорит С.Торбоков И.В.Пухову.

До 1980 года С.С.Торбоков в течение пятидесяти лет занимался исполнительской практикой. Все записанные им произведения шорского героического эпоса – это произведения, которые он исполнял сам. Поэтому, его записи шорских эпических

сказаний уникальны, по истине подлинны и имеют огромную ценность.

Все сохранившиеся сказания записаны С.С.Торбоковым в стихах на шорском языке с подстрочным переводом на русский язык.

В архивах научно-исследовательских институтов Горно-Алтайска и Абакана хранится большая часть записей. В архиве Горно-Алтайского научно-исследовательского института хранится 24 шорских эпических сказаний, записанных С.С.Торбоковым, в ХакНИИЯЛИ – 13, остальные у частных лиц. Их свыше пятидесяти.

Чудояков познакомился с С.С.Торбоковым в 60-е годы прошлого столетия, когда сам стал собирать шорский фольклор в Горной Шории. У них сложились добрые, доверительные отношения. И в последние годы жизни С.С.Торбоков передал А.И.Чудоякову некоторые свои записи.

В архиве А.И.Чудоякова хранятся четыре «торбоковские тетради» с записями шорских героических сказаний. Хотя в архиве ученого найдена запись: «Произведения шорского эпоса, записанные С.С.Торбоковым, переданные мне: «Алтын Тайчи» (1967), «Алтын Тоолай» (1961), «Кубай Салгын» (1965), «Кумуш Канн» (1967), «Кок-Адай» (1958), «Кок-Торчук» (1962). Из этого списка мы обнаружили только четыре сказания, сказания «Кумуш Канн» и «Кок-Торчук» в архиве мы не нашли.

Все четыре, найденные нами в архиве А.И.Чудоякова «Торбоковские тетради» представляют собой прошитые нитками в общую тетрадь двенадцати листовые ученические тетрадки в клетку под одной обложкой.

Первая тетрадь состоит из 11 школьных тетрадей в клетку. На обложке синего цвета фиолетовыми чернилами сделана следующая запись: «Героическое сказание шорского народа «Кок-Адай» (синий пес) сказитель С.Торбоков запись и перевод С.Торбокова начато 3/III 58 года закончен 20/IV 58 года размер 7,2 п.л.». Запись текста начинается с самой первой верхней строки. Страницы заполнены стихом в каждую строчку, имеются поля с двух сторон шириной в 5 клеток. Только на левой стороне развернутого листа, в левом верхнем углу, ведется нумерация

страниц, на этой же стороне записан текст сказания на шорском языке, на правой стороне, - русский перевод. Всего по 132 страницы соответственно. Русский и шорский тексты записаны в стихотворной форме. На каждой странице поместилось по 41 стихотворной строчке. На полях русского текста встречаются сноски, перевод или комментарии к шорским словам, вошедшим в русский текст.

Вторая тетрадь состоит из 9 сшитых 12-ти листовых тетрадок без обложек. На общей обложке запись: «Шорское героическое сказание «Алтын Тоолай» начато 13.10.61 года закончено 8.11.61 года Размер 6,7 п.л. 4737 строк». На первой странице записано: «Сказание записано из своего репертуара, слышанное в молодые годы у сказителя Тельбезекова Ивана Константиновича (Куштай Иванагы). Также как и в первой тетради, запись ведется на двух языках, есть комментарии на полях русского текста. На каждой странице записано по 41-ой стихотворной строчке. Всего 117 страниц шорского текста и столько же страниц русского перевода.

Две другие тетради имеют такую же структуру, одна состоит из 7, а другая из 13, соответственно, сшитых 12-ти листовых школьных тетрадок в клетку. В третьей тетради записано: «Шорское героическое сказание «Кубай-Салгын» начато запись 28.07.65г. закончен 31.08.65 года сказитель С.Торбоков запись и подстрочный перевод С.Торбокова размер 4,9 п.л.». И в четвертой тетради записано «Героическое сказание «Алтын Тайчи». Сказитель Иван Тебельзеков запись и подстрочный перевод Степана Торбокова. Начато 3.04.67 года закончено 17.05.67 года размер 9,2 п.л.». Всего 157 страниц шорского текста и соответственно столько же страниц русского текста.

Все записи выполнены аккуратно, но очень неразборчивым почерком.

А.И.Чудояков прочитал и изучил, имеющиеся у него торбоковские сказания. Он даже начал готовить их к изданию. Так А.И.Чудояков расшифровал шорский и русский тексты сказаний «Кубай-Салгын» до 27 страницы торбоковских записей и подготовил их машинописный текст. А шорский текст сказания «Кок-Адай» он расшифровал только до 13 страницы.

В архиве А.И.Чудоякова имеются так же рукописные записи шорских пословиц, поговорок и загадок, собранных С.С.Торбоковым.

Пословиц и поговорок на шорском языке с параллельным переводом на русский язык насчитывается 50 единиц, пословиц и поговорок только на русском языке 215 единиц. При этом нужно отметить, что пословицы и поговорки на русском языке повторяются с теми, что записаны на двух языках. Загадок, записанных Торбоковым, также на двух языках в архиве Чудоякова насчитывается порядка 86 единиц. Нужно отметить, что записи выполнены торопливым почерком, на разрозненных очень ветхих листах, многие слова плохо видны.

Так же в архиве имеются машинописные тексты шорских народных сказок, в конце текстов имеется подпись С.Торбокова. Их немного. Все сказки записаны только на русском языке. Листочки формата А-4 прошиты нитками в левом верхнем углу. Состояние страниц ветхое, некоторые слова трудно читаемы, название одной сказки не возможно прочесть. Эта сказка состоит из 7 страниц и датирована 17.03.64 года. Вторая сказка «Чок-анчи» - бедный охотник, датирована 1954 годом. Она состоит из 10 страниц. Другая шорская сказка «Агаш аяк» (Деревянная чашка) записана на 10 страницах, у нее отсутствует окончание.

Мы видим, что в архиве А.И.Чудоякова сохранился фольклорный материал, записанный С.С.Торбоковым. Это четыре героических сказания «Кок Адай», «Кубай-Салгын», «Алтын Тайчи» и «Алтын Тоолай», что составляет более 28 печатных листов, сказки, пословицы, поговорки и загадки составляют более 140 единиц.

Степан Семёнович Торбоков, можно сказать, совершил гражданский подвиг. Его деятельность фольклориста поражает количеством и качеством проделанной работы. Только эпических поэм им записано около 50 по 5 и 6 тысяч стихотворных строк каждая. Им записано много сказок, легенд, пословиц, поговорок и загадок. Этот его труд привлекает внимание многих ученых-фольклористов и требует специального исследования.

Литература

1. Чудояков, А.И. Этюды шорского эпоса. – Кемерово: АО Кемеровское книжное издательство, 1995. – С.10.
2. Функ, Д.А. Мифы шаманов и сказителей. – М.: Наука, 2005. – С.227-233.
3. Архив профессора А.И.Чудоякова.

А.А.Сербегешева (Чудоякова)

**Материалы к созданию базы данных эпических текстов
тюрков Южной Сибири.
Неопубликованные записи шорских
эпических сказаний в хакасском
архиве С.С. Торбокова**

История изучения шорского героического эпоса насчитывает уже почти полтора столетия. За это время неоднократно предпринимались попытки создания историографических обзоров, как общих, так и по проблемам или периодам.¹ Тем не менее, каждый год работы с материалом приносит новые находки и открытия. Об одном из них мы хотели бы рассказать в данной статье.

Может показаться удивительным, но уникальное собрание самозаписей шорских эпических сказаний Степана Семёновича Торбокова (1900-1980), шорского поэта и сказителя, хранившееся с конца 1950-х гг. в архиве Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (далее – ХакНИИЯЛИ. – Д.Ф.,В.Т.) в г. Абакане, еще никогда не было предметом специального исследования, как впрочем никогда не публиковалась даже обычная опись фонда Торбокова.

При этом нельзя сказать, чтобы никто из ученых или поэтов не обращался раньше к рукописному наследию Торбокова.

Об одной из «торбоковских тетрадок», хранящихся дома, известно со слов ныне покойного шорского лингвиста Э.Ф.Чиспиякова.²

Упоминание о сказании С.С. Торбокова «Кок-Адай» имеется в малоизвестной даже специалистам статье О.И. Благовещенской об устном творчестве шорцев, вышедшей в 1952 г. в Киеве.³

Позже ссылки на записанное Торбоковым сказание «Кок-Адай» (возможно, речь идет о том же сказании «Кок-Адай», что и у Благовещенской) «объемом 7 а.л.» встречаются по крайней мере в двух работах шорского эпосоведа А.И. Чудоякова, в 1970 и 1995 гг.⁴, хотя, надо заметить, что в опубликованной описи личного архива ученого этот текст не упоминается.⁵ А.И. Чудояков знал о существовании хакасского хранилища торбоковских записей. В листке использования дела № 664 из рукописного фонда ХакНИИЯЛИ сохранился автограф исследователя: с 8 по 11 февраля 1977 г., шесть лет спустя после защиты своей кандидатской диссертации, он знакомился с текстом сказания «Алтын-Куш» в связи с разработкой темы «Шорско-хакасские параллели в древних эпических поэмах шорского и хакасского народов».⁶

Здесь же попутно отметим, что одним из первых с творчеством Торбокова как сказителя познакомился фольклорист И.В. Пухов. 1959-м годом датируется его рукопись «Беседа со сказителем Степаном Семёновичем Торбоковым». Нам не известно место хранения данного текста. Можно сослаться лишь на выписку из этой рукописи, воспроизведенную при характеристике творчества сказителя А.И. Чудояковым в его статье «Заметки о собирателях шорского эпоса» (1970): сказитель «в нескольких поэмах некоторые эпизоды богатырской биографии героя записал не так, как ему рассказывали, не так, как вообще должен поступать богатырь, а иначе, по-своему, исходя из новых, более гуманных представлений».⁷ Любопытно, однако, что в одном из частных писем 1972 г. к А.И. Чудоякову Пухов писал так: «Торбоковские материалы так и лежат, нет специалистов, надеемся только на тебя».⁸

В 1970-х гг. к оценке размеров творческого наследия в то время еще здравствовавшего поэта обращались неоднократно. В автореферате своей кандидатской диссертации в 1971 г. уже упоминавшийся А.И. Чудояков писал, что каждая из (скольки?- Д.Ф., В.Т.) поэм составляет от 5 до 10 печатных листов.⁹ Четыре года спустя в одной из местных газет в статье по случаю 75-летнего юбилея С.С. Торбокова А.И. Чудояков упомянул о том, что каждая из поэм состоит из пяти-шести тысяч стихотворных строк,

а всего этих строк в 12 его тетрадах – 127221.¹⁰ Еще через год журналист Л. Круглов после встречи с Торбоковым сообщил читателям, что Степан Семёнович записал 420 тысяч строк народного эпоса и что, например, лишь одна поэма «Кузенья-кан» занимала несколько десятков тетрадей.¹¹ Наконец, из работы А.И. Чудоякова, опубликованной в 1998 г., мы узнаем, что С.С. Торбоков «записал в стихах на шорском языке и снабдил русским подстрочным переводом более 50 сказаний».¹²

Недавно нам встретилось еще одно упоминание, содержащее, в принципе, высокую оценку сделанного С.С. Торбоковым. Специалист по шорскому языку И.В. Шенцова в статье о задачах лингвистов в области шорского языкознания писала: «Очень интересный материал – памятник одного из говоров кондомского диалекта шорского языка – содержится в работах С. Торбокова. Им написано несколько десятков героических сказаний по народным мотивам.¹³ Его записки представляют собой билингвы (страница шорского текста – страница перевода на русский язык). Часть их содержится в Хакасском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы (г. Абакан), а часть – в архивах А.И. Чудоякова. К сожалению, работы написаны очень неразборчивым почерком и нуждаются в расшифровке. Автором данной статьи была расшифрована и перепечатана одна из рукописей».¹⁴

Известно упоминание еще об одном частном хранилище записей Торбокова. По утверждению поэта Геннадия Филимоновича Сысолятина, С.С. Торбоков передал ему много своих записей в подстрочниках.¹⁵ Кстати, Г.Ф. Сысолятин был единственным из счастливых обладателей «Торбоковских тетрадок», кто попытался хотя бы частично опубликовать доставшееся ему богатство. Результатом большой переводческой работы и поэтической обработки текстов стала книга «Волосяная струна. Произведения устной поэзии горных шорцев», вышедшая в Москве, в издательстве «Современник» в 1975 г.¹⁶ Основной объем книги составил поэтический перевод эпического сказания «Алтын Аар» (Золотая Пчела). К сожалению, не имея возможности ознакомиться с оригиналом текста, с которым работал Сысолятин, трудно сказать, насколько сильно оказалось изменено его

содержание. Как минимум, зачин сказания, превращенный в оду «шор-кижи», т.е. шорцам, чего, судя по всем текстам из архива ХакНИИЯЛИ, в торбоковских записях нет, был, видимо, введен в текст уже самим Г. Сысолятиным. Недавно поэт скончался. По сообщению его вдовы, Татьяны Степановны, супруг еще при жизни многое передал в архив музея г. Минусинска. Возможно, что Торбоковские записи обнаружатся и там.

Так всё же, насколько велико архивное наследие великого шорского поэта и сказителя С.С. Торбокова? Попробуем обратиться к «количественной оценке» эпических сказаний, хранящихся в архиве Хакасского НИИЯЛИ.

Приобретенные дирекцией ХакНИИЯЛИ в разные годы у Торбокова, записанные им самим эпические тексты хранятся в рукописном фонде архива института и имеют шифр 159, различаясь лишь по номеру дела (в оригинале – по «фонду»). Всего в архиве хранится 8 эпических текстов. Все оригиналы представляют собой записи в школьных или общих тетрадах в клетку. Тексты даются с четкой стиховой разбивкой – на левой страничке идет текст на шорском языке, на правой – смысловой перевод на русский язык. На каждой полной странице у сказителя умещалось, как правило, 40 строк.

Лишь один текст в архиве С.С. Торбокова представляет (пока трудно судить, насколько адекватно) эпическую традицию шорцев низовьев р. Мрас.

В деле № 57 (Лл.1об.-79; т.е. 78 страниц шорского и 78 русского текста) хранится запись сказания «Чаш Салгын». Это сказание Торбоков слышал однажды, в 1950 г., в Мысках от сказителя Павла Ивановича Кыдыякова, как уточнено во введении к тексту, составленном со слов Торбокова 31 мая 1957 г. сотрудницей сектора литературы названного института Т.Г. Тачеевой¹⁷, «от молодого мраского сказителя». Сказитель начал работать над текстом 25 декабря 1950 г., а закончил – шорский текст 29 дек. 1950 г., перевод 2 янв. 1951 г. в 3 часа ночи.

На обороте л. 79 имеется заключение, подписанное сотрудником ХакНИИЯЛИ, фольклористом П. Трояковым 5 апреля 1957 г. «Можно приобрести в фонд Института». На том же листе чуть выше рукой Торбокова написаны несколько строк по-шорски

о том, какая высокая это гора – Мус-таг и о том, что по высоте с ней никакая гора не сравнится, а затем приписано «объем = 1,5 авт. Л.». Последнее, очевидно, имело отношение к объему текста сказания, но, столь же очевидно, было явной неточностью: его объем около 4 а.л. (более 3 тысяч стихотворных строк).

Следующий тетрадный лист в деле не пронумерован. На нём почерком П. Троякова очень кратко изложен сюжет сказания «Чаш-Салгын» и при этом отмечено, что «сказание написано красочным языком».

Что касается «молодого мрасского сказителя» Кыдыякова (1908-1970), от которого, как писала Тачеева, С.С. Торбоков перенял это сказание, то следует заметить, что ему было в 1950 г. уже 42 года. Значительно позже, фактически незадолго до его смерти, от него были записаны два эпических сказания – «Алтын Сырык» в 1967 г. и «Кан Перген» в 1969 г. фольклористом А.И. Чудояковым. Оба текста были включены в недавно вышедший том шорского эпоса в шестидесятитомной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (1998 г.).¹⁸ В томе, к сожалению, не нашлось места для полной характеристики эпического репертуара знаменитого сказителя-кайчы. Во время полевых работ в Горной Шории, уже в 1980-х гг., Д.А. Функу посчастливилось найти сказительницу М.Е. Токмагашеву, хотя и не считавшую себя ученицей Павла Ивановича Кыдыякова, но тем не менее все же перенявшую от него малую толику его эпических произведений. По меньшей мере, четыре текста в её обширном репертуаре были восприняты от этого кайчы: «Алтын-Кан», «Алып-Кырдаc» (исследователем было записано лишь это сказание). «Кан-Перген» и «Талай-Пуркан».¹⁹ В репертуаре современного шорского кайчы В.Е. Таннагашева также есть сказания, перенятые от Кыдыякова («Алтын-Коста», например).

Таким образом, сохранившаяся самозапись С.С. Торбокова приобретает особую ценность. Она может позволить восполнить, с одной стороны, данные об эпическом мастерстве П.И. Кыдыякова, а с другой, наши представления о специфике творческого преломления оригинальных мрасских эпических текстов в эпическом творчестве Торбокова, дав тем самым новый материал к

давно обсуждаемой в мировом эпосоведении проблеме «учитель – ученик».

Попутно можно отметить, что к архивному тексту самозаписи Торбокова сказания «Чаш-Салгын» не так давно обращался в своем творчестве поэт А.В. Преловский. В его поэтическом переводе в 1995 г. был опубликован отрывок из этого сказания.²⁰ Оригинал текста был предоставлен поэту известным фольклористом В.Е. Майногашевой, и она же выступила в роли консультанта художественного перевода и автора примечаний к этому тексту. В комментариях к тексту, составленных самим переводчиком, указано, что текст этого сказания был «записан шорским писателем и фольклористом С.С. Торбоковым от сказителя П.И. Кыдыякова в г. Мыски в 1950 году. Сюжет сказания широко распространен среди коренного населения Горной Шории. Есть свидетельства, что это сказание исполнял и сам Степан Торбоков» (С. 437). Как видно из приведенного выше описания архивного текста. Торбоков не записывал это сказание от Кыдыякова, а слышал его в исполнении Кыдыякова (что отнюдь не одно и то же) и затем сам записал то, что запомнил. Свидетельств «широкого распространения» «сюжета сказания» у шорцев также не существует: в 1960-е годы его исполнял П.Н. Амзоров, а сейчас его помнит перенявший это сказание от Амзорова, В.Е. Таннагашев. В репертуаре других шорских сказителей это сказание не отмечено.²¹ Свидетельствами того, что «это сказание исполнял и сам Степан Торбоков», мы также не располагаем.

Далее в деле № 571 идет обширный текст сказания «Ай-Кан» (123 л.). Шорский текст самозаписи закончен 20 октября 1957 г., но от кого и когда перенял Торбоков это сказание – не указано. Почему оно идет в паре с текстом «Чаш-Салгын» (оба текста объединены архивариусом под одной обложкой) – также остается под вопросом. Известно лишь, что С.С. Торбоков, действительно, исполнял это сказание односельчанам. Сказительница Пелагея Васильевна Торбокова (1911-1984, п. Тайлеп), рассказывая Д.А. Функу о своем репертуаре, указала на сказание «Ай-Кан» как на перенятое от кайчы С.С. Торбокова.

По меньшей мере, половина текстов, хранящихся в хакасском архиве, представляет эпическую традицию шорцев

низовьев р. Кондома. Четыре сказания были переняты С.С. Торбоковым от известного в прошлом в низовьях р. Кондомы сказителя-кайчы Ивана Константиновича Тельбезекова (1864(?)-1944).²²

Под № 587 зарегистрирована «Героическая поэма шорского народа «Канань чабыс Кан Перген» (Лл.1-294; фактически 147 листов, т.е. по 147 с. шорского и русского текста). Сказитель начал запись 18 янв. 1958 г., закончил шорский текст 1 фев. 1958 г., а перевод на русский язык 14 фев. 1958 г. На обложке (точнее, на первом листе обложки – всего их два) первой из сшитых воедино нескольких школьных тетрадей имеются такие пометки: «сдал 13 октября 1960 г. 7-е сказание», а также «принято, 6 авт. Л., рассчитано 19 янв. 1961».

На с. 295 приводится любопытный комментарий Тачеевой, датированный 9 февраля 1963 г. и составленный ею со слов Торбокова во время подготовки ею этого сказания к изданию.

«Слушал это сказание от популярного шорского сказителя Тельбезекова Ивана Константиновича (Куштай Иваначы), который умер в 80-летнем возрасте в 1944 г. Жил он в Осинниках. Он великолепно исполнял на кобузе.²³ Его сказание «Кан Кес» опубликовано Дыренковой (не полностью).²⁴ Слышал это сказание в детстве, юности. Тельбезеков слушая своего ученика, остался им доволен.

Это одно из популярных сказаний шорцев. Это первое сказание, которое С.С. Торбоков записал. Пробовал записать это сказание еще в 1935 г., но эта запись была потеряна. 2-й раз записал в 1941 г., позже сделал новую запись в 58 г.».

Указание Т.Г. Тачеевой на подготовку сказания к печати, видимо, имело под собой веские основания: в рукописном фонде архива института в деле № 536 хранится машинописная копия шорского текста сказания «Каннан чабыс Кан Перген», объемом 224 листа формата А4. В первоначальной разметке объем текста составляет 6220 стихов (реально их немного больше). Дата, указанная на последнем листе машинописного текста (Л. 224), зачеркнута чернильной ручкой, однако на оригинале она вполне различима: «11/III-1963 чыл) (11 марта 1963 года). При перепечатке текст существенным образом приблизился к нормам

хакасского языка (по крайней мере, в орфографии). При сравнении с текстом оригинала выявляются многочисленные неточности, связанные либо с обычными опечатками, либо с неверным прочтением почерка Торбокова, либо с переосмыслением непонятого, исходя из норм и лексики хакасского языка. Тем не менее, следует высоко оценить проделанную Т.Г. Тачеевой предварительную работу с действительно трудно читаемым текстом оригинала.

Далее в рукописном фонде архива под № 644 зарегистрированы сразу три эпических текста, общим объемом 327 листов (конволют).

На Лл.1об.-9б содержится запись сказания «Алтын-Эргек». Шорский текст был завершён сказителем 1 фев., а русский перевод 10 фев. 1956 г. По словам С.С. Торбокова, записанным 31 мая 1957 г. Т.Г. Тачеевой, он слышал это сказание от И.К. Тельбезекова «несколько раз еще в молодости. Последний раз слышал в 26 г. в Осинниках». (Л.1).

Сказание «Алтын-Эргек» (палазын чыгчань)» идет вслед за последним текстом, на Лл.97, 98об.-218. Работа над текстом была начата 5 сентября или 5 ноября²⁵ 1957 г., закончена – 19 дек. 1957 г. в «8 ч<асов> вечера», шорский текст, судя по пометке на Л. 217об., был завершён чуть раньше, 9 декабря того же года.

С русским подстрочником этого сказания кем-то из фольклористов или переводчиков уже велась работа: на листах 100-110 хорошо видны подчеркивания и комментарии, часть – красным карандашом, а часть – чернильной ручкой. Некоторые из них весьма любопытны.

Например, на лл.104-105 отчеркнуты в общей сложности 20 строк с пометкой «не надо», а на лл. 108-110 весь красочный эпизод имянаречения Алтын-Эргека от слов «дно вселенной оборвя – крикни ...» до «Таким ханом создавшись расти» отчеркнут с лаконичной припиской на полях – «лишнее».

Завершает подборку в деле № 644 самозапись сказания «Алтын Эгег» на Лл. 219-327. В рукописи сохранилась первоначальная пагинация самого Торбокова, им были пронумерованы с 1-й по 108-ю все страницы с русским текстом. Текст предваряет вводная справка, составленная со слов сказителя

Т.Г. Тачеевой 31 мая 1957 г. «Слышал он это сказание от сказителя Тельбежекова Ивана Константиновича в осинниках Кемеровской области в 20-х гг. Слышал несколько раз. Исполняет под аккомпанемент хомыса. Сказание популярно в Северной Шории, по долине реки Кондома. Известно это сказание, как утверждают старики, давно. Тельбежеков слышал это сказание от кондомского сказителя Назрека (Назара)» (Л.219).

В деле 664 хранится «Героическая поэма шорского народа «Алтын-Куш» (2 листа обложки без №, Л. 1 – вводный комментарий Т.Г. Тачеевой, собственно текст – на Лл. 1 об-108). Шорский текст был закончен 7 янв., а русский 24 янв. 1956 г. О примерной дате начала записи позволяет судить пометка самого С.С. Торбокова, оставшаяся на полях листа 2об.-29 дек. 1955 г. Комментарий к тексту, записанный Т.Г. Тачеевой 31 мая 1957 г., почти аналогичен предыдущему: Торбоков слышал сказание от И.К. Тельбежекова в 1920-х гг., а тот перенял его от Назрека. Дополнительно указывается лишь, что «сказитель Торбоков исполняет это сказание давно» (Л. 1).

И, наконец, последний текст зарегистрирован в архиве под № 740. Это – «Героическое сказание шорского народа «Кадыг Кылыш» на 310 страницах (155 листов; около 6200 ст. стр.). Авторская запись была произведена в 1961 г.: шорский текст закончен 8 марта, а русский – 22 апреля 1961 г. Впрочем, на обложке указаны отличные данные: «начато 27/І/61 года, зак. 30/V/61 г.». Данный текст – третий из хранящихся в архиве, в отношении которого не было указано, от кого и когда перенял его С.С. Торбоков.

Общий объем восьми эпических сказаний, хранящихся в архиве Хакасского НИИЯЛИ составляет около 37500 стихотворных строк.

Примечания

С 1999 по 2001 год исследование шорского эпоса велось Д.А. Функом, одним из авторов данного текста, при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант 99-06-80110) и DFG (Немецкого исследовательского общества). Работа над данной статьей была начата в 1999 г. В июне 2000 г. первый её вариант в виде доклада был предложен для

публикации в материалах конференции, посвященной якутскому олонхо и проходившей в г. Якутске, однако, хотя и был принят к изданию, опубликован не был. Статья была существенно доработана и завершена в соавторстве с В.Н. Тугужековой в январе 2004 г.

¹ См., напр.: *Чудояков А.И.* Заметки о собирателях шорского эпоса // Краевед Кузбасса, вып. 3. Кемерово. 1970. С.158-169; *Функ Д.А.* Из истории изучения шорского эпоса (1861-1915гг.) // Социально-экономическое и культурное развитие народов Севера и Сибири: традиции и современность. М., 1995. С.137-146; *его же.* Из истории изучения шорского эпоса (записи и публикации Н.П. Дыренковой 1925-1940 г.) // Народы Российского Соевера и Сибири. Сибирский этнографический сборник. 9. М., 1999. С.120-128.

² Устное сообщение Электрона Федоровича Чиспиякова Д.А. Функу, г. Новокузнецк, 1987 г.

³ *Благовещенская О.И.* Устное творчество шорского народа // Запоризьский Державний педагогичній І учительський інститут. Наукові записки, т. 3. Київ, 1952. С. 31-49.

⁴ *Чудояков А.И.* К изучению быта в шорском эпосе // Ученые записки Кемеровского государственного педагогического института, вып. 24. Кемерово, 1970. С. 82; *его же.* Этюды шорского эпоса. Кемерово, 1995.

⁵ Труды А.И. Чудоякова // Деятельность Андрея Ильича Чудоякова и духовное возрождение шорского народа. Новокузнецк, 1998. С. 146.

⁶ *Торбоков С.С.* Алтын-Хус (героическое сказание) // Архив ХакНИИЯЛИ. Рукописный фонд. № 664. Листок использования (б/№).

⁷ *Чудояков А.И.* Заметки о собирателях шорского эпоса // Краевед Кузбасса. Вып. 3. Кемерово, 1970. С. 164-165.

⁸ Цит. По: *Афузова Т.Б.* Собирательская и исследовательская деятельность А.И. Чудоякова // Деятельность Андрея Ильича Чудоякова и духовное возрождение шорского народа. Новокузнецк, 1998. С.8.

⁹ *Чудояков А.И.* Шорские героические поэмы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1971. С. 4.

¹⁰ *Чудояков А.И.* Судьба поэта (75 лет С.С. Торбокову) // Кузнецкий рабочий (г. Новокузнецк), 26 дек. 1975 г. ¹¹ *Круглов Л.* Певец тайги // Сельская жизнь (Москва), 3 апр. 1976 г.

¹² *Чудояков А.И.* Традиции шорского эпоса и сказания Павла Кыдыякова // Шорские героические сказания. М.; Новосибирск, 1998. С. 13.

¹³ Лишь с этим утверждением в цитируемом отрывке можно поспорить. До того, как будет проведен анализ всех, записанных Торбоковым эпических текстов, *нет достаточных оснований* говорить о том, что он что-то «написал по мотивам шорского эпоса».

¹⁴ *Шенцова И.В.* Задачи лингвистов в области шорского языкознания // Деятельность Андрея Ильича Чудоякова и духовное возрождение шорского народа. Новокузнецк, 1998. С. 118-121.

¹⁵ *Сысолятин Г.* От переводчика // Волосяная струна: Произведения устной поэзии горных шорцев. М., 1975. С. 11.

¹⁶ Волосяная струна: Произведения устной поэзии горных шорцев / Пер. с шорского Г. Сысолятина. М.: Современник, 1975. 240 с.: ил.

¹⁷ В 1960-х гг. сотрудница ХаКНИИЯЛИ Т.Г. Тачеева занималась также изучением эпического мастерства хакасских хайджи. Известна её очень содержательная статья о сказителе Кадышева: *Тачеева Т.Г.* Хакасский хайджи С.П. Кадышев (к 80-летию со дня рождения) // Ученые записки ХаКНИИЯЛИ, вып. XI. Абакан, 1965. С. 186-217.

¹⁸ Шорские героические сказания / Вступительная статья, подготовка поэтического текста, перевод, комментарии А.И. Чудоякова; музыковедческая статья и подготовка нотного текста Р.Б. Назаренко. М.; Новосибирск: Наука, 1998. 463 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 17).

¹⁹ *Функ Д.А.* Современное состояние эпической традиции в Горной Шории // Социально-культурные процессы в Советской Сибири: Тезисы докладов областной научной конференции по проблемам современного искусства и народного творчества. Омск, 1985. С. 55-57.

²⁰ Колчан сердечных стрел / Переводы и переложения Анатолия Преловского. Красноярск: издательство Красноярского отделения ассоциации «Русская энциклопедия», 1995. С. 250-260, коммент. На с. 437.

Из рецензий, в которых в целом на фоне проблемы перевода героического эпоса обращается особое внимание на специфический язык переводов А. Преловского, см., например: Ахпашева Н. Переводчик, держи эпическую дистанцию! // Литературная Россия on-line, №21, 23 мая 2003 г. http://litrossia-shop.strade.ru/litross/viewitem?item_id=18589.

²¹ Подробно см.: *Функ Д.А.* Шаманская и эпическая традиция тюрков юга Западной Сибири (историко-этнографическое исследование телеутских и шорских материалов второй половины XIX – начала XXI вв.). Дисс. на соиск. уч. степени докт. ист. Наук. М., 2003. Том 2, приложение 16, с. 346-356.

²² Тельбезековы – одна из пяти или шести фамилий, составлявших нижнекондомскую ветвь сеока-рода Таяш; скорее всего – переселенцы с р. Пызас (левый приток в верховьях р. Мрас), где сеок Таяш/Таешь представлен наиболее полно.

²³ *Кобуз* – комус/кобыс, двуструнный музыкальный инструмент, игрой на котором сказитель-кайчы сопровождал исполнение сказаний.

²⁴ Очень важное свидетельство. Как правило, при характеристике фундаментальной работы Н.П. Дыренковой «Шорский фольклор» в качестве одного из недостатков обращается внимание на отсутствие указаний на сказителей, от которых были записаны опубликованные ею эпические тексты. А.И. Чудояков, например, писал: «К сожалению, конкретные имена в книге не называются, но в рукописях они сохранились» (*Чудояков А.И.* Традиции шорского эпоса и сказания Павла Кыдыякова, с. 15). Трудно сказать, какие именно «рукописи» имелись в виду. Тщательное изучение архивного наследия Дыренковой в архиве НИИ МАЭ в Санкт-Петербурге позволяло до сих пор уверенно называть исполнителя лишь одного из опубликованных ею сказаний (см. подробно: *Функ Д.А.* Из истории изучения шорского эпоса (записи и публикации Н.П. Дыренковой 1925-1940 гг.), с. 124-125).

Надо сказать, что в архиве исследовательницы в Кунсткамере оригинал, т.е. полевую запись, сказания «Кан Кес», опубликованного в сборнике «Шорский фольклор» (М.; Л., 1940. С. 24-71, примеч. С. 378-382), обнаружить не удалось. Есть лишь один текст, «Алтын Тайчы», на котором сделана пометка о записи его от И.К. Тельбежекова (Архив НИИ МАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 106). Убористый почерк и использование для записи шорского текста кириллицы разительно отличаются от остальных сказаний, записанных лично Дыренковой, позволяя предполагать в данном случае чей-то иной автограф. По указанным признакам текст сказания «Алтын Тайчы» объединяется в одну группу с еще двумя – «Эр чабысы Кан Перген» (там же, № 107) и «Сары карактыг Сары Чайзанг» (там же, № 108), чье авторство указано не было. Вполне возможно, что и два последних текста были записаны от того же Тельбежекова, но кем?.. Скорее всего, С.С. Торбоковым.

²⁵ На обложке (Л. 97) указано, что запись начата 5/IX 57, а на первом листе текста (Л.98об.)-5/XI 1957 г. На дополнительном листе обложки без номера значится также, что заявление на оплату подано в июне 1969 г., а ниже констатировано – «не оплачено».

Функ Д.А.
Тугужекова В.Н.

Самозаписи С.С.Торбокова 1941-1961 гг.³

Может показаться удивительным, но уникальные собрания самозаписей шорских эпических сказаний Степана Семёновича Торбокова (1900-1980), хранящиеся с конца 1950-х гг. в архивах

³ Функ, Д.А. Мифы шаманов и сказителей: Комплексное исследование телеутских и шорских материалов. Часть 2. Мир шорских сказителей.

Хакасского и Горно-Алтайского научно-исследовательских институтов языка, литературы и истории (далее – ХакНИИЯЛИ и ГАНИИИЯЛ, соответственно. – Д.Ф.) в гг.Абакане и Горно-Алтайске, ещё никогда не были предметом специального исследования, как впрочем никогда не публиковалась даже обычная опись фондов Торбокова.

При этом нельзя сказать, чтобы никто из учёных или поэтов не обращался раньше к рукописному наследию Торбокова.

Об одной из «торбоковских тетрадок», хранящихся дома, мне рассказывал когда-то ныне покойный шорский лингвист Э.Ф.Чиспияков⁷⁷. Один эпический текст в самозаписи С.С.Торбокова хранится в личном архиве В.Я.Бутанаева⁷⁸.

Упоминание о сказании С.С.Торбокова «Кök-Адай» имеется в названной ранее статье О.И.Благовещенской 1952 г.⁷⁹

Позже ссылки на записанное Торбоковым сказание «Кок-Адай» (возможно, речь идёт о том же сказании «Кök-Адай», что и у Благовещенской) «объёмом 7 а.л.» встречаются по крайней мере в двух работах шорского эпосоведа А.И.Чудоякова, в 1970 и 1995 гг.⁸⁰, хотя, надо заметить, что в опубликованной описи личного архива учёного этот текст не упоминается⁸¹. А.И.Чудояков знал о существовании хакасского хранилища торбоковских записей. В листке использования дела № 664 из рукописного фонда ХакНИИЯЛИ сохранился автограф исследователя: с 8 по 11 февраля 1977 г., шесть лет спустя после защиты своей кандидатской диссертации, он знакомился с текстом сказания «Алтын-Куш» в связи с разработкой темы «Шорско-хакасские параллели в древних эпических поэмах шорского и хакасского народов»⁸².

Здесь же попутно отметим, что одним из первых с творчеством Торбокова как сказителя познакомился фольклорист И.В.Пухов. 1959-м годом датируется его рукопись «Беседа со сказителем Степаном Семёновичем Торбоковым» Мне не известно место хранения данного текста. Можно сослаться лишь на выписку из этой рукописи, воспроизведённую при характеристике творчества сказителя А.И.Чудояковым в его статье «Заметки о собирателях шорского эпоса» (1970): сказитель «в нескольких поэмах некоторые эпизоды богатырской биографии героя записал

не так, как ему рассказывали, не так, как вообще должен поступать богатырь, а иначе, по-своему, исходя из новых, более гуманных представлений»⁸³. Любопытно, однако, что в одном из частных писем 1972 г. к А.И.Чудоякову Пухов писал так: «Торбоковские материалы так и лежат, нет специалистов, надеемся только на тебя»⁸⁴.

В 1970-х годах к оценке размеров творческого наследия в то время ещё здравствовавшего поэта обращались неоднократно. В автореферате своей кандидатской диссертации в 1971 году уже упоминавшийся А.И.Чудояков писал, что каждая из (количество не указано.-Д.Ф.) поэм составляет от 5 до 10 печатных листов⁸⁵. Четыре года спустя в одной из местных газет в статье по случаю 75-летнего юбилея Торбокова А.И.Чудояков упомянул о том, что каждая из поэм состоит из пяти-шести тысяч стихотворных строк, а всего этих строк в 12 его тетрадах – 127 221⁸⁶. Ещё через год журналист Л.Круглов после встречи с Торбоковым сообщил читателям, что Степан Семёнович записал 420 тысяч строк народного эпоса и что, например. Лишь одна поэма «Кузенья-кан» занимала несколько десятков тетрадей⁸⁷. По сообщению Л.Никоновой (1988), Торбоков записал 47 «героических поэм»⁸⁸. Из работы А.И.Чудоякова, опубликованной в 1998 г., мы узнаём, что С.С.Торбоков «записал в стихах на шорском языке и снабдил русским подстрочным переводом более 50 сказаний»⁸⁹.

Недавно мне встретилось ещё одно упоминание, содержащее, в принципе, высокую оценку сделанного С.С.Торбоковым. Специалист по шорскому языку И.В.Шенцова в статье о задачах лингвистов в области шорского языкознания писала: «Очень интересный материал – памятник одного из говоров кондомского диалекта шорского языка – содержится в работах С.Торбокова. Им написано несколько десятков героических сказаний по народным мотивам⁹⁰. Его записи представляют собой билингвы (страница шорского текста – страница перевода на русский язык). Часть их содержится в Хакасском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы (г.Абакан), а часть – в архивах А.И.Чудоякова. К сожалению, работы написаны очень неразборчивым почерком и

нуждаются в расшифровке. Автором данной статьи была расшифрована и перепечатана одна из рукописей»⁹¹.

Известно упоминание ещё об одном частном хранилище записей Торбокова. По утверждению поэта Геннадия Сысолятина, С.С.Торбоков передал ему много своих записей в подстрочниках⁹². Кстати, Г.Ф.Сысолятин был единственным из счастливых обладателей «Торбоковских тетрадок», кто попытался хотя бы частично опубликовать доставшееся ему богатство. Результатом большой переводческой работы и поэтической обработки текстов стала книга «Волосая струна. Произведения устной поэзии горных шорцев», вышедшая в Москве, в издательстве «Современник» в 1975 г.⁹³. Основной объём книги составил поэтический перевод эпического сказания «Алтын Аар» (Золотая Пчела). К сожалению, не имея возможности ознакомиться с оригиналом текста, с которым работал Г.Ф.Сысолятин, трудно сказать, насколько сильно оказалось изменено его содержание. Как минимум, зачин сказания, превращённый в оду «шор-кижи», т.е. шорцам, чего, судя по всем текстам, например, из архива ХакНИИЯЛИ, в торбоковских записях нет, был, вероятно, введён в текст уже самим Г.Ф.Сысолятиным.

Так всё же, насколько велико архивное наследие шорского поэта и сказителя С.С.Торбокова? Обращение к рукописному архиву Хакасского НИИЯЛИ⁹⁴ позволило выявить восемь⁹⁵ записанных им самим в 1950-1961 гг. эпических текстов, зарегистрированных в архиве института под шифром Т59 и различающихся лишь по номеру дела (в оригинале – по «фонду»). Все оригиналы представляют собой записи в школьных тетрадях в клетку. Тексты даются с четкой стиховой разбивкой – на левой страничке идёт текст на шорском языке, на правой – смысловой перевод на русский язык. На каждой странице у сказителя умещалось как правило 40 строк.

Лишь один текст в архиве С.С.Торбокова представляет (пока трудно судить, насколько адекватно) эпическую традицию шорцев низовьев р.Мрас. В деле № 571 (Л. 1 об.-79; т.е. 79 страниц шорского и 79 страниц русского текста) хранится запись сказания «Чаш Салгын». Это сказание Торбоков слышал однажды, в 1950 г., в Мысках от сказителя Павла Ивановича Кыдыякова, как уточнено

во введении к тексту, составленном со слов Торбокова 31 мая 1957 г. сотрудницей института Т.Г.Тачеевой⁹⁶, «от молодого мрасского сказителя». Кстати, «молодому мрасскому сказителю» Кыдыякову (1908-1970) было в 1950 г. 42 года.

Эта самозапись С.С.Торбокова имеет особую ценность. Она может позволить восполнить, с одной стороны, данные об эпическом мастерстве П.И.Кыдыякова, а с другой, наши представления о специфике творческого преломления оригинальных мрасских эпических текстов в эпическом творчестве Торбокова, дав тем самым новый материал к давно обсуждаемой в мировом эпосоведении проблем «учитель-ученик».

Далее в деле № 571 идёт обширный текст сказания «Ай Кан» (123 л.). От кого и когда перенял Торбоков это сказание? Когда записал его? Почему оно идёт в паре с текстом «Чаш Салгын»? Эти и иные возможные вопросы остаются пока без ответа. Известно лишь, что С.С.Торбоков, действительно, исполнял это сказание односельчанам. Сказительница Пелагея Васильевна Торбокова (1911-1984, п.Тайлеп), рассказывая мне незадолго до смерти о своём репертуаре, указывала на сказание «Ай Канн» как на принятое от кайчы С.С.Торбокова.

По меньшей мере половина текстов, хранящихся в хакасском архиве сказителя, представляет эпическую традицию шорцев низовьев Кондомы. Четыре сказания были переняты С.С.Торбоковым от известного в прошлом в низовьях р.Кондомы сказителя-кайчы Ивана Константиновича Тельбезекова (1864(?)-1944)⁹⁷.

Под № 587 зарегистрирована «Героическая поэма шорского народа «Канань чабыс Канн перген»» (Л. 1-294; фактически 147 листов, т.е. по 147 страниц шорского и русского текста; всего в деле 150 листов – два листа обложки и один лист с комментариями). На с.295 приводится любопытный комментарий Тачеевой, датированный 9 февраля 1963 г. и составленный ею со слов Торбокова во время подготовки ею этого сказания к изданию.

«Слушал это сказание от популярного шорского сказителя Тильбизекова Ивана Константиновича (Күштай Иваначы), который умер в 80-летнем возрасте в 1944 г. Жил он в Осинниках. Он великолепно исполнял на көбүзе. Его сказание «Канн Кес»

опубликовано Дыренковой (не полностью)⁹⁸. Слышал это сказание в детстве, юности. Тильбезеков слушая своего ученика, остался им доволен.

Это одно из популярных сказаний шорцев. Это первое сказание, которое С.С.Торбоков записал. Пробовал записать это сказание ещё в 1935 г., но эта запись была потеряна. 2-й раз записал в 1941 г., позже сделал новую запись в 58 г.).

Указание Т.Г.Тачеевой на подготовку сказания к изданию, видимо, имело под собой веские основания: в архиве института в деле № 536 хранится машинописная копия шорского текста сказания «Каннан чабыс Канн Перген», объёмом 224 листа формата А4. В первоначальной разметке объём текста составляет 6220 стихов (реально их немного больше).

Далее в архиве № 64 зарегистрированы сразу три эпических текста. На л. 1 об.-96 содержится запись сказания «Алтын Эргек». Сказание «Алтын Эргек (палазын чыгчань)» идёт вслед за последним текстом, на л.97, 98 об.-218. Завершает подборку в деле 644 сказание «Алтын Эгег» на л.219-237. В рукописи сохранилась первоначальная пагинация самого Торбокова, им были пронумерованы с 1-й по 108-ю все страницы с русским текстом. Текст предваряет вводная справка, составленная со слов сказителя Т.Г.Тачеевой 31 мая 1957 г.

«Слышал он это сказание от сказителя Тебельзекова Ивана Константиновича в Осинниках Кемеровской области в 20-х гг. Слышал несколько раз. Исполняет под аккомпанемент хомыса. Сказание популярно в Северной Шории, по долине реки Кондома. Известно это сказание, как утверждают старики, давно. Тельбезеков слышал это сказание от кондомского сказителя Назрека (Назара)» (Л.219).

В деле 664 хранится «Героическая поэма шорского народа «Алтын-Куш»» (2 листа обложки без №, л.1 – вводный комментарий Т.Г.Тачеевой, текст – на л. 1об.-108). Комментарий к тексту почти аналогичен предыдущему: Торбоков слышал сказание от И.К.Тельбезекова в 1920-х годах, а тот перенял его от Назрека. Дополнительно указывается лишь, что «сказитель Торбоков исполняет это сказание давно» (Л. 1).

И, наконец, последний текст зарегистрирован в архиве под № 740. Это – сказание «Кадыг Кылыш» на 310 страницах (155 л.). Данный текст – третий в архиве, в отношении которого не было указано, от кого и когда перенял его С.С.Торбоков.

Общий объём всех восьми эпических сказаний, хранящихся в архиве ХакНИИЯЛИ составляет около 37,5 тысяч строк.

Не буду столь же подробно характеризовать алтайское хранилище самозаписей Торбокова. Укажу лишь, что в нём хранятся 25 эпических текстов (это число не совпадает с тем, что значится в описи, датированной 28.11.1974 г.⁹⁹), один из которых – «Алтын-Сом» - в двух вариантах: первая самозапись объёмом всего 84 страницы (Фольклорные Материалы, папка 5а), а вторая – 150 страниц (ФМ. Папка 55т). Ещё два сказания являются более ранними самозаписями эпических текстов, хранящихся в Абакане: «Каннанчабыс Канперген» (ФМ. Папка 55а. 125 с.) и «Алтын-Эргек» (ФМ. Папка 55ф. 120 с.). И, наконец, текст сказания «Алтын-Тайчи» (ФМ. Папка 55н. 119 с.) может оказаться вариантом того, что хранится в архиве Н.П.Дыренковой и который, предположительно, был прислан исследовательнице самим Торбоковым. Все остальные тексты в самозаписи Торбокова, хранящиеся в алтайском архиве, являются единичными: ФМ. Папка 5 – «Алтын-Толай», 100 с., «Канн-Шабар»; Папка 5а – «Уш эмчектиг бай Терек», 85 с., «Ай-Моос», 121 с.; Папка 55 – «Канн-Адай», 78 с.; Папка 55б – «Куба салгын», 187 с.; Папка 55в – «Сарыг-Салгын», 152 с.; Папка 55г – «Очу-Слан чар», 144 с.; Папка 55д – «Алтын-Сабак», 152 с.; Папка 55е – «Каан-Чайзан, Пий-Чазан», 100 с.; Папка 55и – «Алып Иван», 43 с.; Папка 55к – «Кодур-Кёок», 219 с.; 55л – «Чаш-Кускун», 131 с.; Папка 55м – «Öрлемечек-Мүкү», 120 с.; Папка 55п – «Кара-Олак», 103 с.; Папка 55р – «Кара-Мен», 128 с.; Папка 55с – «Ай-Перген», 122 с.; Папка 55у – «Ак-Кулун», 137 с.; Папка 55х – «Поразы-Олак», 183 с.; Папка 55ц – «Алтын-Топчу», 127 с. Общий объём всех 25 эпических текстов в алтайском архиве составляет более 125 тысяч стихотворных строк.

Как отмечалось выше, в литературе встречаются разные оценки творчества С.С.Торбокова как собирателя эпоса и как сказителя. Об этом свидетельствуют не только высказывания

И.В.Пухова и А.И.Чудоякова. Любопытно отметить, например, тот факт, что эпосовед А.И.Чудояков ни в одной из своих работ не только не сослался, но ни разу даже не указал на факт существования Торбоковского эпического сказания «Алтын Аар», опубликованного Геннадием Сысолятиным, а из всего множества Торбоковских записей фрагментарно использовал только один текст «Кёк-Адай».

Несмотря на возможное наличие некоторой толики собирательного брака в записях С.С.Торбокова, всё же, на мой взгляд, нельзя ставить крест на всех, записанных им текстах. В любом случае все они дают хотя бы некоторое представление об особенностях сюжетного состава и исполнения шорского эпоса у сказителей «нижнее-кондомской сказительской школы», оставшейся практически незафиксированной. Думается, что архивное наследие знаменитого шорского поэта требует серьёзного внимания исследователей и потому здесь ещё не время и не место для каких-то итоговых оценок его собирательской и переводческой деятельности.

Д.А.Функ

Переписка С.С. Торбокова и Ф.С. Чиспиякова

Имя С.С. Торбокова хорошо известно шорскому народу. С.С. Торбоков является одним из шорских поэтов и кайчи - исполнителем героическим поэм в сопровождении игры на струнном музыкальном инструменте - комысе.

Будучи поэтом шорской литературы, С.С. Торбоков поддерживал тесные связи с шорскими поэтами и писателями (Ф.С. Чиспияков), переводчиками его стихотворений (Г.Сысолятин, М.Небогатов), а также с молодыми в то время шорскими учеными А.И.Чудояковым, Э.Ф.Чиспияковым, которые неоднократно выезжали в с.Тайлеп, прежде всего, для общения с одним из любимых и глубоко уважаемых поэтов и кайчи Горной Шории. В процессе общения они получали дополнительную информацию о

культуре шорского народа, которую нельзя было прочитать в книгах, которыми они пользовались.

В архиве Ф.С.Чиспиякова сохранились три письма от С.С.Торбокова: первое письмо датировано от 15 июля 1967г., второе - от 17 марта 1968 г., третье - от 9 апреля 1968г. По объему самое длинное третье письмо. Три письма написаны на 12 страницах ученической тетради. Письма написаны разборчивым подчерком и вполне читабельны.

Все три письма касаются творчества Ф.С.Чиспиякова, а именно его книг: «В Долинах Мрас-су», «Кинэ» и поэмы «Песни Ак-Пурбы», которая была издана в сборнике «Поэты народов Сибири».

В своих письмах С.С. Торбоков по-доброму, деликатно, дружески анализирует отдельные фрагменты из выше названных книг и высказывает свое личное мнение, не принуждая автора к принятию этих замечаний. Вот выдержка из его письма: «Вы простите за мои дружеские замечания, если я не прав, но я так понимаю, может быть, Вы по-своему тоже правы. Но мне кажется так».

Мы обратили внимание на начала писем. Можно заметить, что все три письма имеют обычное традиционное начало. Например: «Дорогой Фёдор Степанович! Доброго здоровья желаю, дорогой Фёдор Степанович! Дорогой Фёдор Степанович, здравствуйте!»

При чтении писем от С.С.Торбокова невольно ощущаешь, что они написаны от чистого, доброго сердца, от души, от друга, от них исходит положительная, позитивная энергия.

В первом письме от 15 июля 1967г. С.С.Торбоков просит Ф.С.Чиспиякова прислать ему книгу «Кинэ» наложным платежом, если она вышла из печати и если у него имеется лишний экземпляр. Далее продолжает: «В таком случае я не только сам прочитал, но и пропагандировал её среди читателей села, через нашу библиотеку.

Большая Вам честь Федор Степанович, что вы написали свое произведение на великом русском языке, которое не всем удается сделать.

Ещё в мае с.г. я тоже подписал договор с издательством на издание книги стихов под названием «Под говор струн Кай-

комус». Книга невелика, в ней всего 900 строк. Видимо, из этого расчёта в июне месяца мне выслали гонорар 356 руб. Л. Глебова (редактор) писала, что книга будет на всероссийской арене и скоро сдаётся в производство.

В первых числах прошлого месяца ездил в Ваш край. Мне надо было сфотографировать сказителя с комусом для книги, но не удалось. Обращался к Кыдыякову П.И. - отказался, обращался к Анохе - тоже отказался. Я не знаю, ведь ничего не потеряли бы от этого, кроме того, что осталась бы на долгие годы память этих людей. Вот досада! Такую простую вещь не понимают и не хотят понять».

Далее он пишет: «Вот что дорогой, в соседстве с Вами живет ветеран народного образования, некто Тельгерекоев Федор Кузмич. Конечно, Вы знаете его лучше меня, необходимо Вам побеседовать с ним, если ещё не беседовали и написать о нём. Тем более в юбилейном году молчать о нём нельзя. Я думаю, Вы согласитесь со мной, и напишите что-нибудь, если не очерк, хотя бы статью, и я прочитаю в газете «Кузбасс».

В письме от 17 марта 1968г. С.С.Торбоков пишет: «Вот предо мною Ваша замечательная книга «Кинэ», прочитал её дважды. Да, Вы прекрасно знаете жизнь своего народа. Прекрасно справились со своей задачей. Одним словом отлично. Вы читателя заставляете целиком и полностью уйти в тот мир, в ту землю, в которой описываются события. Читатель слышит звонкий голос Кинэ, видит красивый её образ и проворного жизнерадостного Чагыса, с отвращением смотрит на Улу-Кама и Келчек-бая. Очень переживает за судьбу Чагыса. И читатель вправе ждать современную жизнь народа. Очень хочет, чтобы главные герои Ваши Кинэ и Чагыс нашли друг друга и зажили современной счастливой жизнью. Вы должны продолжить свое замечательное произведение, именно в этом направлении.

Вашу книгу «Кинэ» с любовью читают люди не только шорцы, но и русские, отзывы очень хорошие. Но мне кажется, не совсем правильно было бы писать Кинэ. Правильнее было бы Кэнэ. В народе говорят не Кине, а Кэне».

Далее речь идет о поэме «Песни Ак-Пурбы», которая была напечатана в книге «Поэты народов Сибири». Из содержания

письма ясно, что С.С.Торбокову выслали две авторские книги, одну из которых он отправил переводчику. Ф.С.Чиспияков не получил авторские книги. С.С.Торбоков пишет: «...меня удивляет, почему Вам не выслали. В нем (сборнике) 71 поэт, немало переводчиков. В ней мы с Вами представляем довольно весомо Шорию. Я с пятью стихотвореньями, а Вы с шестью песнями. Несколько раз прочитал Ваше творчество в книге «Поэты народов Сибири». Да, без волнения нельзя читать. Невольно навертываются слезы в глазах. От души поздравляю, дорогой друг! Но по-дружески хочется сделать Вам несколько замечаний».

С.С.Торбоков не согласен с переводами Ф.С. Чиспиякова Ак-Пурба и Тере□-кол. Ф. Чиспияков переводит имя девушки Ак-Пурба «Белая верба», а Тере□-кол «Осиновый лог». В связи с выше указанными переводами С.С.Торбоков объясняет: «Ак-Пурба -Белое Кольцо, а верба по-нашему «талбаш» и искажение «талмаш»; тере□ - глубокий, а осина по-нашему «ажак», или, иногда, говорят «аспак»». Автор, скорее всего, употребляет эти слова не в прямом значении. Вполне вероятно в том логу, о котором идет речь, росли осины, поэтому этот лог среди многих глубоких логов назывался Осиновым. Мы считаем, что слова «толбаш» и «толмаш» в значении «верба» употребительны оба слова, различие связано с диалектными вариантами.

Последнее замечание относится к пятой строфе четвертой песни «Он из лиственницы плот связал». С.С.Торбоков указывает, что по долинам Мрас-суг, особенно в верхнем течении, лиственница не растет, при том это дерево тяжелое, удельный вес её тяжелее воды, поэтому оно не плышет, а уходит на дно реки. «По этой причине, Ваш герой не мог связать плот из лиственницы».

Строфа девятая, строка вторая:
«Там где жадный бушует огонь,
Все живое сметаю».

С.С.Торбоков пишет в письме: «...огонь всё сжигает, а не сметает, хотя, (он отмечает) так поэтично, но не всякому понятно».

Третье письмо от 9 апреля 1968г. посвящено книге «В долинах Мрас-су». Отвечая на письмо Ф.С. Чиспиякова, С.С.Торбоков пишет: «Очень лестно, дорогой, что Вы хотите нового переиздания «В долинах Мрас-су». Давно надо! Чтож пожелаем

добрый путь ей. Только вот что, дорогой, при обработке уберите, пожалуйста, этих тараканов, поймите - это же ничем не прикрытая надсмежка над своим народом. Ведь наш народ не так уж глуп пушнину менять на этих насекомых. Конечно, надо показать жадность баев обязательно, бессовестный, бесчеловечный их обман охотников-бедняков. Пример: за иголку брали белку, за шило - колонка. Иголка стоила полкопейки, а белка 30 копеек. Шило стоило одна копейка, а колонок один рубль. Так было в дореволюционное время. Умело покажите это, будет более чем достаточно, исторически будет правильно не опровержимо. А насчет тараканов, видимо, какой-то очень уж «советский» человек соврал, и Потапов не проверив записал». Очень тяжело читатель переживает гибель Зимины. Я плакал на взрыд. - Зачем эти слезы? И не верить вам нельзя. Давайте дорогой, - пусть он не гибнет, пусть его спасут, смертельно раненного лекарственными настойками вылечат. Пусть живут, здравствуют и работают два Зимины - отец с сыном.

Теперь насчёт Погда-паша. Пусть он перевоспитается, а то слишком вы с ним обошлись туговато. Очень советую Вам показать организаторскую способность Гордея, он тоже остается у Вас в тени. Пусть он сын бая, черт с ним. Ведь но был обязан бороться за свой класс, за свой интерес. Ведь командование хотело поймать его живым и перевоспитать его в советском духе, как способного организатора - молодого человека. Ведь Тухачевский, Блюхер и другие командиры тоже были сыновьями капиталистов, но в разгроме Колчака они сыграли основную роль.

Теперь в отношении Тастак-бая, говорят - это толстый Феодор Иванович, учтите, на фронте погибли его четыре сына. Давайте подберите другого бая. Дело только Ваше. Вы хозяин и по-своему правы.

Ну, пора закругляться. Записался. Желаю успешно завершить доделку «По долинам Мрас-су», Ваш Торбоков».

P.S. Если увидите Федора Кузмича, передайте ему мой сердечный привет.

Шорские героические сказания в записях С.С.Торбокова

Шорские героические сказания (поэмы) составляют существенный пласт тюркской эпической традиции народов Сибири. Общее количество шорских поэм с оригинальными сюжетами, которые записали исследователи и сами сказители, насчитывает по данным А.И.Чудоякова более 130 [Чудояков: 1998, с. 13]. Исследование шорских фольклорных материалов исключительно актуально. Так, на необходимость изучения всех возможных источников для создания полной картины возникновения и развития тюркского героического эпоса указывал В.М.Жирмунский [Жирмунский: 1974].

Одним из талантливых исполнителей шорских героических сказаний традиционным способом - горловым пением и ритмизованным пересказом пропетого - был Степан Семенович Торбоков (1901-1980 г.г.), представитель «нижнекондомской школы» сказителей-кайчи.

С.С.Торбоков был не только исполнителем кая, но он сделал записи исполняемых им поэм, число которых достигает полусотни (см. [Чудояков: 1995, с.10]). Записи С.С.Торбокова рукописные, в своем первоизданном виде (что и составляет их научную ценность) они еще не публиковались (о публикациях поэтических переводов героических поэм в записи С.С.Торбокова на русском языке см. [Функ: 2005, с.229]).

Биографию и творчество С.С.Торбокова описывают Т.А.Шатилова [Шатилова: 1995], Г.В.Косточаков [Косточаков: 2006; Косточаков: 2007]. Краткое упоминание о записях шорского эпоса С.С.Торбоковым и сведения о нем как исполнителе кая содержится в работах А.И.Чудоякова [Чудояков: 1995, с. 10; Чудояков: 1998, с.13; Чудояков: 2006, с. 86], Л.Н.Арбачаковой [Арбачакова: 2001, с. 9].

«Слушателем» кая в исполнении С.С.Торбокова является Б.И.Токмашов, который описывает особенности исполнения кая С.С.Торбоковым и В.И.Токмашовым, особенности восприятия кая [Токмашов: 2003]. Б.И.Токмашов помнит содержание некоторых поэм этих кайчи, сам их сказывает и сделал записи двух произведений.

Исследуя эпическое наследие С.С.Торбокова, Д.А.Функ отмечает, что в репертуаре шорских кайчи находятся разные, в зависимости от своего источника, сказания. Так, кайчи может выступать «передатчиком» сказания, услышанного от другого сказителя, он может быть «контаминатором», соединяя разные, но близкие по содержанию сюжеты поэм, импровизируя «в рамках традиций», а может быть «творцом», который зачастую получает содержание сказания во сне и спешит его передать, чтобы сохранить в памяти навсегда [Функ: 2005, с.273-276]. Что касается эпического наследия С.С.Торбокова, то в своих записях он в основном отмечал кайчи, выступившего источником героического сказания, но есть рукописи, в которых источник не указан.

Проблему инвентаризации записей С.С.Торбокова поднимает Д.А.Функ [Функ: 2005, с.229]. Делая ссылку на вышеупомянутую работу Д.А.Функа, приведем перечень героических сказаний в записи С.С.Торбокова.

По данным Д.А.Функа, в архиве Горно-Алтайского научно-исследовательского института языка и литературы хранятся следующие эпические поэмы (опись 28.11.1974 г., см.: [Функ: 2005, с.232]). Список рукописей приводим в алфавитном порядке, в скобках указан номер папки хранения.

"Алтын-Сабак", 152 с. (55 д)

"Алтын-Сом", 84 с. (55 а) (вариант а)

"Алтын-Сом", 150 с. (55 б) (вариант б)

"Алтын-Тайчи", 119 с. (55 в) (вариант рукописи в архиве .П.Дыренковой)

"Алтын-Толай", 100 с. (5)

"Алтын-Топчу", 127 с. (55 ц)

"Алтын-Эргек", 120 с. (55 ф) (вариант одноименной рукописи архива ХакНИИЯЛИ)

"Алып Иван", 43 с. (55 и)

"Ай-Моос", 121 с. (5 а)

"Ай-Перген", 122 с. (55 с)

"Ак-Кулун", 137 с. (55 у)
"Кан-Адай", 78 с. (55)
"Каан-Чайзан, Пий-Чайзан", 100 с. (55 е)
"Каннанчабыс Канперген" 125 с.(55 а) (вариант одноименной рукописи архива ХакНИИЯЛИ)
"Кан-Шабар" (5)
"Кара-Мен", 128 с. (55 р)
"Кара-Олак", 103 с. (55 п)
"Кодур-Коок", 219с. (55 к)
"Куба салгын", 187 с. (55 б)
"Очу-Слан чар", 144 с. (55 г)
"Орлемечек-Муку", 120 с. (55 м)
"Поразы-Олак", 183 с. (55 х)
"Сарыг-Салгын", 152 с. (55 в)
"Уш эмчектиг бай терек", 85 с, (5 а)
"Чаш-Кускун", 131с. (55 л)

Работа Д.А.Функа в архиве Хакаского научно-исследовательского института языка и литературы позволила ему выявить 8 рукописных сказаний в записи С.С.Торбокова [Функ: 2005, с.228-229].

"Аи Кан", 123 л. (№571)
"Алтын-Куш" (№ 664) (кайчи-источник И.К. Тельбезеков < Назрек, 1920-е г.г.)
"Алтын Эгег" (№644) (кайчи-источник И.К. Тельбезеков < Назрек)
"Алтын Эргек" (№644) (кайчи-источник И.К. Тельбезеков < Назрек.)
"Алтын-Эргек (палазын чыгчань)" (№644) (кайчи-источник И.К. Тельбезеков < Назрек)
"Кадыг Кылыш", 310 с. (№ 740) (без указания кайчи-источника)
"Каннан чабыс Кан Перген", 147 л. (№587); (№536 - машинописный вариант) (кайчи-источник И.К. Тельбезеков)
"Чаш Салгын", 79 л. (№571) (кайчи-источник П.И.Кыдыяков)

Четыре рукописи, содержащие эпические сказания в записи С.С.Торбокова, находятся в семейном архиве А.И.Чудоякова (см. публикацию А.А.Сербегешевой (Чудояковой) в данном сборнике).

Автору данной статьи удалось расшифровать и перепечатать одну из рукописей С.С.Торбокова из архива А.И.Чудоякова. На обложке тетради написано: «С.Торбоков. Шорское героическое сказание "Кубай-салгын". Записано и переведено С.Торбоковым 28/VI - 31/ VIII 1965 г. Сказитель - С.Торбоков. Объем 4,9 п.л.».

Как и большинство рукописей С.С.Торбокова, героическое сказание записано на листах в клетку тонких тетрадей, сшитых вместе. В сказании «Кубай-Салгын» 83 страницы шорского текста и, соответственно, столько же страниц, содержащих перевод на русский язык.

История этой работы такова. В 1980-х г.г., когда я была аспиранткой Е.И.Убрятовой в Институте филологии СО АН СССР и писала кандидатскую диссертацию по грамматике шорского языка, Андрей Ильич Чудояков передал мне рукопись С.С.Торбокова и попросил ее перепечатать на пишущей машинке. Андрей Ильич знал меня как ученицу Электрона Федоровича Чиспиякова.

Эту работу я выполнила. Подчерк, которым написана эта рукопись С.С.Торбокова, мне показался очень неразборчивым: многие буквы у него получали одинаковое обозначение. Как т были обозначены согласные т, р, н, м, ж. При расшифровке я исходила из своих знаний героических сказаний на шорском языке, записанных Н.П.Дыренковой [Дыренкова: 1940]. Шорская часть сказания С.С.Торбокова поддалась, стал получаться и перевод на русский язык. В 1980-х годах были известны лишь 8 эпических сказаний на шорском языке в записи В.Радлова [Радлов: 1866], 2 сказания на шорском языке в записи Г.Ф.Бабушкина [Бабушкин: 1940], 6 сказаний на шорском языке с переводом на русский язык в записи Н.П.Дыренковой. Сюжет сказания С.С.Торбокова «Кубай-Салгын» в этом контексте мне показался оригинальным: в нем присутствовали интересные фольклорные моменты, которые я не обнаружила в перечисленных поэмах. Очень интересен язык произведения С.С.Торбокова: богатый, выразительный. К тому же этот эпический текст - ценный диалектный материал. Машинопись была передана А.И.Чудоякову. Андрей Ильич и его супруга, Галина Ивановна, приветствовали эту работу и подарили мне книгу «Алтын чус» на хакасском языке. Андрей Ильич Чудояков рассказывал мне, что архив С.С.Торбокова он получил от его родственников. Они предложили ему стопку тетрадей. Андрей Ильич эти тетради взял, но не все, а по шорскому обычаю, 1-2 тетради оставил («Когда что-то берешь, нельзя забирать все, что-то должно остаться»).

В настоящее время возрастает внимание общества к культурным ценностям, особенно к тем, которые его непосредственно окружают. Получило признание поэтическое творчество Степана Семеновича Торбокова. Эпос и его язык также общественное достояние. Понимание эпического произведения — это другая ипостась познания.

Литература

1. Арбачакова Л.Н. Текстология шорского героического эпоса: (на примере материалов Н.П.Дыренковой и А.И.Чудоякова). - Новосибирск: Наука, 2001. -160 с.
2. Бабушкин Г.Ф. Шор ныбактары. - Новосибирск, 1940. - 94 с.
3. Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. - М.-Л., 1940. - 448 с.
4. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Избранные труды. - Л.: Наука, 1974.-727 с.
5. Косточаков Г.В. Слово о Степане Торбокове (вступительная статья) // Торбоков С.С. Шория всюду со мной: сборник произведений. - Кемерово: ОАО «ИПП «Кузбасс». - 2006. - С.3-10.
6. Косточаков Г.В. Повороты судьбы Степана Торбокова и шорского народа // Кузнецкая крепость: литературно-художественный альманах управления культуры Администрации Новокузнецка. - №12, 2007. - С. 117-124.
7. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. - СПб., 1866. - 409 с.
8. Токмашов Б.И. Заметки об особенностях нижнекондомской традиции исполнения богатырских сказаний в творчестве сказителей С.С.Торбокова и В.И.Токмашова // Язык фольклорного произведения. - Сборник научных статей. Выпуск 1. Шорский язык. -Новокузнецк, 2003. С. 42-48. (Тема исследования выполнена в рамках гранта Министерства образования Российской Федерации Г 00 - 1.6 - 496. Научный руководитель -И.В.Шенцова).
9. Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей. Комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М.: Наука, 2005.
10. Чудояков А.И. Этюды шорского эпоса. Кемерово: АО Кемеровское книжное издательство, 1995.

11. Чудояков А.И. Традиции шорского эпоса и сказания Павла Кыдыякова // Шорские героические сказания. М.; Новосибирск: Наука, 1998. - С. 11-33.
12. Чудояков А.И. Кай и «кай ээзи» в представлениях тюрков Саяно-Алтая // Кай-культурное наследие шорского народа. Материалы первого симпозиума по изучению форм шорского народного эпоса. Новокузнецк: Департамент культуры и национальной политики Администрации Кемеровской области, Администрация г.Новокузнецка, КузГПА, Новокузнецкая городская общественная организация «Шория», 2006. - С.81-86.
13. Шатилова Т.А. Степан Семенович Торбоков // Моя Горная Шория. Стихи, сказания, сказки, загадки. - Новокузнецк: НИУУ, 1995. - 93 с.

*Шенцова Ирина Витальевна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры шорского
языка и литературы КузГПА.*

Глава IV

Стихи о С.С.Торбокове

В.Алексеева

О Торбокове

Был в школе - учитель от Бога
Детишки - за ним гурьбой,
В Тайге исходил все дороги,
Просились, он брал их с собой.
Охотником был, следопытом,
Повадки он знал всех зверей.
Для многих он был открытым,
Учил их тому, что умел.

И люди к нему стремились,
Знать, чуяли добрую душу,
Природу беречь учились
И песни его послушать.
Слагал он стихи и сказы,
Народ свой любил и чтил,
В ряду многоликих и разных
Писателем шорским он был.

Да, жили все дружно в те годы,
Ведь строили новый свой дом,
И честно гордились народы
Красивым и славным трудом.
Я знаю о нём понаслышке
От старших своих сестёр:
В Тайлепе - учил ребятишек,
В душе - разжигал костёр.

С.Андреева

Торбокову

Ты просто пел, покуда жил,
О Шории своей родной.
Вставали годы за спиной.
Ты душу мне разбередил.
Кайчи, возьми меня с собой!

Н.Казанина
О Торбокове

Охотничьими тропами ходил,
Охотился на коз и соболей.
Ты край родной всем сердцем полюбил,
Но Шория была тебе милей.

А вечерами часто у костра
Под звуки кай-комуса песни пел.
Тайгою вдохновленная душа
Стихами обретала свой удел.

В огне рябин и шелесте берёз,
Густой зарёю в свете янтаря.
Ни ветер южный, ни зимы мороз –
Ничто не ускользнуло от тебя.

Восторг душевный и понятный слог
В улысы приходил из уст в уста.
И вновь подарит сердцу огонёк
Торбоковская яркая звезда.

* * *

Под звуки кай-комуса
Рождается поэт,
На шорские улысы
Свой, проливая свет.
В стихах тайга вздыхала –
Ей упивался взор.
В них песни Тагдагала
И сказочный фольклор.
Просты слова и слоги,
Но искренни, чисты.
В них мудрые дороги
Духовной красоты.

Вмиг сердце оживает
Для Света и Добра.
Душа певца пылает –
Всё отдает сполна.
Даст всякому согреться,
Как у костра в ночи,
Торбоковское сердце –
Песнь славного кайчи.

В.Колмаков

Баллада о кайчи

Пел Торбоков Степан,
За собой звал струной кай-комуса.
Сквозь вечерний туман
Правду жизни он пел, не обман.
Подпевала ему
Легкокрылая быстрая муза.
И звучала в ночи
Гордо юная песня кайчи

Пел Торбоков Степан,
Создавал он чудесные песни
О прекрасной шолбан,
Что светла, как весенний тюльпан.
И опять на оюн
Собирались сородичи вместе.
И звучала в ночи
Снова звонкая песня кайчи.

Пел Торбоков Степан
О земле, о зверье, о природе,

Песен вел караван
По зеленым холмам и долам.
И внимательно
Слушали песни свободы народы.
И ловили в ночи
Люди слово кайчи.

Славил песней кайчи
И коня-скакуна, и соседа,
И веселых алтайцев-айчи,
И серьезных хакасов-айчи.
Кай-комуса струна
Направляла умело беседу...
Славил он свой улус,
А восславил Сибирь и всю Русь.

Г.Косточаков

С.Торбоков исполняет героическое сказанье

Кайчи и поэт, голос тихий,
гортанно колдующий нерв.
Не эхом ли звери и пихты
усилили твой напев?

Кажется, вся окрестность
отозвалась и звучит.
И всем стало рядом место,
а ведь были - ничьи.

Сходились, грелись и грели
при звуках струны и страны.

И у каждой рябинки и ели
стали души видны.

И у каждого медвежонка,
и у каждого скакуна,
в жизни их напряжённой
улыбнулась им слабина.

Даже опавшие листья
взлетели в свой дом на суку.
И чей-то чудовищный выстрел
вернулся назад, к курку.

По звукам гортанным, как горы,
что вытянулись, как струна,
неслась, заполняя просторы,
шорская старина.

Золотом тёплым блистая,
Альпы стояли горой,
и каждый был узнаваем,
как родственник и герой.

Они, словно луны и солнца,
сомкнули свои лучи,
а в смычке безудержно бьётся
сердце седого каичи.

Обнялись струны и сердце,
и голос, и красота,
чтоб к небу и к душам воздаться,

и аукаться там!

Но день сменяется ночью,
и следом подходят к сердцам
такие же алыпы точно,
но - не кажут лица.

Темны и ношно и дённо,
и злы, как будто зола.
В них трещиной душ обделённость
через доспехи легла.

И вот он, потряс поединок,
клубится чёрный туман,
рушатся гнёзда, вершины,
и вера в добро - как обман.

Кто выйдет живым из тумана?
Сердце, так не скачи!
Но медлит, медлит так странно
голос седого кайчи.

Ведь от исхода сей битвы
зависит наш мир и сейчас.
И ныне не счесть - забытых,
обделённых рукой луча.

Они, возрастая свою силу,
и нас волокут в туман,
чтоб вытряхнуть света обилье,
сровнять зигзаги ума.

И сегодня ведь то же точно,
что было тогда и там.
Кто выйдет, туман раскурочив,
к нашим ждущим сердцам?!

Все, как один, подлетели
к мудрым устам струны.
Ждут рябинка и ели,
медвежата и скакуны.

Горы ждут, мурашками шорох
аж бродит по их спине.
Вся ожидает Шория,
припав к гортанной струне.

И предчувствие счастья
рвётся из всех вовне.
Из тумана вышел - светящийся!
Справедливой слава струне!

И снова любовь и надежда
сомкнули свои лучи,
а в смычке бьётся, как прежде,
сердце седого кайчи.

Н.Костяева

*Где бы ни был –
Шория всюду со мной
И стучит она в сердце
Мне песенным словом
С.Торбоков*

* * *

Сибирский край! Суровый,

но прекрасный
Величественных кедров, рек и гор.
Здесь дух силён и крепок не напрасно.
Он богатеет лику вперекор.

И хочется запеть, величье прославляя,
Расправив крылья во всю неба ширь!
Чтоб во всём мире восторжествовала
Мелодия ликующей души!

Сибирская земля рождает щедро
Людей, творящих песенным стихом,
Впитавших красоту и силу кедра, -
Им по заслугам славу воздаём.

С.Малышева О творчестве Торбокова

Торбоков не издал томов огромных,
Но на родной земле оставил след.
В его стихах таких простых и скромных,
Сокрыты мудрость, истина и свет.
Пусть труд его духовной служит пищей,
Чтоб мир людской стал
и добрей, и чище.

Поэту

Два часа, проведенных с Торбоковым,
Заставляют себя не щадить,
На поэта, с душою широкою,
Так похожей мне хочется быть.

Наверстать, что упущено было,
По-торбоковски жить и творить,
Дай, Господь, мне терпенье и силы,

Чтобы подвиг кайчи повторить.

* * *

Любимой земле, где родился и жил,
Торбоков творенья свои посвятил.
За труд твой бесценный,
наш шорский поэт,
Ты вечною славою будешь согрет.

* * *

Труды Торбокова бесценны,
Потомки память о поэте сохранят.
Он был и скромным, и степенным,
И отдал все, чем был богат.

Поэт творил, не замечая годы,
Наград и почестей не ждал.
Певец из шорского народа
За жизнь великое создал.

Пусть за весной приходит лето,
Садится солнце и встает.
Мир ценит стойкого поэта,
А слава земляка найдет.

С.Прихватилов

Памяти С.С.Торбокова

Большое, как глаза марала, сердце,
И чистая, как горный снег, душа.
Быть может, этой самою тропинкой,
Он шел с ружьем, за сободем спеша.
Охотник, сын охотника простого
Из нашего улуса Тагдагал;

Нельзя измерить даже в мегатоннах
Добро и свет, что людям он отдал.
Он пел стихи про черные урманы,
Про ветра свист, таежный костерок,
Весенние цветы и летние туманы,
И в сердце зажигался огонек.
Откроешь книжку - перехватит горло,
И сердце сдавит острою тоской
Над нашей искореженной природой',
Над нашей исковерканной душой.
Другое время и другие люди...
И алчность душит, сколько ни кричи,
Наверно, все мы что-то потеряли,
Когда ушел от нас Большой Кайчи.

Е.Шкаева

Памяти Торбокова

Зазвенели струны кай-комуса
Наш кайчи свою поведал быль.
Песней из таежного улуса
Очарован дремлющий ковыль.

Пихточки мелодию услышав,
Замерли иголками шурша
Даже под землею в норке мышка
Вдруг запела для своих мышат.

Песня растекалась по урману
Птицей поднималась в небеса
На глаза угрюмому шаману
Набежала искоркой слеза.

Пой, поэт, про Шорию родную,

Про шолбан, горящую в ночи,
Обжигай, как первым поцелуем,
Трепещи, как огонек свечи.

Пой, кайчи, былинные сказанья
Про богатырей и кабаргу.
Я твои заветные желанья
В благодарном сердце берегу.

О Торбокове

Вышел он из шорского народа
Сказочник, учитель и поэт.
Словно долгожданный самородок
Засиял, увидев солнца свет.

Оживали древние сказанья,
Плакал и смеялся кай-комус
Планетарным центром мирозданья
Становился праздничный улус.

И тогда кайчи внимая пенью,
Замирала дикая тайга.
На сосну сова скользнула тенью,
Навострила уши кабарга

Нет, друзья, поэт не умирает,
И стихи в забвенье не уйдут.
Если помнят, любят и читают,
Если песни шорские поют.

* * *

Над мустагом седым
и по кругам,

в кронах кедров, густых пихтачей,
по урманам и дебрям дремучим
звуки песни разлились твоей.

Об Альпах и кыэ луноликой,
о борении зла и добра,
и о природе разноязыкой
пел кайчи у ночного костра.

Замерла кабарга на утесе,
белым столбиком встал горностаи.
Даже речка притихла на плесе
душу тронул неистовый кай.

Песня смолкла на ноте высокой,
и зарей полыхнул небосвод,
а кайчи и учитель Торбоков
в сердце каждого шорца живет.

Торбокову

Не всегда бывает память долгой.
Порастает прошлое быльем .
Кануло в безвестность и умолкло.
Мы живем порой одним лишь днем.

Сколько их поэтов безымянных
Нам не хочет память возвращать.
Но стихи Торбокова Степана
Мы как звезды стали открывать.

В старину, под звуки кай-комуса
Улетали песни птицей ввысь.
А на месте маленьких улусов
Города, поселки поднялись.

Расцвела, похорошела Шория.

Много лет о том Степан мечтал.
И теперь былинные истории
Нам поет ансамбль «Тагдагал».

А на фестивалях и в поселках
Снова песня шорская звучит
И струна кай-комуса не смолкла.
Значит, жив поэт и не забыт.

Глава V

Переписка С.С.Торбокова

Уважаемый Степан Семенович!

Более месяца назад я получил из Кемеровского издательства четыре тетради Ваших записей шорского народного эпоса и письмо, которым издательство просит меня определить возможность использования Вашего труда в печати. Получил я и Ваше письмо с аналогичной просьбой. Из-за болезни ответить Вам могу лишь сейчас.

Я познакомился с Вашими записями. Конечно, они представляют интерес, как образцы шорского народного эпоса. Заслуживает уважения большой труд, какой Вы вложили в эту многолетнюю работу по восстановлению в памяти и фиксации огромных эпических сказаний, слышанных Вами от других сказителей, дополненных Вашим собственным творческим воображением и опосредствованием. Конечно, в теперешнем их виде, записи Ваши представляют собою лишь весьма сырой, композиционно, стилистически ещё почти совсем не оформленный материал, над которым необходима очень большая литературно-переводная, редакционная работа. Кроме того, как в отношении всякого фольклорного материала, необходима и глубокая, научно-исследовательская работа над зафиксированными Вами текстами с целью установления и уточнения социально-исторических источников эпоса, идейно-исторического содержания его, исторических связей опозитизированного в фольклоре материала действительности. Это совершенно необходимая огромная работа, какая делается при подготовке к публикации фольклорного материала. А в отношении к национальному эпосу эта тщательная научная, и редакционная подготовка тем более необходима, что в этом деле, как Вы знаете, в последнее время вскрыто было немало весьма серьёзных ошибок и недостатков (критика буржуазно-националистических извращений, историко-этнографических ошибок в бурято-монгольском и якутском эпосе, в «Гасериаде»).

Таким образом, дело не только в литературном переводе эпоса на русский язык, для чего нашлись бы, конечно, литературные силы и в Кемерово. Дело в том, что необходимо в этом случае участие специалистов, исследователей, которые бы могли установить идейно-историческую ценность и верность образцов эпоса, как документов определенного историко-политического значения.

Позволю себе сослаться на собственный скромный опыт работы по подготовке к публикации шорского эпоса (книга «Ай-Толай»). В течение нескольких лет я, собирая образцы шорского эпоса, одновременно разыскивал в литературе, в научных источниках все, что относилось к истории, этнографии шорцев, чтобы разобраться в научно-исторической и художественной

ценности материала, переводом которого на русский язык я занялся. Я пользовался при этом консультацией таких специалистов-учёных, как проф. Дырленкова (ныне покойная, как Вы знаете), проф. Потапов и др. Как Вы знаете, каждый текст эпоса сопровождается в книге подробными комментариями, для которых пришлось много поработать над научными и литературными источниками. Всё это было совершенно обязательным условием публикации эпоса.

Я недостаточно компетентен, чтобы судить о ценности и верности идейно-исторического содержания зафиксированного Вами материала, но указываю Вам на то, какой работы, кроме литературного перевода, требует он над собой перед тем, как может быть решен вопрос о возможности его публикации.

А в этом отношении с шорским фольклором вопрос сейчас обстоит весьма трудно: ни в самой Шории, ни в Кемерово, ни у нас в Новосибирске сейчас нет учреждений, да, пожалуй, даже и отдельных работников, которые бы занимались специально историей, этнографией, фольклором Шории, которые бы могли заняться специально научно-исторической стороной шорского эпоса.

Другое дело, например, в отношении Горного Алтая или Хакассии. Там есть свои научно-исследовательские институты истории, языка, литературы, которые занимаются и фольклорными проблемами. Может быть, Вам следовало бы связаться с Хакасским институтом истории и языка, в отношении получения научной консультации по Вашей собирательской фольклорной работе.

Лично я считаю себя недостаточно компетентным и подготовленным, чтобы взять на себя такого рода оценку Вашей работы и тем более подготовку текстов к публикации. Единственно, что могу Вам посоветовать – ещё раз обратиться за содействием во Всесоюзный Дом Народного творчества – в Москву.

Я познакомил с Вашей работой директора нашего Областного издательства тов. Немиру на предмет включения книги такого рода хотя бы в перспективный план издательства. Издательство мне ответило, что в отношении публикации старого

национального фольклора оно не имеет реальных возможностей и поэтому не сможет включить Вашу работу и в перспективный план.

Что касается Кемеровского издательства, то думаю, что оно могло бы всё-таки решить вопрос о Вашей работе в принципе, то есть, издательство может и должно бы рассмотреть и согласовать с соответствующими инстанциями принципиальный вопрос о возможности издания шорского фольклора (сборником или отдельными книгами). И в случае положительного решения взять на себя подготовку этого издания, т.е. сбор материала, привлечение научных, литературных сил для подготовки, перевода фольклора, в том числе и Ваших записей.

Своё мнение насчет этого я сообщу товарищам в Кемеровское издательство.

Рукописи Ваши могу выслать по требованию – или Вам непосредственно или в адрес, какой Вы укажете.

С приветом, А. Смердов.

20.09.1951 г.

Дорогой Степан Семёнович!

Всё лето был в разъездах, и вот только что в редакции городской газеты мне передали Ваше письмо. Благодарю Вас за тёплые строки, за добрые пожелания и за положительную оценку, которую Вы дали «Красной горке». Ваше мнение, как коренного жителя Горной Шории, для меня вдвойне дорого. Да, я так же, как и Вы, влюблен в наш замечательный край, в его прекрасных людей. А любовь и придает силы в работе и ко многому обязывает. Буду стараться и новыми работами заслужить одобрение моих земляков, от имени которых Вы пишете.

Еще раз спасибо за внимание к моему труду. Поздравляю Вас с Октябрьским праздником, желаю Вам доброго здоровья и успехов в Вашей творческой работе.

С уважением, Ваш – Евг. Буравлёв

Здравствуйте, уважаемый Степан Семёнович!

Извините за то, что не сразу ответил на Ваше предыдущее письмо. Был страшно занят. В последнее время по радиокомитету стало дел невпроворот.

Получил сегодня полосу молодёжной газеты с рецензией на Вашу книжку. Хорошая рецензия, впрочем, другой я не ждал. Пора Вам занять в литературе Кузбасса подобающее место.

Насчет нашей так называемой размолвки пусть Вас ничто особенно не беспокоит. Где-то что-то было недоговорено, Вы меня не знали как следует, я Вас. Но мне не раз приходилось сталкиваться с таким явлением, когда в глаза говорят одно, а за глаза – другое. Рад, что это у нас не так.

Хочу обрадовать Вас таким сообщением: на днях получил письмо от Елизаветы Константиновны Стюарт из Новосибирска. Она рекомендовала Ваши стихи «Пихточку», «Зайца» и «Пчёлы и шмель» в Новосибирский детский альманах «Золотые искорки», который уже сдаётся в производство.

Насчет дальнейшей нашей совместной работы сейчас сказать ничего определенно не могу, пока не посмотрю новых подстрочников. Посылайте, тогда будет конкретный разговор. Но следующая Ваша книжка должна быть лучше двух предыдущих, ведь это будет уже третья книжка. Насчет вступления в Союз писателей похлопотать не вредно. Но тут я ничем не могу помочь, так как я тоже ещё не вступил, а являюсь членом другого Союза – журналистов.

Вообще желаю Вам всяческих удач.

До свидания!

Г. Сысолятин

11.02.1960 г.

Дорогой тов.Торбоков!

Чувствую, что нам пора объясниться. В последнем письме Вы высказали такие замечания, с которыми редакция, при очень добром отношении к Вам, согласиться не может.

Вы пишете много. Это хорошо. Как явствует из Вашего предыдущего письма, немало и печатаетесь («Здесь Вас печатают очень много»). С этим Вас тоже можно только поздравить. В прошлом году несколько Ваших стихотворений было опубликовано в «Сибирских огнях». В этом году, в одном из ближайших номеров журнала, вновь появятся Ваши стихотворения (стихи уже в наборе). Так что на невнимание «Сибирский огней» Вам тоже обижаться нельзя. Так в чем же дело?

А дело оказывается в том, что Вы хотите видеть напечатанным на страницах нашего журнала все, что вы пишете. Таков подтекст Вашего письма.

А если мы отклоняем неудачные, на наш взгляд, произведения, Вы ставите вопрос ребром: стихи мне подсказаны жизнью; возможно, переводчик что-то упустил, Вы возьмите и доделайте сами.

Но, дорогой мой товарищ, почему Вы даже не допускаете мысли, что недостатки могут быть не только в переводе, но и в оригинале? А потом – Вам должно быть хорошо известно, что литературный преревод с одного языка на другой – это не техническая работа, а творческая, и с ней не каждому дано успешно справляться. В Новосибирске, например, совсем нет профессиональных переводчиков, и мы иной раз вынуждены отказываться от хороших подстрочников только потому. Что некому поручить их перевод. Но это уже другой разговор.

Я хочу, чтобы Вы поняли мою позицию в этом деле правильно. Если Вы пишете на шорском, ваши стихи должны прежде всего звучать на Вашем родном языке. Именно в этом и заключается их главная ценность. И не обижайтесь, но я Вам должен прямо сказать, что вовсе необязательно, чтобы каждое Ваше стихотворение было переведено на русский язык. Переводиться должны только самые яркие, самые интересные произведения. Некоторые из них мы будем печатать в журнале, помня, о том, что мы должны еще знакомить наших читателей с

поэтическими произведениями хакасской, алтайской, якутской и др. литературы.

Если же Вы считаете, что у Вас очень много стихов, с которыми необходимо познакомить русского читателя, предложите их книжному издательству, пусть они выйдут отдельной книжкой, как это обычно и делается.

Возможности журнала все-таки ограничены. Об этом Вы должны помнить.

С уважением,
зав.отделом поэзии Ив.Ветлугин
07.06.1960 г.

Дорогой Степан Семенович!

Сердечно поздравляем Вас с наступающим 1962 годом.

Пусть Новый год будет для Вас годом радости, счастливого труда, больших творческих достижений.

Желаем здоровья, свежих сил, осуществления всех Ваших планов.

С Новым годом!
Редакция журнала «Сибирские огни»

26.12.1961 г.

Дорогой Степан Семенович!

Если отчество запомнил, то прошу извинить, - это со мной случается.

Простите, что на Ваше письмо отвечаю только теперь. Сначала я был в отъезде – в Москве, потом накопилось очень много срочных рукописей...

К сожалению, я ничего определенного о рукописи Ваших стихов сообщить не могу, - как говорят, не в курсе дела.

Советую Вам обратиться с письмом к самому директору издательства Борису Ивановичу Братчикову.

Искренне желаю вам всего наилучшего.

Крепко жму руку, А.Коптелов

17.03.1962 г.

Уважаемый Степан Семёнович!

И эти стихи, хотя они и рассматривались довольно продолжительное время, все же, не нашли поддержки со стороны редколлегии.

Александр Иванович хотел написать Вам сам, но вот уже некоторое время то слишком занят, то болеет. Он просил меня принести Вам его извинения по этому случаю, и сообщить, что в самые ближайшие сроки он Вам напишет.

Рукопись возвращаю.

С уважением, А.Романов

«Сибирские огни»

07.06.1968 г.

Здравия желаю друг!

Поздравительное письмо твоё получил, спасибо! Комитет по радио и телевидению известил меня, что 14 ноября сего года в 20 часов 55 минут передадут мои стихи. Но мне послушать не удалось. Странно получилось, слушала вся область и другие области Сибири, а автор прослушал, прошляпничал, хотя не я виноват, а погода и приёмник. Подлец затрещал, загремел как шальной и я ничего не понял. Сообщил: слушал ли ты или другие? Если слушал – то какие стихи?

Теперь у меня к тебе просьба. С получением сего как можно скорее вышли мне всё, что брал у меня: сборник, повесть, вырезки из газет со стихами и о природе Шории. Мне они крайне нужны.

В номере от 13 ноября газета «Кузбасс» на 3 стр. внизу напечатала моё стихотворение «Еду по Юж-Сибу». Не читал? Если нет, то если желаешь – прочитай. Что-то «Маяк коммунизма» тоже напечатала. На днях около 2 рублей получил гонорар. Видел? Сообщи, пишешь ли что-нибудь к 50-летнему юбилею о Фёдоре Николаевиче? Пиши, готовь обязательно. Ты, только ты напишешь как следует о нём.

С дружеским приветом твой друг С.Торбоков
17.11.1966 г.

Здравствуйтесь, дорогие родители!

Ну, прежде всего, должен сообщить, что я нахожусь в Алма-Ате, прибыл вчера утром. Само собой разумеется, доехал вполне нормально, в вагоне было не очень много людей, были даже свободные места. Можно, оказывается, было заранее билета и не брать, а купить на вокзале в день отхода поезда. Ну да ладно, это в прошлом.

На работу еще не выходил, еще немного осталось догулять. А пока улаживаю свои дела, впрочем, и дел то нет, так себе по мелочи. Здоровье и самочувствие нормальное. Надеюсь, и у вас все в порядке?

С приветом, ваш сын Иван.
01.09.1975 г.

Здравствуйтесь, дорогие родители!

Вот я опять в командировке. Работаем за 90 км от Алма-Аты. Завершается монтаж огромной радиостанции, остается до срока пуска очень мало времени, а работы – невпроворот. Вот и послали нас в подмогу. Не знаю, успеем ли управиться в срок, но уж это не моя забота, пусть думает начальство. Работа не тяжелая, часто из-за нехватки материалов простаиваем. Недалеко от места

работы проходит большой тракт. День и ночь идут машины. Так что субботу и воскресенье проводим дома. А в остальном дела у меня идут нормально, все хорошо.

Желаю и вам всего наилучшего.

С приветом, ваш сын Иван.

23.11.1975 г.

Здравствуйтесь, дорогие родители!

Недавно получил от вас письмо с адресом Розы. Пока нет необходимости обращаться к ней за консультацией, если будет нужно, конечно, зайду. А пока еще не заходил.

Дела у меня идут по-старому. На работе все обстоит хорошо, здоровье нормальное. О том, что денег хватает – пожалуй и говорить не приходится: в этом отношении все в порядке.

Вот пока у меня и все.

С приветом, ваш сын Иван.

29.11.1976 г.

Здравствуйтесь, дорогие родители!

Пишу только для того, чтобы вы не беспокоились, потому что писать мне совершенно не о чем. У меня ничего нового нет. По работе у меня все нормально, с заданиями всегда справляюсь да и работается легко. Здоровье у меня в порядке, грех жаловаться. Недели полторы назад ходил в гости к Розе. Она обрадовалась, познакомила меня со своим мужем. Ничего парень.

А в остальном, повторяю, ничего нового. Конечно, мелких делишек каждый день уйма, но это так, между прочим.
Ну, а у вас что нового. Надеюсь со здоровьем все в порядке?

С приветом, ваш сын Иван.

14.12.1976 г.

Здравствуйте, дорогие родители!

Поздравляю вас с наступившим 1979 годом и желаю всего наилучшего в нем, а главное – здоровья и спокойствия.

Новый год я встретил хорошо: в 11 часов ночи пошел к товарищу, посидел в его семье за столом часа два, а потом пришел домой и всю ночь смотрел по телевидению праздничный концерт.

В этом году Новокузнецкий райисполком обещал нам выделить машину. Как только придет извещение, что машина поступила в магазин и ее следует выкупить, так сразу дайте мне телеграмму со словами: «приезжай покупать товар» и я сразу пойму.

Вот пока и все. У меня все нормально, здоровье в порядке, на работе пока хорошо.

С приветом, Иван.

07.01.1979 г.

Оглавление

От составителя	3
<i>Глава I. Торбоков о себе</i>	5-12
О Шории пою	5
Шория Степана Торбокова	7
<i>Глава II. Слово о С.С.Торбокове</i>	13-91
Демакова Е. Великий кайчи	13
Караваева Н.В. Коллекция С.С.Торбокова в фондах новокузнецкого литературно-мемориального музея Ф.М.Достоевского	20
Караваева Н.В. О кайчи, поэте С.С.Торбокове	23
Караваева Н.В. Обзор документов из коллекции С.Торбокова в фондах литературно – мемориального музея Ф.М. Достоевского.	24
Комзычакова В.И. Звезда над Тагдагалом	29
Кайчи	31
«Тщетное это занятие...»	33
Косточаков Г.В. Слово о С.Торбокове	34
Кремнев А.М. Воспоминания очевидца	46
Народный учитель и кайчи	47
Никонова Л. Легенды, рожденные около гор	51
Петраш В. Люблю мой край гористый и лесной!	53
Сергеев Б. Молодость и грезы поэта	55
Смирнова Л.Б. Свеча памяти	58
Торбоков В.С. Слово об отце	62
Урбан А.Г. Труды Торбокова бесценны, потомки память о поэте сохраняют	68
Цыряпкин А. Полюбил березку мой лесной народ	76
Чернышова Е.А. Хранитель времени	78
Шатилова Т. Кайчи	80
К 95-летию со дня рождения С.С.Торбокова	83
Эрфурт Л. Сильна во мне любовь к родному краю	84
<i>Глава III. Изучение творческого наследия С.С.Торбокова</i>	92-126
Чудояков А.И. Письмо в ХакНИИЯЛИ	92
Сербегешева А.А. С.С.Торбоков – собиратель шорского фольклора	93
Функ Д.А., Тугужекова В.Н. Материалы к созданию базы	

данных эпических текстов тюрков Южной Сибири.	
Неопубликованные записи шорских эпических сказаний в хакасском архиве С.С.Торбокова	98
Функ Д.А. Самозаписи С.С.Торбокова 1941-1961 гг.	110
Чиспиякова Ф.Г. Переписка С.С.Торбокова и Ф.С.Чиспиякова	116
Шенцова И.В. Шорские героические сказания в записях С.С.Торбокова	121
<i>Глава IV. Стихи о С.С.Торбокове</i>	<i>127-139</i>
Алексеева В. О Торбокове	127
Андреева С. Торбокову	128
Казанина Н. О Торбокове	128
«Под звуки кай-комуса...»	128
Колмаков В.А. Баллада о кайчи	129
Косточаков Г. С.Торбоков исполняет героическое сказание	130
Костяева Н. «Сибирский край!..»	134
Малышева С. О творчестве Торбокова	134
«Поэту»	135
«Любимой земле...»	135
«Труды Торбокова бесценны...»	135
Прихватов С. Памяти С.С.Торбокова	136
Шкаева Е. Памяти Торбокова	136
«О Торбокове»	137
«Над мустагом седым...»	138
«Торбокову»	138
<i>Глава V. Переписка С.С.Торбокова</i>	<i>140-151</i>

Слово о Торбокове

Дизайн и

компьютерная верстка: Рожнова Н.В.

Буравцова Л.А.

Гарнитура Times New Roman

Тираж 50 экз.

Адрес редакции:

г.Осинники

ул.Революции, 9

Тел.: (384-71) 5-25-37

Факс: 4-38-98

E-mail: cbs_osinniki@mail.ru